

Штрик
Сергей Владимирович

КАК

ЭТО

БЫЛО

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ПРОЖИТОМ
И О ПЕРЕЖИТОМ**

Москва 2004

ПАМЯТИ ТЕХ,

... КТО КОМАНДОВАЛ РОТАМИ,

КТО ЗАМЕРЗАЛ НА СНЕГУ,

КТО ПО ЛЕСАМ ПРОДИРАЛСЯ БОЛОТАМИ,

ГЛОТКУ ЛОМАЯ ВРАГУ ...

«Воспоминания» посвящены показу только небольшой части личной жизни автора. В основном — он пишет о себе и для себя. Это были, прежде всего, годы прошедшей Великой войны нашего народа за свое существование.

Автор вспоминает войну с личных позиций, показывает, как он видел и как переживал те события.

Книга поможет воскресить прошлое тем, кто пережил столь бурные времена.

Вместе с тем не могут остаться в стороне и те, кто просто не знает все о войне, не помнит ее.

Надо сказать, что автор широко использует архивные документы, а также воспоминания солдат и офицеров стрелковых батальонов и полков, непосредственно участвовавших в боях за нашу Родину.

«КАК ЭТО БЫЛО»

ШТРИК
Сергей Владимирович

От автора

Уходят в глубь истории тяжелые годы начального периода Великой Отечественной войны. Вместе с тем прошлое стучится в сердца нашего поколения и взывает к памяти о людях погибших на фронтах в годы прошлой войны.

Вольно или невольно вспоминаются молодые годы. Яркими вспышками высвечиваются из нашего прошлого эпизоды быта, учебы накануне войны.

Война с немецко-фашистскими захватчиками, вторгшимся в пределы нашей Родины, сделала нас в одночасье взрослыми и суровыми.

Вот почему, особое место нашего поколения и занимают годы прошлой войны. Их забыть невозможно.

Прошло более полувека, однако наиболее яркие эпизоды прошлого всплывают в памяти людей и периодически напоминают о себе. И не смотря на то, что те события все более удаляются от нас, но и сейчас в средствах массовой информации, все чаще появляются сообщения о найденных останках воинов, погибших в годы войны.

Добровольные поисковые группы, главным образом из молодежи, ведут раскопки и находят реликвии Великой Отечественной войны. Находят останки отдельных бойцов, и даже целые захоронения.

Так в газете «Вечерняя Москва» от 25 декабря 1996 года была напечатана статья: «Мы запомним суровую осень».

В этой статье было сказано, что 6 декабря 1996 года на военно-мемориальном кладбище защитников Отечества «Снегири» захоронены останки 50 защитников столицы, погибших осенью 1941 года, 20 из них найдены у дороги на деревню Семлево Смоленской области, а 30 — у деревни Летино (пос. Снегири) Истринского района Московской области.

В первом случае были определены воинские звания восьми погибших: генерал-майор, два капитана, старший лейтенант, воентехник первого ранга, лейтенант, два красноармейца. В дальнейшем были установлены некоторые фамилии погибших воинов. Это: воентехник первого ранга В.Ф. Жучилин и красноармейцы М.Ф. Демин и Платонов. Все они воевали в дивизиях 24-й армии и до последнего времени считались пропавшими без вести.

Что же касается останков генерал-майора, то с помощью Центральной судебно-медицинской лаборатории МО установлено, что речь идет о генерал-майоре Константине Ракутине, командующим 24-й армией и считавшимся погибшим в октябре 1941 года. Но места гибели и захоронения никто не мог назвать. Таким образом, была восстановлена справедливость о человеке, отдавшем свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины.

Но что нам известно от 24-й армии?

Из энциклопедии «Великая Отечественная война» (1941–1945) об этой армии я подчеркнул весьма скудную информацию.

В июне 1941 года, т.е. с начала войны, в Сибирском Военном Округе была сформирована 24-я армия. Армией с июня по июль 1941 года командовал генерал-лейтенант С.А. Калинин (начальник штаба генерал-майор Глинский П.Е.), с июля по октябрь — генерал-майор К.И.Ракутин.

В октябре в ходе Вяземской операции войска армии были окружены противником. К 20 октября управление армии было расформировано, а вышедшие из окружения войска переданы для доукомплектования соединениям Западного фронта. Вот и все.

Прочитав сообщение «Вечерней Москвы», захотелось поближе познакомиться с моими земляками, с людьми, которые в те далекие годы в большей степени определяли не только мою судьбу, но судьбы многих тысяч людей. Захотелось поближе узнать о тех, кто командовал СибВо, 24-й армией, какова была судьба соединений армии убывших на фронт.

И так, прежде всего о командующих.

Генерал-лейтенант **Калинин Степан Андрианович**. Бывший рабочий-текстильщик, участник первой мировой и гражданских войн, член партии с мая 1917 года. В СибВо командовал 73-й стрелковой дивизией, с 1938 года и до начала Великой Отечественной войны командовал войсками округа, затем на Западном фронте командовал 24-й армией.

С октября 1941 года был представителем Ставки Верховного Главнокомандования в СибВо по формированию резервных соединений.

После ухода в отставку жил в Москве. Умер в 1975 году. В 1963 году в Воениздате вышла книга его мемуаров «Размышления о минувшем».

Генерал-майор **Ракутин Константин Иванович**. Герой Советского Союза (1990 год). В Красной Армии с 1919 года. До 1941 года на ответственных должностях в войсках НКВД. В начале войны - начальник погранвойск Прибалтийского округа. С его именем связана оборона Либавы, Таллинна и других городов Прибалтики. С 26 июля 1941 года командовал 24-й армией Резервного фронта.

9 октября погиб в бою в Смоленской области.

Как, мы видим, у командующих 24-й армией сложились разные судьбы, также, видимо, и дивизии армии прошли различными дорогами войны, внося свой вклад в разгром ненавистного врага.

Что я лично могу сказать об этих командующих?

Почти — ничего.

По службе не сталкивался, а в личных вопросах - тем более.

Так, генерал-лейтенанта Калинина С.А., где-то в июле 1941 года, я видел один раз — под Духовщиной.

Батальон готовил оборону. Помню, командующий приехал к нам на броневичке, спросил: какой дивизии, какого полка, чем заняты, какую имеем задачу. И уехал.

Вот и все.

Еще до войны, там, — в Новосибирске, командиры из штаба СибВо говорили о нем хорошо.

Говорили, что командующий спокойный человек, заботится о подчиненных. Решения принимает обосновано.

Какой он был на войне, — не знаю. Судить не могу.

Еще меньше знал генерал-майор Ракутина К.И.

Отзывы в дивизии о нем были разные.

Это вполне естественно, так как обстановка в то время под Смоленском была очень сложная.

На мой взгляд, весьма точно, правильно охарактеризовал генерала Ракутина К.И. маршал СССР Г.К. Жуков в своих воспоминаниях и размышлениях.

На стр.123 (1990 год издания) маршал писал: «К.И. Ракутина я раньше не знал. Доклад его об обстановке (31 июля 1941 года) и расположение войск армии произвели на меня хорошее впечатление, но чувствовалось, что оперативно-тактическая подготовка была у него явно недостаточной».

К.И. Ракутину присущ тот же недостаток, что и многим офицерам и генералам, работавшим ранее в пограничных войсках Наркомата внутренних войск, которым почти не приходилось совершенствоваться в вопросах оперативного искусства».

Первоначально (в СибВо) в 24-ю армию входили 91, 107, 133, 166 и 178-й стрелковые дивизии, артиллерийские, инженерные и другие соединения и части. До войны соединения и части будущей 24-й армии (в составе СибВо) дислоцировались в городах Западной Сибири: в Омске, Новосибирске, Томске, Красноярске и других городах.

107-я стрелковая дивизия была сформирована в г. Барнауле. В составе ударной группировки 24-й армии участвовала в освобождении г. Ельня. В ходе войны входила в состав 49, 33, 16-х армий, а с июля 1943 года — 11-й Гвардейской армии. Участвовала в Московской битве, в Орловской, Брянской, Городокской, Восточно-Прусской операциях. За боевые заслуги преобразована в 5-ю Гвардейскую стрелковую дивизию, удостоена почетного наименования «Городокская». Награждена орденами Ленина, Красного Знамени и Суворова II степени.

133-я стрелковая дивизия сформирована в г. Новосибирске, в составе оперативной группы 16-й армии генерала Рокоссовского в июле 1941 года участвовала в контрударе южнее города Белый, с боями вышла из окружения и в составе 1-й Ударной армии приняла участие в боях за Клин, Яхрому, Калинин. В мае 1942 года за боевые заслуги преобразована в 18-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. Далее воевала в составе 11-й Гвардейской армии. Награждена орденом Красного Знамени.

178-я стрелковая дивизия сформирована в Алтайском крае в составе оперативной группы 16-й армии генерала Рокоссовского участвовала в контрударе в районе Ярцево. Позже - в октябре 1941 года, заняв оборону по реке Западная Двина, — прикрывала отход 22 и 29 армий. В феврале 1942 года в составе 1-й Ударной армии участвовала в освобождении городов Клин и Калинин. В 1944 году в составе 21-й армии дивизия принимала участие в Выборгской операции. За боевые заслуги удостоена почетного наименования «Выборгская». Награждена орденом Красного Знамени.

Как видно, из пяти стрелковых дивизий, сформированном в Сибирском военном округе и воевавших в 1941 году под Смоленском, предельно ясна судьба трех дивизий.

Ну а что же произошло с 91-й и 166-й стрелковыми дивизиями?

Надо сказать, что о **91-й стрелковой дивизии** имеются хотя и весьма скромные, но все же какие-то данные есть. Эта дивизия была сформирована в городе Ачинске. 24 июля 1941 года в составе армейской группы генерал-лейтенанта Калинина С.А. участвовала в контрударе под Духовщиной. Позже в районе Вязьмы дивизия вела тяжелые бои в окружении. И все. Больше нам о дивизии ничего неизвестно.

Что же касается *166-й стрелковой дивизии*, то ее судьба в Смоленском сражении занимала особое место в моей жизни. Поэтому свою обязанность я видел в том, чтобы обратиться в событиях, происшедших под Смоленском и Вязьмой в октябре 1941 года.

И, наконец, я не могу и не хочу остаться равнодушным к тому героическому прошлому тех лет, участником которых, мне посчастливилось быть.

После мучительных раздумий, переживаний и сомнений я начал работать над воспоминаниями.

Однако хотелось сразу сказать, что я не пишу учебник по Оперативному искусству и не стремлюсь освещать историю Великой Отечественной войны.

Мне это не под силу, да и к тому же, по этим вопросам и так много сказано и написано.

У меня совершенно другие задачи и цели. Я хочу правдиво, по мере моих сил и возможностей восполнить некоторые пробелы в прошлых событиях жизни нашего поколения и моих сверстников.

1. Сибиряки.

Сибирь — это необъятный, сказочно богатый и романтический край, это родина свободолюбивых, очень и очень непростых, сноровистых в труде и бою людей.

В единоборстве с суровой природой, в ратных испытаниях, веками складывался и закалялся характер сибиряка.

На территории этого громадного края, вот уже полвека существовал Сибирский Военный округ.

Если взглянуть на географическую карту, то территория Военного округа сразу и глазом не окинешь. Она простиралась от Уральских гор до Среднесибирского плоскогорья, от границ Монголии до северных тундр.

Так было многие, многие десятилетия.

Было до тех пор, пока не коснулась перестройка последних лет — наших Вооруженных сил, а с ними и Сибирского военного округа.

В декабре 1998 года состоялось решение Правительства о слиянии Сибирского и Забайкальского военных округов.

Согласно приказу Министра обороны Российской Федерации был создан Забайкальско–Сибирский военный округ (ЗабВо). Управление округа в г. Чита.

Состав: Читинская и Иркутская области; Республики Бурятия и Саха (Якутия); Алтайский и Красноярский края; Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская, Тюменская области; Республики Алтай, Тыва и Хакасия.

В городе Новосибирске находится штаб армейского корпуса.

Была произведена реорганизация соединений, частей округа. Большинство из них стало — скандированными.

Реорганизованы военные учебные заведения округа.

Уточнены военные кафедры гражданских учебных заведений.

Далеко на восток шагнул Сибирский военный округ. Во много раз его территория превосходит территории Европейских государств. Да, пожалуй, и всей Европы побольше.

Но как и в прежние годы, так и теперь с историей округа никак не вяжется представление, как о внутреннем тыловом округе.

Всегда в грозную для отчизны пору, округ оказывался в центре событий.

В годы иностранной интервенции и гражданской войны, вся Сибирь пылала кострами партизанской войны.

В годы Великой Отечественной войны территория СибВо не являлась ареной боев. Но этот «тыловой округ» тоже воевал. И еще как!

В июне 1941 года первые эшелоны дивизий округа ушли на фронт.

В период тяжелых испытаний имя «сибиряк» стало символом патриотизма, храбрости, упорства, выносливости.

Одним из старейших соединений Сибирского Военного округа была 166-я стрелковая дивизия, которая дислоцировалась в городе Томске. Мне захотелось особо остановиться на этом городе.

Дело в том, что я родился в Томске. Там жили мои родители, моя сестра. Там я учился и из этого города ушел на фронт.

ТОМСК

Камень–мемориал на Воскресенской горке.

На этом месте, в 1604 году, русскими казаками была срублена томская крепость.

Дом (ул. Советская), построенный в 1889 году для томского губернатора. В 1917–1918 гг. здесь в «Доме свободы» помещался Совет рабочих и солдатских депутатов. С 1927 года – Томский дом ученых.

Главное здание Томского государственного – первого университета в Сибири (основан в 1880 году по проспекту архитектора А. Бруни).

Я очень люблю Томск.

Город расположен на юго–восточной и юго–западной равнинах, что на правом берегу реки Томь в 60 км от ее впадения в реку Обь. Река Ушайка разделяет город на два района.

Характерная особенность Томска — обилие зелени, сохраненных естественных лесных участков. Город окружен небольшими массивами кедровых, пихтовых, сосновых и березовых парковых лесов, быстро растущих летом лугов — «еланей».

Томск — это крупнейший промышленный, научный и культурный центр Западной Сибири.

Из схемы на стр. 12 видно, что когда началась война, город укомплектовал и отправил на фронт 166, 284, 370, 366, 149, 328-е стрелковые дивизии, а также другие соединения и части.

Сотни командиров подготовили и отправили на фронт Томское артиллерийское училище и Училище связи.

В Томском госпитале «отремонтировали» и вернули фронту ни одну тысячу воинов, раненных в боях за Родину.

Как мне представляется — особенностью Томска, прежде всего, являются его жители. Говорю это я не для «красного словца». Дело в том, что веками в город приезжали и становились его жителями люди, как правило, не по своей воле, а по принуждению.

Жили здесь и священнослужители, лишённые священного сана, и ссыльные декабристы, жили участники польского восстания и народных восстаний. Много было высланных в город за революционные действия.

Особенно много людей было из числа высланных уже в наши тридцатые годы.

Все эти люди годами, десятилетиями оказывали разное влияние на мысли, действия и убеждения коренных томичей-чалдонов. В Томске всегда была очень сложная криминальная обстановка. Процветало воровство, бандитизм, были громкие убийства.

Материальная жизнь в городе была всегда тяжелая. Надо учесть, что снабжение населения города Томска продовольствием, продуктами питания значительно уступало снабжению других городов Сибири, особенно Новосибирска, Омска, Кузбасса. Это вызывало у жителей города определенное неудовольствие. В городе ходили различные сплетни, разговоры, анекдоты.

На столбах стадиона «Локомотив» или «Спартак» я несколько раз видел листовки антисоветского содержания.

Правда, особого интереса у людей эти листовки не вызывали.

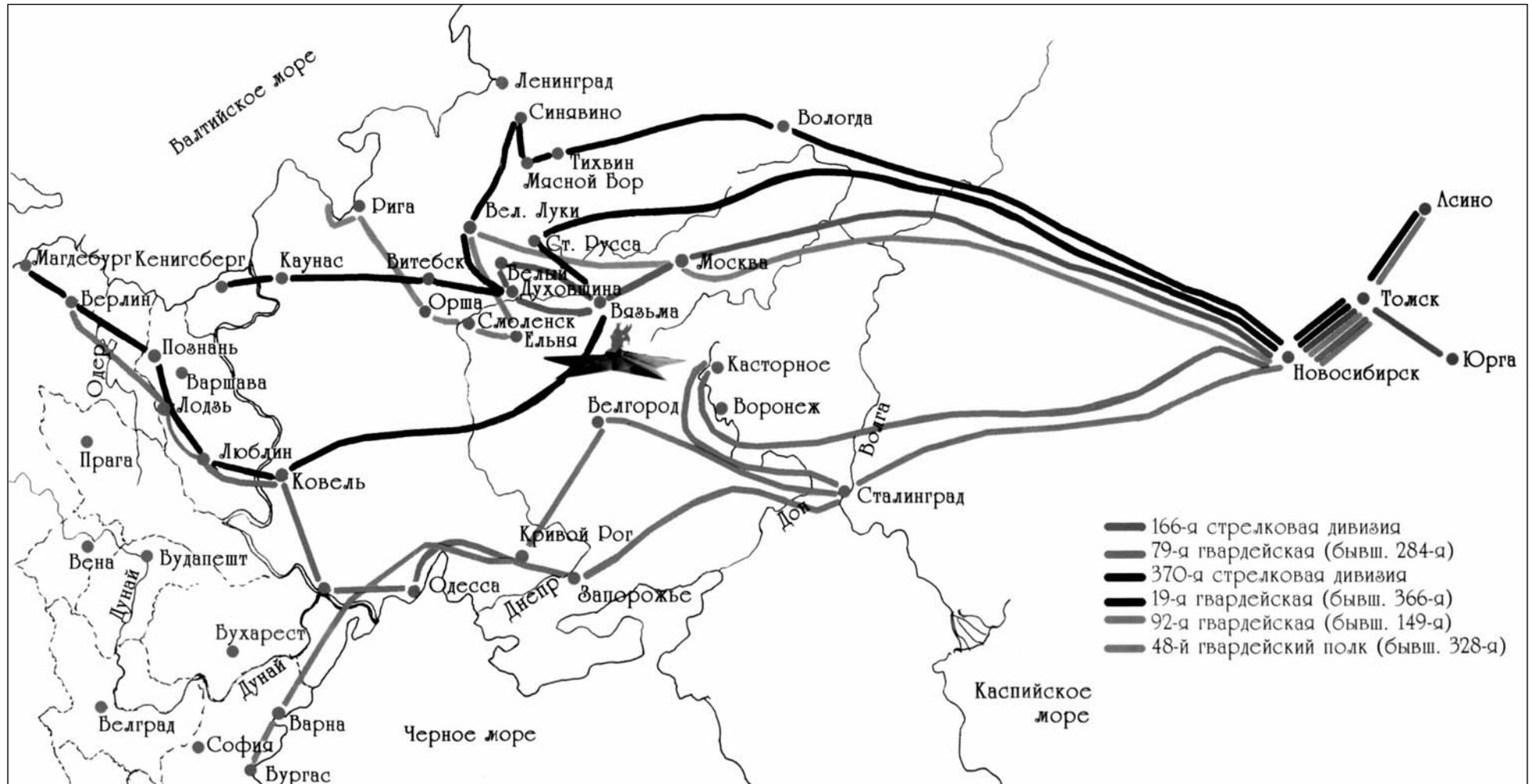
Я тогда эти листовки просто не понимал. Но содержание одной из них как-то рассказал своему отцу.

Помню, что отец, выслушав меня, подумал, как всегда, и сказал, примерно так: «Я думаю, что те, кто сочинял эти листовки, — очень нас не любят. Просто ненавидят». Потом подумал еще и добавил: «Это видимо неумные, просто глупые люди».

Об этих листовках можно было бы сейчас и не писать. Как это не странно, но я вспомнил о них несколько лет спустя. Это было в июле-августе 1941 года, под Смоленском. Немцы засыпали нас тогда листовками с призывом сдаваться в плен. По содержанию немецкие листовки были копиями тех, которые я читал в Томске в 1932 году. И на фронте я вспомнил слова своего отца. Только тогда, я понял, как прав он был.

Боевой путь соединений и частей, сформированных в Томске.

1939 – 1944 года.

Жизнь города Томска, как в зеркале, подчас и в кривом, отражалась в жизни жителей нашего двора по Пролетарской улице. Многие, все еще по-старому, называли ее тогда: Дворянской.

У нас во дворе было три жилых дома и громадный склад, принадлежащий знаменитому СиБЛагу НКВД. В складе хранилось зерно для снабжения «клиентов» НКВД.

Удивительно различные люди, семьи населяли эти дома.

Рядом с нами жила, например, семья капитана, который служил в Томском артиллерийском училище. После войны в здании училища размещалось училище связи. В июле 1997 года в этом здании произошла страшная трагедия, унесшая жизнь двенадцати курсантов.

Я дружил с сыном капитана, часто бывал у них, много говорил с самим хозяином квартиры. Он очень подробно, интересно, с большой любовью рассказывал об армии, ее жизни, учебе. Думаю, что эти рассказы во многом предопределили мою дальнейшую судьбу.

В соседнем доме жил зубной врач. У него было четыре сына, с одним из них у меня были хорошие отношения. У врача была очень хорошая библиотека, которой я мог пользоваться. Надо сказать, что за эти годы жизни в Томске прочитал я художественной литературы гораздо больше, чем за всю оставшуюся мою жизнь. Помню, как ночами «проглатывал» книги Дюма, Жюль-Верна, Вальтер Скотта, Майн Рида и других, так дорогих мальчишескому сердцу, авторов. Авторы этих книг, тоже, как и капитан из ТАУ, оказали большое влияние на мою дальнейшую жизнь.

В одном из домов, жил известный в Сибири баянист — Иван Иванович Маланин. Он и его супруга от рождения были слепые. Сколько же радости давал Иван Иванович людям, когда открывал окна своей квартиры (даже зимой) и по двору разносились чудесные звуки его баяна.

Очень интересный человек жил в соседнем доме. Он имел какое-то отношение к торговле и его иногда арестовывали, но быстро отпускали. После очередной отсидки, торговец прямо посреди двора устраивал «Пресс-конференцию». Он с восторгом говорил, что там (в НКВД) «усе досконально о нас известно».

Над нашей квартирой жила семья оперного артиста. По-моему фамилия его была — Коломиец. В Томске было два театра — один драматический имени Луначарского, другой театр, который не имел своей постоянной труппы. Вот года два в этом театре выступала приезжая, очень сильная оперная труппа.

Мы — это мама, моя сестра и я — часто ходили в оперу, практически не пропуская ни одной из постановок. Там же мне посчастливилось послушать «Евгения Онегина», «Пиковую даму», «Снегурочку», «Риголетто» и другие оперы. Моя мама подробно, очень интересно, доходчиво рассказывала нам с сестрой о содержании оперы, о музыке.

Пожалуй, никогда мне не удалось послушать и понять столько чудесных опер, как это было тогда в Томске.

Не могу ни сказать и о том мальчишке, который родился в 1932 году и какой-то период жил в нашем дворе. Мальчик вырос, учился и в дальнейшем стал известным космонавтом. Я знал его маму, так как моя сестра училась с ней в одной школе и дружила с ней.

В одном из домов нашего двора был притон, а иначе - «воровская малина». Об этом хорошо знали все жители двора, знали и в милиции. Иногда, время от времени, милиция на-

ведывалась к нам во двор, кого-то уводили, участковый вел душещипательные воспитательные беседы, но все оставалась по-старому.

Слепком, копией взрослой части населения каждого двора и дома было молодое поколение — мальчишки и девчонки.

Увлечение томских мальчишек были — лыжи. Зимой ходили на большие расстояния через реку Томь до дачного поселка Городок, до станции Тайга, поселка Басандайка и другие пункты.

Ходили самостоятельно, по собственной воле без понукания и давления кого-либо.

Но самое главное в жизни каждого томича-мальчишки — это был спуск с высокого берега реки Ушайка, в самом городе.

Между «Каменным мостом» и «Аптекарьским мостом» существовала головокружительная трасса: «Обруб» — почти по отвесной горе.

Мечтой каждого мальчишки, пожалуй, долгом каждого — было благополучный спуск с «Обруба». Было страшно, но каждый считал, что именно — «я должен» это сделать.

Помню, как я падал, ломал лыжи, набивал синяки, но все же «Обруб» я покорил.

Летом было другое увлечение — река Томь с ее протоками, где тоже шло непрерывное соревнование. Нужно было переплыть протоку. Это было дело чести. Но летом было сложнее, так как лето в Сибири короткое да и большинство из мальчишек летом трудилось. Я, например,

Вид на реку Томь с обрыва Лагерного сада (Южный городок).

несколько летних месяцев работал в совхозе «Опытное поле» или в геодезическом отряде.

Оглядываясь на прожитое, мне кажется, что в самом образе жизни жителей Томска, их упорстве, взаимной поддержке у молодежи сибирских городов и сел, как-то незаметно выработывался определенный характер.

Я уверен, что именно этим характером выделялись, отличались сибирские войска во всех прошлых битвах, сражениях и войнах за нашу родину.

Давно ушло прошлое Томска, когда сообща выяснялись отношения, когда шла стенка на стенку, улица на улицу. В тридцатых годах этого уже не было. Но деление на «наших» и на «не наших» — осталось. Вот странно — учились в одной школе, ездили в еденные пионерские лагеря, но все же такое деление было. На улице нет, нет, да и вспыхивал клич «наших бьют» с последующими действиями и выяснениями отношения сторон.

Школа наша была большая, с хорошо оснащенными кабинетами.

Возглавляла школу — Лия Матвеевна Нагнибеда. Это была рослая, очень волевая женщина. Побаивались ее не только мы — учащиеся, но и даже залетная шпана соседних районов.

Часто в школе устраивались вечера. Народу набивалось много. Порядок мы устанавливали сами, своими силами. Но бывало так, что по каким-то причинам, обстановка в школе все же вдруг накалялась и, вот-вот должна была вспыхнуть драка. Тогда в актовом зале появлялась Лия Матвеевна. По школе сразу разносилось: «Аттасс! Лия! Шухер!», и, как по мановению волшебной палочки, накал страстей спадал.

*1933 год – Город Томск. Школа № 2–4, 8–й класс «Б».
В центре – директор школы Нагдибеда Л.М.
В первом ряду: первый справа – Боря Магнер, последний
слева – Афоня Байдин. Последний ряд: третий справа –
Штрик Сережа, предпоследний слева – Юра Кондратьев.*

На уроках отвечали не все, а от «бригады» только один человек, выбранный ребятами. Поэтому материал усваивался плохо. Было как-то неинтересно учиться, даже не хотелось ходить в школу. Во многом этому способствовала та обстановка, которая была в школе.

Сравнивая прошлое и настоящее время, невольно приходишь к выводу о том, как все же много общего было в жизни тогдашней школы с «дедовщиной» современной армии.

С трудом, закончив восемь классов, я твердо заявил дома родителям, что в школу я больше не пойду. В 1934 году поступил в Томский Железнодорожный техникум. Почему поступил именно в этот техникум, а в не другой — ответить не смогу.

Наверно, просто он был расположен недалеко от нашего дома.

Этот техникум был старейшим в Сибири, средним специальным учебным заведением. Там готовили хороших специалистов различного профиля для железнодорожного транспорта.

Учились здесь в основном дети железнодорожников. Многие из них были знакомы друг с другом еще до учебы. Поэтому обстановка среди студентов была весьма доброжелательная и ни как не походила на школьную.

Я довольно быстро вошел — как равный среди равных в коллектив учебной группы. Особенно хорошие отношения сложились у меня с Толей Котовым и Володей Петеримовым.

Занятия в техникуме проходили весьма интересно и поучительно. Особенно вспоминается производственная практика, которая проходила на электростанции Томск–I (первый курс) и на Урале — в городе Баранча (второй курс).

Вместе с тем, надо сказать откровенно, особого интереса учеба в техникуме у меня не вызывала. Чем это объяснить — сказать не могу, хотя учился я тогда гораздо лучше, чем в школе.

Сам не знаю почему, но школа, учеба в ней оставили в моей памяти какой-то горький осадок.

Видимо — это объяснялось, прежде всего, состоянием моего здоровья — что-то плохо было у меня с легкими.

Сама методика обучения в школе в те годы была довольно странная. Практиковался, так называемый, «бригадный метод». Суть этого, как помнится, заключался в том, что учебный класс делился на 3-4 «бригады», по 7-8 человек.

*1934 год – учеба в Томском
железнодорожном техникуме.*

*1935 год – по дороге
на производственную практику на Урал,
в город Баранча. Слева на право: Штрик
Сергей, Серебрякова Поля, Котов Толя,
Петеримов Володя, Александрова Катя.*

Весьма интересным является то, что во время учебы в техникуме, я как-то по-другому увидел и понял рабочего человека — в своем большинстве очень смышленного, энергичного и жизнерадостного.

Вместе с тем, именно здесь, учась в деловой среде, среди взрослых людей, я почувствовал, что мое детство навсегда от меня ушло. Детство — тяжелое, полное обид и унижений, но все же, пожалуй, самое беззаветное в жизни человека.

Наступал новый этап моей жизни. При этом сложность заключалась в том, что врачи настоятельно рекомендовали дать организму немного укрепиться.

В 1936 году семья наша переехала в Новосибирск, и сразу же нужно было решать: а что же мне делать дальше? «Укреплять» свой организм, — то есть ничего не делать, непрерывно отдыхать, — я не мог. Поэтому подал заявление на курсы подготовки в ВУЗ при Новосибирском Плановом институте.

Летом 1936 года начались занятия. Занятия эти вели преподаватели Планового института. Состав преподавателей был очень сильным. Программа, рассчитанная почти, что на один год обучения, охватывала десять классов средней школы.

Нужно сказать, что за те месяцы учебы на курсах я получил неизмеримо больше знаний, чем за все годы обучения в школе.

Занятия проходили очень интересно, вместе с тем — интенсивно. Вспоминая учебу на курсах, думаю, что тогда впервые понял, какие это интересные предметы: алгебра, геометрия, как много увлекательного в опытах на уроках химии, физики.

С удовольствием ждал занятий, спешил на них. Результат был налицо — впервые в жизни я начал хорошо учиться.

В 1937 году был принят в комсомол. На курсах познакомился с такими хорошими людьми — как Коля Беляев, Илья Остроумов, Лида Романова, Пана Шелепова и Маруся Котова.

Время стремительно шло и шло вперед. На курсах приближался выпуск. Совершенно неожиданно меня пригласили в Горком Комсомола. В Горкоме довели до сведения, что ВЛКСМ объявил призыв молодежи в военные училища. Меня спросили: а как я думаю о профессии «Защитник отчества»?

Следовательно — нужно было решать очень серьезную проблему: как жить дальше?

При этом обозначились три возможных варианта: *во-первых* — можно было попытаться сдать экзамен в ВУЗ; *во-вторых*, — не исключалась работа на транспорте, используя профессию полученную в железнодорожном техникуме; *в-третьих*, — идти учиться в военное училище.

У нас в семье при решении этого вопроса мнения разделились.

Мама и сестра категорически настаивали на учебе в ВУЗе.

Отец, впервые в жизни, отказался дать какой либо ответ. Он сказал: «Решай сам. Ты уже большой».

Как всегда, решающее слово сказала Маруся Котова. На правах хорошего друга, помню, она заявила: «Серег! Военная форма тебе пойдет». И судьба моя была решена.

Поэтому, 8 июля 1937 года, я написал рапорт (впервые в жизни — рапорт, а не заявление), и перешагнул порог Райвоенкомата. В рапорте я дал согласие о поступлении на учебу в Ленинградское Военное училище им. А.А. Жданова.

С того времени прошло более полувека. Но я никогда не жалел о том шаге, сделанном мною. И если бы вдруг судьба возвратила меня назад, в тот июльский день 1937 года, я опять и опять сделал бы этот шаг.

В середине августа 1937 года человек десять ребят, отобранных Военкоматом, выехали в Ленинград.

Своих родителей я просил не ходить, не провожать. Пришла только Мария Котова. Поезд уже тронулся, когда я спрыгнул на перрон и впервые в жизни ее поцеловал. Потом на ходу вскочил в вагон. Поезд набирал ход. А на сердце было как-то тревожно. Что ждет меня в Ленинграде? Военная служба? А какая она, что это такое?

Ленинград встретил нас дождем!

Надо сказать, что город произвел на меня какое-то странное впечатление. Это громады удивительно красивых домов, прямые улицы, какой-то размеренный, спокойный образ жизни. Все это выгодно отличало город от других городов, в которых я бывал раньше. В том числе от Москвы и Новосибирска.

Мое первое впечатление сохранилось на все последующие годы общения с этим чудесным городом.

Нужно помнить, что моя военная служба началась в 1937 году. А этот год был страшных репрессий, захлестнувших страну. Не было и исключения и наше училище.

Насколько я помню, обязанности начальника училища исполнял начальник учебного отдела. По-моему, — это был майор Брынзов.

Ни начальника училища, ни комиссара к нашему приезду на месте не было. По слухам они были репрессированы. Так это было, или нет, я не помню.

Однако жизнь шла своим чередом.

Мы были молоды и искренне верили тому, что все делается правильно, все к лучшему.

Очень интересно, как я в то время оценивал свою жизнь. Лет десять тому назад, случайно ко мне вернулись часть писем, какие я писал домой в Новосибирск. Отец эти письма сохранил. Но самих родителей тогда уже в живых не было.

Так вот, в одном из этих писем, отправленных мною еще в ноябре 1937 года, я написал: «Дорогие мои. Живу я нормально. У меня все хорошо. Папа! Видимо, я нашел то, что хотел, о чем мечтал. Пришел к тому к чему стремился».

Всегда я был уверен, что самое сложное для человека, при его вхождении в военную жизнь, заключается в правильности восприятия дисциплины. Необходимо сказать, что, по-моему, у многих людей этот процесс происходит болезненно. А у некоторых, просто — трагически.

Но как ни странно, лично я принял военную дисциплину, просто, как что-то обычное, само собой разумеющееся и необходимое для меня.

Как мне кажется, во многом этому способствовала та атмосфера, те взаимоотношения, которые были в нашем коллективе.

Я как-то не помню ни фамилий, ни какого либо влияния командиров из постоянного состава училища, т.е. командиров учебного взвода, роты, батальона.

Но зато я отлично помню тех ребят нашего учебного отделения курсантов во главе со старшиной *Иваном Ворониным*. Он родом из Бийска — пришел учиться, прослужив в армии один или два года.

Иван Воронин был тем командиром, который привил нам основы военной премудрости. Он показал, как например, наматывать портянки, как подшивать подворотничок, как чистить винтовку. У него я научился, как разжигать в лесу костер сырыми дровами. Да было многое другое. При этом старшина Воронин никогда не тыкал нам: «Ну, ты, салага!». Говорил как равный с равным.

Не могу забыть Борю Фондова. Спортсмена. Немало помаялся он, затаскивая меня на турник или брусья. Вспоминаю Костю Берданосова, Женю Швачко, Костю Макушкина — нашего запевалу и других ребят. Большую помощь, поддержку получал я от каждого из них.

Но тяжелая доля досталась этим ребятам. Большинство из них погибли на войне с Финляндией, или в Великой Отечественной войне.

Моя учеба шла нормально. Правда, я не был в числе отличников или «хорошистов». Просто был я твердым середнячком.

Нравилась мне строевые занятия. Особенно вспоминаю, когда после вечерней поверке, роты училища, одна за другой, проходили по ночному Ленинграду, а вдоль тротуаров стояли толпы народа и слушали наши песни.

С удовольствием принимал я участие в подготовке и в самих парадах на Дворцовой площади.

Большое воспоминания оставили в моей памяти маневр в ЛВО, в которых принимало участие и наше училище.

Особенно запомнилось маневры в марте 1938 года. Наша рота обеспечивала штаб «красных»: в районе городов Луга и Колпино. Лично я был посыльным при оперативном отделе «красных».

Скажем прямо — роль посыльного не так уж престижна и важна. Посыльный, — есть посыльный. Но зато я имел возможность, правда, через щелку в штабной палатке, наблюдать работу оперативного отдела фронта.

Впервые в жизни тогда услышал я, что это такое: уяснение задачи, оценка обстановки, принятие решения, организация, взаимодействие и другие «премудрости» оперативного искусства.

Я увидел большие карты с красными и синими стрелами.

Слышал, опять таки через стенку палатки, доклады больших начальников. Откровенно говоря, тогда далеко не все до меня доходило, и не все я понимал. Но эти маневры произвели на меня неизгладимое впечатление.

После первого курса, в 1938 году, поехал в отпуск — в Новосибирск, где и женился.

Свадьба была далеко не пышная, так как возможности наших родных были крайне ограничены.

Женился я на своей давнишней знакомой — *Котовой Марии Никитичне*. Она — сибирячка, родом из Мариинска. Это небольшой городок восточнее Новосибирска.

*1938 год — фонтаны Петергофа.
В увольнении: сидят — старший сержант Назаренко Захар, сержант Штрик Сергей, стоят — сержант Макушкин Костя, старший сержант Фондов Борис, заместитель политрука Янковой Алексей, сержант Маслянников Жора.*

Когда я вернулся после отпуска в училище, произошло два события: *во-первых*, в моей личном деле появилось уточнение — женат, и данные о жене; *во-вторых*, меня приняли в кандидаты коммунистической партии большевиков.

В годы учебы в Ленинграде я хорошо познакомился с культурным богатством города. Довольно часто, как позволяли увольнительные, ходил в театры.

Побывал я в театре им. Ленсовета, им. Ленинского Комсомола, в Театре Комедии. Был в театре Оперы и Балета им. Кирова.

За время учебы ходил в музеи города и его окрестностей - в Эрмитаже, Русском музее, Петергофе и других.

Быстро пролетали годы учебы в Ленинграде. В 1939 году закончил учебу и получил направление для дальнейшего прохождения службы в город Томск — в 166-ю стрелковую дивизию, в 517-й стрелковый полк на должность командира роты.

Круг замкнулся, - я опять вернулся на родину - в Томск.

Наступил новый этап моей жизни. Но этот этап совершенно не подходил на мою прожитую жизнь. Прежде всего, — я стал командиром. У меня в подчинении, на моих плечах появились люди, техника. Я уже не имел права на ошибки. Но вместе с этим я приобрел и другое право — на команду: «Делай, как я». Наконец, у меня появилась жена, дети — новая ответственность, иные заботы.

Теперь — о славной 166-й стрелковой дивизии.

Нужно сказать, что к началу войны 166-я стрелковая дивизия была укомплектована личным составом, имела положенный возимый запас материальных средств, и вооружения по штату мирного времени.

Полки дивизии располагались в двух военных городках: 423, 517, 735 стрелковые полки и специальные подразделения — в Северном городке (возле железнодорожной станции Томск–II), артиллерийские полки (пушечный и гаубичный) — в Южном городке.

Штаб дивизии занимал здание в центре города. Командовали дивизией: полковник *Холзинев* Алексей Назарович, комиссар дивизии: бригадный комиссар *Русанов* Иван Иванович, начальник штаба: майор *Стефеев* Александр Леонидович, начальник тыла: подполковник *Балабушевич* Петр Васильевич, начальник артиллерии дивизии: полковник *Лукин*.

Военные городки в Томске, построенные еще во времена Александра II, были очень удобные. Основу городка составляли двухэтажные казармы на батальон. В каждой казарме на первом этаже размещались стрелковая и пулеметная роты, штаб батальона и пищеблок. На втором — стрелковые роты.

Интересно, что оружие располагалось в оружейных комнатах, которые дополнительными запорами и замками не оборудовались. Случаев хищения оружия я не знаю и не помню.

Личный состав дивизии был укомплектован призывниками Томской, Новосибирской областей и Кузбасса. По национальности в большинстве — это были русские и татары. В 1940 году прибыло пополнение из Западной Украины. Сейчас я не помню, почему, часть красноармейцев уже отслужили по три года, но по приказу Наркома были оставлены в армии на какие-то сборы и продолжали служить.

*Сентябрь 1939 года.
Вот я и «лейтенант».*

Надо сказать, что боевая подготовка, во время нахождения в местах постоянной дислокации, была крайне интенсивной и своеобразной. Основное внимание уделялось лыжной и физической подготовке. Помимо ежедневных лыжных тренировок, батальон зимой в составе дивизии, участвовал в многодневных переходах — Томск–Юрга и Томск–Новосибирск. Спустя несколько лет — в боях за Москву, часто вспоминал я этих отлично подготовленных лыжников батальона. Как мне их тогда не хватало.

Помню, что очень много времени занимала гарнизонная служба. Дело в том, что в Томске размещались склады центрального, окружного и дивизионного подчинения. Охрану этих складов несли подразделения дивизии. Нагрузка на командный состав батальона была исключительно большая.

Кроме плановых занятий по боевой и политической подготовке, очень многочисленных дежурств, нарядов нужно было уделять время и личной подготовке. Отдельно нужно было работать и с младшими командирами. Нельзя было забывать и о контроле состояния оружия.

Вспоминая прошлое, с особой гордостью, с особым удовлетворением хочу подчеркнуть, что наше время мы не знали такого позорного явления, как «дедовщина». Того, что так характерно для современной армии.

Чем я могу это объяснить?

Прежде всего, что старослужащие «деды» были действительно опытнее «зеленых» красноармейцев, больше их знали, лучше умели. Им просто не нужно было доказывать свой «верх», свое превосходство. Их за это просто уважали. Кроме того мне кажется, что весь состав роты, батальона был всегда (24 часа в сутки) под контролем средних командиров.

Другое объяснение я вижу и в весьма добросовестном отношении командиров всех степеней к своим обязанностям, в заботе их о своих подчиненных.

Большое значение, на мой взгляд, имело также правильная организация свободного времени рядового состава, товарищеские контакты с командирами всех степеней.

Большинство командиров и их семьи жили в домах командного состава вблизи своих городков. Но в конце 1939 года в дивизию начало прибывать новое пополнение — выпускники Военных училищ.

С жильем стало сложнее. Тогда городские власти передали командованию дивизии большую гостиницу на улице Коммунистической.

В сентябре 1940 года семья моя пополнилась, — родилась дочь Наталья (сын Александр родился в 1938 году), и мы получили небольшую комнату в гостинице. Жена моя, как большинство сибирских женщин, житейские невзгоды переносила просто, без трагедий, поэтому бесконечно была рада и одной небольшой комнате.

Жили мы, совсем молодые тогда лейтенанты, очень дружно. В памяти сохранились фамилии офицеров батальона 517-го стрелкового полка: адъютант батальона лейтенант *Костенко* Федор, командиры рот: лейтенанты *Герасимов* Павел, *Ермеков*, *Фастовец* Николай.

Вспомнился мне и фельдшер батальона: лейтенант медицинской службы *Лебедев* Коля.

Исполняющий
обязанность Комбат-2 —
Штрик Сергей.

Хорошие это были ребята. Вот только судьба с ними обошлась неласково. На фронте Федя Костенко был очень тяжело ранен и вернулся домой калекой, жил в родном нашем Томске. Женился.

Паша Герасимов, Ермеков, Коля Фастовец - погибли в боях на Смоленщине. Пусть земля будет для них пухом.

Командовал нашим 517-м стрелковым полком полковник *Рыбаков* Тимофей Илларионович, военком: батальонный комиссар *Ляшко*.

Летом части дивизии убывали в Юргинские лагеря. Особо хотелось бы сказать об этих лагерях. Многие годы на бескрайних просторах Барабинской низменности, на удалении 30 км от Томска, на большой территории учились оттачивать свое мастерство войска Округа. Это был Юргинский полигон, названный по имени железнодорожной станции Юрга.

Располагался полигон примерно в центре дислокаций соединений и частей Округа, на Транссибирской магистрали.

Вблизи полигона было очень мало населенных пунктов, что облегчало организацию боевой подготовки практически всех родов войск.

Поэтому полигон использовался почти круглый год — летние и зимние сборы частей и соединений, боевые стрельбы артиллерии, вождение танков, практическое бомбометание авиации, сборы специальных подразделений Округа.

Расположение частей 166-й стрелковой дивизии на полигоне было весьма удобным.

Между высокими каменистыми берегами тихо течет река Томь. В те годы это была исключительно чистая прозрачная река. Даже на большой глубине можно было рассмотреть из лодки мелкие камешки на ее дне.

Вдоль восточного берега реки тянулась сибирская тайга, по западному же берегу простирались бескрайние просторы Барабинской низменности. На восточном берегу реки в густом лесу по ночам слышались крики сов, днем — щебетание птиц.

На западном берегу была рассредоточена дивизионная «передняя линейка», «святая святых» для всего личного состава, находящаяся под неусыпным контролем старшин рот. На ней проводились общие разводы на занятия, перед отбоем — вечерняя проверка.

За передней линейкой размещались палатки для рядового и сержантского состава - в порядке полков 517-й полк, 423-й полк и т.д.

Артиллерия, бронемашины, танки, разведывательные машины располагались в специальных укрытиях.

Командиры жили в отдельных домиках, построенных в густой роще, недалеко от дивизионного Дома Красной Армии. Я жил в лагере один, т.к. дочь была еще мала и жена не рискнула везти ее из города.

*Вот они — друзья однополчане.
1940 год, город Томск, 166-я стрелковая дивизия.
Слева: командир роты — лейтенант Герасимов Павел. Рядом: фельдшер батальона — лейтенант медицинской службы Лебедев Николай.*

Тайга в районе Юргинских лагерей.

Вспоминаю, я очень любил в свободные вечера посидеть у Томи. Мне казалось, что там, у больших камней, река шепчет о чем-то своем. Над рекой плавал какой-то серебряный шар, а весь воздух был напоен запахом леса и реки.

Помнится, что время от времени у камышей выпрыгивала большая рыба, гоняясь за мелкой рыбешкой, а огненный диск солнца очень медленно уходил за далекий лес.

А кругом была такая тишина, спокойствие. Жизнь текла по заведенному распорядку, и думалось, что так будет всегда. Конечно, думать так было наивно, но мы этому верили.

Надо сказать, что в лагерях боевая подготовка войск была очень напряженная. Войска хорошо готовились к тому, что нужно на войне. И не зря модной и поучительной в то время была песня: «Если завтра война, если завтра в поход — будь сегодня к походу готов». И наверно, это было именно так. Свидетельство тому были последующие годы войны. Воины-сибиряки с достоинством доказали это.

Помнится, что событием для нас был приезд, в 1940 году, в Юргинские лагеря Маршала Советского Союза *Кулика Г.И.*

Вспоминая те годы, невольно думаю, а что осталось у меня в душе до сих пор (несмотря на то, что прошло более 57 лет) от этой инспекции?

А в памяти остался у меня нехороший осадок, осталась обида за командира дивизии (участника Гражданской войны, участника боев на Хасане), за командиров полков, за нас — тогдашних лейтенантов, да и за рядовых и сержантов, за те оскорбления, за обиды, которые получили мы от маршала и его свиты.

Достаточно вспомнить о том, что для того, чтобы, например, проверить, как младшие командиры умеют командовать, в шеренгу ставились майоры, капитаны, лейтенанты. И такой шеренгой командовал сержант.

Или на проверке строевой подготовки команда «ложись» давалась чаще всего перед грязью или лужей. Таких примеров на инспекции было много. Все это прикрывалось ложным понятием — «требовательность». И как жизнь, как война опровергла это.

В целом даже я, молодой тогда лейтенант, задумывался над вопросом: а что дает такая «инспекция»? Зачем, кому нужно оскорблять людей? И не находил ответа. Единственно, что навсегда уяснил истину — «требовательность» никогда нельзя, недопустимо совмещать с грубостью, оскорблением подчиненных.

Надо сказать, что моя рота на инспекции получила оценку «удовлетворительно». Это было безусловным достижением.

Но жизнь не стояла на месте. Время стремительно несло вперед. В сутолоке забот, волнений, радостей старые обиды забывались, возникали новые задачи и новые заботы.

Подошел 1941 год.

Встречали мы новый год весело, как и положено молодым, беззаботно, полные радужных надежд, хотя материально жизнь была сложной.

Я подал рапорт о поступлении в академию имени М.В. Фрунзе. Получил одобрение полковника Рыбакова. Стал ходить на курсы по подготовке к экзаменам при дивизионном Доме Красной Армии. Сын и дочь росли, жена работала в райкоме комсомола.

Но кто мог предвидеть, — что же ждет нас в новом 1941 году.

Уже в самом начале года из состава нашего округа на западную границу стали понемногу убывать отдельные части и подразделения.

Так, в феврале–марте из 166-й стрелковой дивизии убыл в Литву в 231-й отдельный саперный батальон.

Как всегда летом, в начале мая 1941 года, 166-я стрелковая дивизия убыла в лагеря.

Здесь и застало нас страшное известие — война.

Сразу же был проведен полковой митинг. Очень хорошо сказал тогда командир полка полковник *Рыбаков Т.Н.*: «Вот и пришло время нам с вами защищать свою Родину. Доказать — кто на что способен».

Недалеко проходили митинги в других частях. Южнее, на опушке между орудиями шел митинг артиллеристов. Было объявлено, что наша дивизия входит в состав 24-й армии.

Вскоре 517-й стрелковый полк погрузился в эшелоны и отправился в Томск, где должен был пополниться людьми, дополучить вооружение и боевую технику. Мы переходили на штаты военного времени.

В Томске сразу же, с первых часов этих июньских дней, нам всем предстояло осуществить очень большую работу — нужно было: обусть, одеть и направить по частям и подразделениям прибывающий личный состав, получить транспорт, лошадей. Вспоминая прошлое, я сравниваю его с современной действительностью.

Надо сказать, что в семидесятые и восемьдесятые годы я часто принимал участие в работе комиссий по призыву и отправке молодого пополнения в армию в Севастопольском и Советском районах города Москвы. И сопоставляя тот ужасно далекий 1941 год и день сегодняшний, приходится многому удивляться.

Прежде всего, вспоминается то настроение, с каким приходили призывники в Северный и Южный военные городки Томска. Радости оттого, что они идут на войну у призывников, конечно, я не видел. Но не видел я и уныния, безысходности. Не слышал о нежелании служить в армии. Это были настоящие мужчины, которые знали за что и за кого они идут воевать. Знали, — враг будет разбит, победа будет за нами. И, видимо, все или почти все верили этому.

И что еще удивительно — мало, очень мало среди призывников было пьяных. Для Сибири это было просто необъяснимо.

Призывники 166-й стрелковой дивизии прибывали в казармы довольно организованно, небольшими командами. Видимо военкоматы работали хорошо. После переодевания, бани, обеда красноармейцы в полковых клубах принимали присягу.

Шла большая воспитательная работа с личным составом.

Время неумолимо шло вперед, и железнодорожные составы были поданы на станции Томск–II и Томск–I 26 июня 1941 года.

В этот день дивизию провожали на фронт.

У Северного и Южного военных городков с утра стояли толпы народа.

В середине дня из ворот Северного городка под оркестр вышел 517-й стрелковый полк. Впереди строя развевалось боевое знамя полка. За ним шли Рыбаков, Ляшко и Голубев (начальник штаба полка).

В толпе раздавались аплодисменты, приветствия и напутствия - бить проклятого врага. Многие плакали.

За 517-м полком на станцию Томск–II двинулись на погрузку другие полки и специальные подразделения.

Из Южного городка выходили колонны гаубичного и пушечных полков. Эти колонны грузились на станции Томск–I.

На воинской платформе, где грузился наш батальон, меня, ждали две новости: *во-первых*, я получил приказ об утверждении меня командиром батальона; *во-вторых*, я был назначен начальником нашего эшелона. Обе новости возлагали на меня дополнительные заботы.

К самому отправлению эшелона приехала моя жена. Ехала она из Новосибирска на товарном поезде, стараясь успеть к моему отъезду.

Погрузка была закончена, и где-то в первой половине 26 июня, эшелон отошел от станции Томск–II. Проследовали станцию Томск–I, замелькали предместья города, в двери «теплушки» проплыла до боли знакомая Басандайка. Ночью прибыли на станцию *Тайга*.

На следующий день были в Новосибирске. На станции меня встречали мои родители. Мама привела моего сына — Сашу. Нужно ли говорить, что этой встрече все были несказуемо рады. Как-то не думалось, просто не хотелось думать: а суждено ли встретиться еще. Верилось в лучшее.

Настроение было очень тревожное. Что ждало нас в тех далеких полях Смоленщины, какая обстановка на фронтах, какая судьба предопределена каждому из нас?

А обстановка на фронтах была действительно очень сложная.

Подвижные соединения противника рвались в глубину нашей Родины.

Эшелон все время подминал километры пути, продвигаясь на запад.

Прошли Омск, Тюмень, Свердловск, Пермь, Буй, Москву. На многих станциях ночью и днем возникали импровизированные большие и маленькие митинги.

Люди просили, требовали, призывали, давали материнский наказ - хорошо воевать, быстрее разгромить ненавистного врага. Желали скорейшего возвращения с победой.

Проезжая через Москву, на Белорусском вокзале, слушали концерт Краснознаменного ансамбля Александрова. Слушали: *«Вставай страна огромная. Вставай на смертный бой»*. Впечатление и от песни и от ее исполнения было громадное, одухотворяющее.

Там же на вокзале, я невольно услышал разговор двух железнодорожников. Они что-то стучали молотками под нашими вагонами. Один из них сказал: *«Видишь, сибиряки пошли воевать. Они-то точно сломают хребет этому псу — Гитлеру»*.

От этих слов невольно появилось чувство гордости за сибиряков. За моих ребят, за меня самого. Вместе с тем закрадывалось сомнение, — а сумеем ли мы выполнить наказ этих простых людей?

Но мы очень верили словам Советского Правительства, сказанные 22 июня 1941 года: *«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»*

2. Дороги Смоленщины.

«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины»
Константин Симонов. 1941 г.

В памяти, еще со школы, твердо отложилось, что Смоленск расположен на обоих берегах реки Днепр, что это узел железнодорожных и шоссейных дорог, крупный промышленный центр.

Начиная еще с XVI века, Смоленск являлся важнейшей русской крепостью на западной границы России.

И, как и в те давние времена, летом 1941 года у стен этого города, вновь развернулось ожесточенное сражение.

Ход смоленского сражения

10 июля — 10 сентября 1941 года.

К 29 июня 1941 г. в район города Вязьма начали прибывать головные эшелоны сибиряков. Части и подразделения 166-й стрелковой дивизии в ночь на 30 июня разгрузились на железнодорожных станциях западнее Вязьмы.

Командир 517-го стрелкового полка — полковник *Рыбаков Т.Н.*, собрал командиров подразделений и ориентировал об обстановке. Он объявил, что нашей 24-й армии предстояло подготовить и занять оборону на рубеже: Нелидово, Белый, Дорогобуж, Ельня, с задачей: не допустить возможного прорыва противника в направлении Смоленска и Ельни.

Оборонительный рубеж, который армии предстояло строить, находился от мест боев еще километров за 200–300.

166-й дивизии было приказано совершить марш, и к исходу 2 июля сосредоточиться южнее города Холм–Жирковский.

В указанный срок наш батальон в составе 517 стрелкового полка, прибыл в лес, западнее деревни Данильева, что 15 км западнее Холм–Жирковский.

На марше мы впервые почувствовали дыхание войны. Одиночные самолеты противника периодически бомбили колонны дивизии. Появились убитые, раненые.

Особенность этих налетов заключалась в том, что самолеты противника кем-то наводились, чаще всего, с земли. Это осуществляли так называемые — «ракетчики», которые с наступлением темноты освещали колонны наших войск и места их расположения. Освещались ракетами различного цвета, а дальше следовал налет вражеской авиации, в результате — потери войска. Раньше я никогда не встречался с живыми «ракетчиками». О них я только читал в газетах, По моему мнению, это должны были быть переодетые немцы, заброшенные в наш тыл. Но какое удивление, негодование, страшную злобу испытал я, когда впервые увидел этих «ракетчиков». Дело в том, что среди пойманных прямо на месте преступления, с ракетницами и запасом ракет были обычные русские люди. Помню, один из пойманных был местный учитель, другой агроном и т.д.

С утра 3 июля командир 166-й дивизии — полковник *А.Н. Холзинев* проводил на местности рекогносцировку намеченного оборонительного рубежа.

Помнится, — в этот день солнце поднялось еще невысоко. Но его лучи начали припекать, обещаая жаркий день. В небе лениво, не спеша, плыли редкие облака. Казалось, что природа наградила людей теплом, светом. В лесу неумолчно о чем-то своем щебетали птицы. От лугов веяло ароматом скошенного сена и спокойствием. Не хотелось верить, что совсем, рядом гремела война.

Комдив в общих чертах ознакомил нас с задачами соединений армии. Он сказал, что 91-й стрелковая дивизия получила задачу — прикрыть направление Белый–Сычевка.

Левее ее — готовит полосу обороны наша 166-я дивизия, сосредотачивая основные усилия на направлении Пржевальское, Боголюбово, Холм–Жирковский.

178 и 133 стрелковые дивизии оборудуют оборонительные рубежи, прикрывая направление на Ярцево, Сафроново.

И, наконец, — направление Ельня, Дорогобуж прикрывает 107-я дивизия.

Алексей Назарович Холзинев, командир 166-й стрелковой дивизии. Погиб в 1941 году.

Наш стрелковый батальон получил задачу: подготовить район обороны шириной до 5 км и глубиной 3 км, прикрывая дорогу на Пречистое, Холм–Жирковский. Основу районы должны составлять ротные опорные пункты, подготовленные к круговой обороне.

Надо сказать, что еще до сосредоточения войск армии в указанные районы, началось строительство оборонительных рубежей. Здесь работало более полумиллиона жителей Смоленской и Калининской областей. Они рыли окопы, траншеи, сооружали противотанковые препятствия.

С выходом дивизии в свой район, эта работа значительно ускориалась.

В ходе работы батальон своими силами совершенствовал оборону и продолжал боевую учебу. Большое внимание уделялось огневой подготовке, отработке взаимодействия с соседями, особенно с артиллерией, действиям в ночных условиях.

Отрабатывались вопросы разведки, борьбы с танками противника.

Мы хорошо чувствовали, что фронт неумолимо приближается к рубежам обороны армии. Над нами все чаще появлялись вражеская авиация. Резко возросло количество самолетов противника, участвующих в налетах. Через наши боевые порядки все больше проходило раненых, из войск действующих впереди.

Тянулись толпы беженцев, проходивших мимо нас.

Радио сообщало об ожесточенных боях за переправы на реке Березина. Сообщалось о том, что противник захватил южную часть Смоленска, занял город Ельню.

Фронт неумолимо приближался к рубежам обороны 24-й армии. Однако пока еще прямого соприкосновения с противником батальоны не имели. Но вся обстановка говорила о том, что уже пробил час боевых испытаний для 166-й стрелковой дивизии, как и для всех войск 24-й армии.

Противник резко активизировал свои действия в направлении Вязьмы, и, прежде всего действия своих разведывательных подразделений.

Помню, 12 июля я по приказу полковника Рыбакова Т.И. выехал по маршруту на запад.

Со мной были разведчики — человек пять. Было приказано — установить связь с действующими впереди нашими войсками и уточнить обстановку.

При переходе дороги Батурино–Боголюбово нас обстреляли. Мы ответили. Видимо это была разведка противника. Своих войск в этом районе не встретили.

13 июля в полосу обороны нашей дивизии начала сосредотачиваться 4 дивизия народного ополчения Куйбышевского района города Москвы.

Как мне помнится, ополченцы должны были помочь нам в оборудовании оборонительного рубежа. Кроме того, ополченческая дивизия должна была принять и часть полосы обороны от нашей дивизии.

Это была существенная нам помощь.

Особенно было приятно видеть дружную работу армии и трудящихся.

Работа продолжалась днем и ночью.

Участвующие в строительстве москвичи, ни чем не отличались от красноармейцев.

Утром 14 июля в дивизию, с группой командиров, приехал начальник штаба 24-й армии генерал-майор Кондратьев А.К. Он проверял состояние обороны дивизии.

Комиссия отметила, что основные оборонительные работы выполнены. В разговоре с командирами нашего 517-го стрелкового полка, генерал коротко охарактеризовал обстановку. Он откровенно сказал, что сейчас, как никогда, резко возросла угроза прорыва немецких войск к Москве. По словам генерала, — наше командование, учитывая реальную угрозу, непрерывно укрепляет Западное направление.

Говорили он с нами очень откровенно и доходчиво.

Генерал сказал, что наше командование, глубоко сознавая всю сложность обстановки, связанной с возможной потерей Днепра и Смоленска, стремиться, во что бы то ни стало, остановить дальнейшее продвижение противника, нанеся ему потери и создать условия для решительного разгрома вклинившихся вражеских группировок.

С этой целью командование усиливает войска западного фронта и одновременно в его тылу разворачивает шесть резервных армий.

Эти силы, со слов начальника штаба армии, получили задачу: подготовить оборонительный рубеж — Старая Русса—Брянск.

Уделяется особое внимание строительству противотанковых заграждений, минных полей, укрытий для пехоты и оборудованию артиллерийских позиций.

Нам было доложено о строительстве также «Можайской линии обороны».

Генерал подчеркнул, что нельзя допускать дальнейшее продвижение врага на смоленском направлении. Эта задача должна быть решена переходом в наступление оперативных групп, созданных за счет указанных шести резервных армий.

Переход в наступление намечался осуществить в конце июля месяца.

Надо сказать, что это сообщение генерала было воспринято всеми нами с воодушевлением.

Мы ждали это время.

Нам надоело прятаться от «мессеров», надоело бегать от автоматчиков врага.

Мы все ждали этого дня.

В состав одной из оперативных групп, о которых было сказано выше, вошла и наша сибирская 24-я армия.

Из штаба дивизии в подразделение поступила информация о том, что 14 июля противник высадил воздушный десант (до батальона) в район озера Щучье. Это 60 км западнее города Белый.

15 июля штаб полка информировал нас так же о том, что соединения первого эшелона армии получили приказ: силами отдельных разведывательных батальонов вести разведку в полосе обороны своих дивизий.

Батальонам, находившимся в первом эшелоне полков, было приказано, в случае необходимости, поддержать бой разведывательного батальона. Таким образом, стрелковые батальоны постепенно втягивались в бой.

В ночь на 16 июля командира нашего полка срочно вызвали в штаб дивизии. Вернувшись из штаба, полковник Рыбаков Т.Н., сообщил, что бои восточнее Смоленска приняли еще более напряженный характер. А для войск, действовавших в этом районе, обстановка — просто критическая. Несколько наших армий противник окружил к востоку от Смоленска. Бронетанковые войска врага, прорвав в июле оборону войск Западного фронта, заняли город Духовщина, село Пречистое и вышли к рекам Осотня и Вопь.

Таким образом, — противник вышел к переднему краю дивизий, обороняющихся в центре и на левом фланге 24-й армии.

Правда, перед 91 и 166 дивизиями, боевых подразделений противника пока еще не обнаружено. Полковник Рыбаков Т.Н. пояснил, что с целью срыва дальнейшего наступления противника на Смоленском направлении и оказания помощи окруженным там войскам, принято решение силами армейских оперативных групп нанести три контрудара из районов Белый, Ярцево и Ельня в общем направлении на Смоленск.

Как нам стало известно, в тот же день на Командный пункт армии прибыл генерал-майор К.И. Ракутин с предписанием принять командование армии от генерал-лейтенанта С.А. Калинина.

Причину такой перестановки в батальоне звене не знали.

Да и говоря откровенно, не очень-то интересовались.

С.А. Калинин стал командовать армейской группой. В состав этой группы входили 89, 91 и 166 стрелковые дивизии. Группе ставилось в задачу одновременным ударом с трех направлений разгромить противника, сосредоточенного в районе Духовщины, Ярцево.

Одновременно с группой С.А. Калинина, наступать на Духовщину, было приказано группе генерала Хоменко с севера, группе К.К. Рокосовского — на Ярцево.

Таким образом, для нас появился новый объект — Духовщина. Раньше я практически ничего не знал об этом городе.

Духовщина — небольшой районный центр Смоленской области. Расположен в 60 км юго-восточнее Смоленска, в 30 км севернее Ярцева. Этот город имеет важное значение, так как является узлом дорог, идущих на Ярцево, Смоленск, Пречистое и Демидов.

Город находится в очень живописной холмистой местности, пересеченной широкими лощинами. Протекающий по одной из них ручей Востец, разделяет город на две части.

Лесисто-болотистый характер местности, небольшие реки Вопь, Царевич в значительной мере затрудняли действия войск армии.

Дело прошлое, но тогда до меня полностью не дошла сложившаяся обстановка, да и само решение комбату было не совсем понятным.

Лишь спустя много лет я осознал смысл этого решения.

Позже я понял, что оперативное построение 24-й армии фактически разъединилось на три самостоятельных направления. Это хорошо видно на схеме на стр 25.

Так на правом фланге армии ее оперативная группа, под руководством генерал-лейтенанта Калинина С.А., наносила удар из района Белый в направлении Духовщины. В состав этой группы, как было сказано выше, из 24-й армии, входили 91 и 166 стрелковые дивизии.

К тому же времени войска группы генерала Рокоссовского К.К., ранее окруженные восточнее Смоленска, прорывались на восток южнее Ярцево. На встречу им наступали две стрелковые дивизии нашей 24-й армии — 133 и 178 стрелковые дивизии. Это была вторая группа.

И, наконец, — в районе Ельни вела боевые действия еще одна группа под командованием генерал-майор Ракутина К.И. В ее состав из 24-й армии входила 107-я стрелковая дивизия. Эта группа отбивала попытки врага прорваться к Дорогобужу и Вязьме.

Самое интересное заключалось в том, что все эти дивизии находились в оперативном подчинении 24-й армии.

Следовательно, в одно и то же время, практически в одном районе, 24-й армией командовали одновременно и генерал-лейтенант *С.А. Калинин*, и генерал-майор *К.И. Ракутин*. Правда, командовали они армией через оперативные группы, но все же — одной армией.

Действительно, чего только не встретишь на войне. Но на то она и война.

Но тогда — в июле 1941 года, я не мог сделать какой-то либо анализ обстановки. Мне было просто не до того. Я должен был выполнять конкретный приказ.

Видимо, понимая сложность управления такой группировкой войск, 21 июля 1941 года командующий фронтом вывел 166, 89 и 91 стрелковые дивизии из состава 24-й армии.

16 июля, полковник Рыбаков Т.Н. сообщил нам о том, что 166-й дивизии приказано сдать всю занимаемую ею полосу обороны 4-й дивизии народного ополчения.

19 июля наш батальон — сдал свой район обороны ополченцам и 20 июля начал движение по маршруту Боголюбово, Батурино, Замощье, Дубовице. Все эти пункты находятся севернее Ярцево и Духовщины.

Двигаться приходилось по грунтовым, проселочным, полевым, а то и по лесным дорогам.

К этому нужно добавить воздействие авиации противника, которая наносила непрерывные бомбоштурмовые удары по нашей колонне.

Войска двигались очень медленно.

Тогда у меня сложилось впечатление о том, что у нашего командования (прежде всего — дивизионного звена) была очень скудная информация о противнике.

Дело в том, что нас ориентировали о марше, а не наступлении на обороняющегося противника. И это мы почувствовали на второй день марша, когда батальон вышел к населенному пункту Боголюбово, расположенному на дороге Ходм–Жарковский, Сафоново.

Боголюбово оказалось довольно большим селом. Много было каменных домов. Немцы сумели в очень короткий срок превратить эти дома в огневые точки.

Река Вопь в Боголюбово делится на два рукава, что является тоже дополнительным препятствием для наступательных войск.

Местность вокруг населенного пункта — лесисто–болотистая, практически исключая обходный маневр вне дорог.

Попытка батальона с ходу овладеть населенным пунктом была неудачной. Однако мы сумели овладеть Зубово — окраина Боголюбово, что дало возможность зацепиться за шоссе на Софрино.

Незнание обстановки «в верхах» привело к тому, что в наш адрес посыпались упреки в резкой форме: «Что топчитесь? Перед вами нет противника. Вперед».

Подшли остальные подразделения 517-го стрелкового полка.

Атаковали. Результата нет.

До 26 июля дивизия вела тяжелые бои за Боголюбово.

Наш сосед справа — 91-я стрелковая дивизия — 25 июля, не дожидаясь прибытия 166 и 89 стрелковых дивизий (оперативная группа генерала Калинина), после непродолжительной, но довольно интенсивной артиллерийской подготовки, приступили к форсированию реки Вопь.

В то же время 89-я стрелковая дивизия находилась еще в пути к району сосредоточения. Наступление 91-й дивизии застало немцев врасплох. Они не оказали организованного сопротивления и отступили. Части этой дивизии сумели овладеть рядом населенных пунктов на пути к Духовщине.

Противник, имея преимущество в живой силе, и особенно в технике, яростно контратаковал наши наступающие войска.

Бои шли с нарастающей ожесточенностью, не утихая ни днем, ни ночью. На направлении Духовщина противник выдвинул танковые части из состава своей 3-й танковой группы.

Батальоны сразу же почувствовали на себе танковые удары врага. Его танковые атаки следовали одна за другой. Были моменты, когда наши батальоны огрызались, наносили противнику чувствительные потери, но все же медленно пятились назад.

И совершенно неясно, чем могли бы закончиться бои за Духовщину, если бы не своевременное прибытие ИПТАП — истребительно-противотанкового полка Резерва Верховного Главного Командования, который отражал атаки танков вместе с нами. Этот полк стоял на смерть, и мы часто видели, как после очередной атаки противника на поле боя догорали десятки костров, — горели танки врага.

Конеv И. С.

Надо сказать, к большому сожалению, мало, очень мало было у нас этих полков в том 1941 году.

В начале августа 166-я стрелковая дивизия была передана в состав 19-й армии. Армия развернулась севернее Ярцева.

Командовал армией — генерал-лейтенант *Конеv И. С.*

С 1 по 5 августа дивизия, по приказу командующего армией совершила, марш из района Озерный (юго-западнее Белого) и сосредоточилась юго-западнее Игорьевского (юго-западнее Холм-Жирковского).

Видимо, числа 6–7 августа, дивизия заняла исходное положение на восточном берегу реки Вопь, севернее Ярцева.

Среди многодневных, очень ожесточенных боев, которые вела 166-я стрелковая дивизия трудно сейчас через 50 лет вспомнить какие-то особые, выдающиеся дни. Но это только кажется сейчас. Каждый бой не был похож на другой. В каждом бою было, что-то свое, особенное.

Вспоминается мне и бои 19–20 августа 1941 г. за высоту 220,5, что северо-восточнее Ярцево.

Дело в том, что в армейском масштабе, видимо, много внимания уделялось захвату этой высоты. Еще 18 августа командарм 19, отдал распоряжение, где было сказано, что перед соседом противник — отходит.

Командарм приказал: «Командиру 166-й стрелковой дивизии левым флангом наступать для захвата рубежа Мотево — высота 220,5. Выслать отряд для преследования противника в направлении Лосева (20 км севернее Ярцево), Азаринки».

Об этой высоте упоминалось и в боевом распоряжении штаба 19-й армии, а также в оперативной сводке армии.

Конечно, о существовании этих документов и их содержании в батальоне ничего не знали. Но мы прекрасно чувствовали по себе с какой настойчивостью, наше непосредственное командование, требовало захватить эту высоту.

Хорошо помню, лес кончался, впереди лежала небольшая долина, заполненная белесым туманом. Она была похожа на вытянутое озеро.

Попытки 517-го стрелкового полка продвинуться вперед, успеха не имели. Противник прочно зацепился за высоту. Держал он под огнем дорогу и окружающую местность.

Тогда командир полка — полковник *Рыбаков Т.И.* решил, после артиллерийского налета, атаковать высоту смежными флангами двух батальонов.

Особого склада был полковник Рыбаков Т.И., был он человек высокой требовательности, но никогда ни на кого не повышал голоса, даже в самой сложной обстановке. Всегда говорил ровно, спокойно. А иногда, когда рядом не было посторонних, то нас, комбатов, он называл по имени.

Вот и тогда — перед высотой 257, помню, он сказал мне: «Сергей! Постарайтесь там с ребятами взять эту проклятую высотку. А то иначе здесь на высоте много потеряем мы наших томичей».

Ну, скажите мне, разве можно было такой приказ Тимофея Илларионовича не выполнить? И батальоны атаковали высоту. Атаковали с криком: «Ура! За Москву, За Родину! За Сталина!». Высоту взяли.

О дальнейшей судьбе Рыбакова Т.И. у меня сохранились непроверенные сведения. Ушел он из полка после боев за Духовщину. Ушел, якобы, командиром дивизии куда-то под Старую Руссу и там погиб.

Вечная ему память.

Весь август месяц гремели ожесточенные бои севернее Духовщины.

Наступлению наших войск противник противопоставил яростные танковые контратаки, которые следовали непрерывно. Его авиация постоянно наносила бомбовые удары.

Не могу не вспомнить и 30 июля — бои за две маленькие деревушки — Сельцо и Гридино (окраина города Пречистое).

Подразделения нашего 517-го стрелкового полка при поддержке залпов «Катюши» выбили врага из ряда населенных пунктов, овладели Пречистое и захватили при этом: 4 танка, 4 орудия, до 5 тысяч снарядов, винтовки и грузовики. Правда на следующий день противник нанес сильный контрудар и вынудил нашей дивизии оставить город.

Общее наступление развивалось крайне медленно.

Из бурных событий августа 1941 года запомнилось 9 августа. Погода в этот день была пасмурная, шел дождь. Поэтому авиация противника была неактивна.

В ночь на 10 августа из боевого охранения батальона привели двух командиров — капитана и политрука, пробивавшихся из вражеского тыла. Просили сообщить о них в штаб армии. Конечно, таких возможностей мы не имели, но штаб 517-го полка был сразу же информирован. Пока шли переговоры в старших штабах, прибывшие рассказали, что километров в двадцати пяти северо-восточнее Духовщины, в лесу сосредоточена большая группа бойцов и командиров Красной Армии, возглавляемая генерал-лейтенантом *И.В. Болдиным*.

Кто такой Болдин тогда я не знал.

Командир 517-го стрелкового полка Тимофей Илларионович Рыбаков.

Требовательный, справедливый командир — так отзываются о Рыбакове его сослуживцы.

Один из лучших военачальников, Тимофей Илларионович был переведен во время битвы под Москвой в другую армию, назначен командиром дивизии. Награжден орденом Ленина. Погиб в бою под Старой Руссой.

*Болдин И.В. 1941 год.
Район Духовщины.*

Позже, как мне пояснили, генерал Болдин И.В. командовал группой войск, выходящих из окружения.

Всего, там, в лесу якобы было более 2 тысяч человек. Больше месяца шли они по вражеским тылам, пробиваясь на восток к своим. На пути к линии фронта окруженцы нападали на штабы, обозы, громили немецкие гарнизоны. По-моему, 10 августа оба перешедших линию фронта командира были доставлены в штаб 166-й дивизии, а затем в штаб 19-й армии.

11 августа в штабе 166-й дивизии был получен приказ генерала Конева И.С. о проведении операции по прорыву обороны противника с целью содействия выходу группам генерала Болдина из окружения.

В 6.00 11 августа по передовому краю обороны противника открыла огонь наша артиллерия. Потом над полем боя появились и наши самолеты. После артподготовки в атаку пошли и батальоны. Помню, что главный удар наносила наша 166-я стрелковая дивизия. Действовавший на ее правом фланге 735-й стрелковый полк овладел южной окраиной деревни Демошонки. Полк, прорвавшись к деревне Левашево (50 км южнее Ярцево), поддержал огнем наступление батальонов 517-го стрелкового полка. На левом фланге успешно наступали на деревню Бородино батальоны 423-го стрелкового полка.

Особенно решительным был бросок нашего 517-го стрелкового полка, на участке, которого и ожидался выход основной группы генерала Болдина. На направлении главного удара полка шел наш стрелковый батальон. Бой развивался для нас успешно.

Противник, неся большие потери, оставил Битягово и Брюково, начал отступать на запад. К 11.00 стрелковый батальон, совместно с танковым батальоном, занял деревню Приглово (50 км южнее Ярцево), где соединился с группой генерала Болдина.

Задача была выполнена.

На окраине деревни Приглово командир полка полковник Рыбаков Т.И. встретился с генералом Болдиным. Они крепко обнялись, расцеловались. И вот тогда, на вид очень суровый человек — Иван Васильевич Болдин разрыдался. Видимо очень тяжелая ему досталась эта встреча, этот выход.

Весь август гремели ожесточенные бои на правобережье реки Вопь. Линия фронта медленно продвигалась на запад, прошла по берегам рек Царевич, Лойна, Осотня.

Враг, в результате решительных действий наших войск, на центральном участке Западного фронта, перешел к обороне.

В течение сентября 19-я армия, командование которой тогда только, что принял генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, занимала оборону по рекам Вопь и Вотря.

Река Вопь, по восточному берегу которой проходил передний край нашей обороны, была шириной всего 15–20 метров. Течение очень спокойное. Глубина реки — не более 1,5–2 метра. Но широкая заболоченная пойма реки являлась серьезным препятствием.

Наш батальон удерживал плацдарм на западном берегу реки. Таких плацдармов было несколько. Это, конечно, облегчало организацию обороны.

Недавно мне попали воспоминания сибиряков–томичей, воевавших в те времена в составе 166-й стрелковой дивизии. Воспоминания были написаны в шестидесятых–семидесятых годах.

В частности очень понравились воспоминания помкомзвода штабной роты 517-го стрелкового полка — *Лебедева Николая Александровича*. В 1966 году он жил в городе Апрелевка Московской области.

Николай Александрович с большим знанием и пониманием вопросов, очень детально описывает военные действия 166-й стрелковой дивизии в период, предшествующий Вяземской трагедии.

Некоторые моменты из воспоминаний Лебедева Н.А. я использовал в своей работе. За это я искренне благодарен ему.

В ходе удачных и неудачных ежедневных боев 166-й стрелковой дивизии под Духовщиной — нет, нет, да и промелькнет более приятные события различного масштаба и значения.

Так в конце августа 1941 года Партийная комиссия 166-й стрелковой дивизии утвердила меня членом Коммунистической партии Советского Союза.

*Полковой комиссар —
Шолохов М.А.
1941 год. Район Смоленска.*

Особо знаменательным было то, что вручал мне партийный билет наш великий писатель — *Шолохов Михаил Александрович*.

Вручали партийные билеты в Политотделе 24-й армии в лесу, где-то западнее Сычевки.

Немецкая авиация свирепствовала в воздухе, — непрерывно бомбила и обстреливала дороги, а Шолохов М.А. задержался. Все мы очень волновались. Но все обошлось нормально.

Что меня поразило в Михаиле Александровиче — это его удивительная скромность, даже какая-то застенчивость. Помню, что кто-то из старших политработников, когда Шолохов вошел в блиндаж, подал команду: «Встать, смирно!» Шолохов замахал руками, все время говорил — «не надо», убедительно просил садиться.

Вручив партбилеты, он очень подробно, со знанием вопроса, говорил об обстановке на фронтах и особенно в районе Смоленска. Похвалил нашу 24-ю армию. Пожелал доброго здоровья, успехов и побыстрее разбить немцев.

Вместе с Михаилом Александровичем приехали наши известные и глубоко уважаемые писатели — Александр Фадеев и Евгений Петров.

В своих воспоминаниях сибиряки–томичи Ф. Поляков, А. Кочетков и П. Макаров очень тепло и сердечно отзываются об этой встрече с талантливыми мастерами художественного слова.

Месяцем раньше, оказывается, мне было присвоено звание «**СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ**». Приказ где-то «гулял» в штабах. Третий «кубарь» в петлице я прицепил быстро. Боевые действия то ослабевали, то впахивали вновь.

Атаки наших войск на Духовщину все чаще захлебывались.

Сил явно не хватало.

Но одновременно мы чувствовали, что и противник слабеет.

На вопрос — где причина наших неудач боев под Духовщиной, комбат, конечно, ответить тогда не смог.

Как всегда невысок был «потолок» знаний, опыта, да и характер общего развития комбата в целом был не на высоте.

Чего душой кривить?

О том, как этап боев за Духовщину оценивали в «верхах», в оперативном звене, я прочел в «умных книгах» много лет спустя.

Неуспех наших войск объяснялся, прежде всего тем, что оперативные группы войск наносили удары в очень сложной обстановке, характеризующейся ожесточенностью боевых действий.

Противник просто превосходил нас в силе и средствах.

Наши ударные группировки оказались недостаточно мощными и действовали изолированно.

Ограниченные сроки, которые отпускались войскам на подготовку к наступлению, не позволяли организовать в полном объеме взаимодействие между ними.

Не получался и одновременный удар.

Сказывалось слабое авиационное прикрытие сухопутных войск.

Вместе с тем, впервые в истории Второй мировой войны, фашистская армия вынуждена была перейти к обороне.

Это позволило нашей Красной армии создать и выдвинуть стратегические резервы, выиграть время для укрепления обороны на подступах к Москве.

Но все же враг был еще силен.

Очень селен.

Кроме того весьма сложной была здесь местность — сплошные болота и ручьи, маленькие речки. Немцы, используя этот сложный рельеф местности, яростно контратаковали наши наступающие войска. Каждый рубеж приходилось отвоевывать с жестокими боями, и каждый день уносил жизни наших сибиряков.

Батальон таял на глазах.

Видя бесполезность наступления, 10 сентября «наверху» было принято решение — оперативной группе 24-й армии на духовщинском направлении прекратить атаки и перейти к обороне на занимаемых рубежах. *Да, мы не овладели Духовщиной.*

Но мы честно выполнили свой солдатский долг. Невероятными усилиями томичей, новосибирцев была остановлена под Духовщиной 3-я немецкая танковая группа. Тем самым была сорвана возможность переброски вражеских танков на другие направления.

Стало быть, где-то, кому-то — на других участках Великой битвы, стало легче бить ненавистного врага.

Боевые действия под Духовщиной обязательно нужно связывать с происходящими одновременно событиями под Ельней.

Но как же развивались события в июле–августе–сентябре 1941 года на левом фланге нашей 24-й армии в районе Ельня?

Духовщина находится севернее Ельни на десятки километров. Поэтому я могу говорить о тех событиях только на основании слов очевидцев.

Как известно, — 3-я танковая группа противника прорвала нашу оборону южнее Смоленска, и еще 19 июля овладела городом Ельня. В результате этого, образовался, так называемый, Ельненский выступ. Противник планировал использовать этот выступ в качестве выгодного плацдарма для возобновления наступления на Москву.

Попытки оперативной группы 24-й армии в июле–августе ликвидировать выступ, — успеха не имела.

21 августа командующий войсками Резервного фронта, генерал армии Г.К. Жуков, приказал командующему армией генерал-майору Ракутину прекратить наступательные действия и преступить к подготовке более сильного и организованного удара по врагу.

24-я армия получила задачу встречными ударами под основание выступа, окружить и уничтожить Ельненскую группировку противника.

Не имея превосходства в силах и средствах, кроме артиллерии, 30 августа войска армии перешли в наступление.

Отразив контратаки противника, войска армии к 4 сентября глубоко охватили его основные силы. Враг начал отход на запад. 19-я стрелковая дивизия ворвалась в Ельню, и во взаимодействии с соседними соединениями, 6 сентября освободила город.

Наша дивизия не принимала непосредственного участия в освобождении Ельни, но я горжусь тем, что это выполнила моя сибирская 24-я армия.

Боями в районе Духовщина и Ельня закончилось длившееся два месяца Смоленское сражение. Наше командование выиграло время для подготовки обороны Москвы и последующего разгрома врага в Московской битве 1941–1942 годов.

На этом можно было поставить точку и закончить воспоминания о былых делах 24-й Сибирской армии. Не говорить и об ее дальнейшей судьбе.

Но я просто не могу этого сделать.

Слишком много места в моей жизни заняла 24-я армия. Она, как какой-то живой единый организм, повлияла на мою судьбу, на всю мою жизнь.

Там, в 24-й армии, я стал более или менее настоящим военным человеком, приобрел и утвердил профессию военного. Полюбил, вжился в эту профессию. Это заслуга именно 24-й армии.

Поэтому, забегая вперед, хочу кратко показать путь этой армии. А он — этот путь был очень не простым, как путь любого человека.

Помог нам решить этот, как оказалось не совсем простой вопрос, мой ученик в академии — *Андрей Георгиевич Морозов*.

После академии Андрей Георгиевич занимал большие должности, имел высокое воинское звание.

Он любезно разыскал данные о боевом пути 24-й армии и даже составил для меня исчерпывающую справку.

Как мы писали выше, и это отметил в своей справке Андрей Георгиевич, 24-я армия была сформирована в июне 1941 года в Сибирском Военном округе.

В составе фронта резервных армий, 24-я Сибирская армия участвовала в Смоленском сражении 1941 года.

В октябре, в ходе Вяземской операции, войска армии были окружены противником.

К 20 октября управление армии было расформировано, а вышедшие из окружения войска, переданы для укомплектования соединений и частей Западного фронта.

В те тяжелые времена армией командовали: генерал-лейтенант С.А. Калинин (июнь–июль) и генерал-майор К.И. Ракутин (июль–август).

В справке Андрея Георгиевича было сказано, что вторично 24-я армия начала формироваться в декабре 1941 года в Московском военном округе. Далее армия находилась в резерве войск Московской зоны обороны.

Переименована 1 мая 1942 года в 1 Резервную армию.

Тогда армией командовали: генерал-майор М.М. Иванов (декабрь 1941 г. – март 1942 г.), генерал-майор артиллерии Я.Н. Брод (март–май 1942 года).

Из записки Андрея Георгиевича мне стало ясно, что вновь 24-я армия была сформирована на Южном фронте, на базе его оперативной группы.

В июле войска армии вели тяжелые оборонительные бои, в ходе которых отошли и заняли оборону на реке Северный Донец.

С конца июля, мы видим, что армия входила в состав Северо-Кавказского фронта. А в начале августа армия переименовывается в управление 58-й армией.

В это году армией командовали: генерал-майор Н.Н. Смирнов (май–июль 1942 года) и генерал-майор В.Н. Марцинкевич (июль–август 1942 года).

И наконец новое формирование 24-й армии было произведено в конце августа 1942 года на базе 9-й Резервной армии.

Тогда, в составе Сталинградского фронта, армия принимала участие в Сталинградской битвы. Это было в сентябре 1942 года.

В 1943 году управление армии было выведено в резерв Ставки ВГК, и передислоцировано в город Воронеж.

В апреле армия включается в состав Степного фронта и с 16 апреля преобразована в 4-ю Гвардейскую армию.

Командовали армией: генерал-майор Д.Н. Козлов (август–сентябрь 1942 года) и генерал-лейтенант Галанин (октябрь 1942 г. – апрель 1943 г.)

Такой боевой путь прошла славная 24-я армия. И не зависимо от того, где бы она ни сформирована, кто бы ей ни командовал, и где бы она ни воевала, личному составу армии всегда были присущи традиции 24-й Сибирской армии: смелость, отвага, верность Родине.

Такой она вошла в историю наших Вооруженных Сил России.

3. На подступах к Москве

Наступила грозная осень 1941 года. Враг захватил Белоруссию, Прибалтику, Молдавию, почти всю Украину и вторгся в пределы Российской Федерации. Бои шли под Ленинградом, Харьковом, Севастополем. Немцы вышли на подступы к Москве.

В первой половине сентября 19-й армией стал командовать генерал-лейтенант *Лукин Михаил Федорович*.

166-я стрелковая дивизия 10 сентября была выведена в резерв Командующего 19-й армии и к исходу 12 сентября сосредоточилась в районе восточнее Издешково, что западнее Вязьмы. Здесь ее части и подразделения приступили к дооборудованию участка Ржевско–Вяземского рубежа обороны, проходящего по линии Ржев, Сычевка, Вязьма, далее по восточному берегу реки Вазуза, Людиново.

Насколько я помню, дивизия была ответственна за подготовку полосы обороны шириной около 80 км.

517-й стрелковый полк готовил оборонительные сооружения примерно на фронте 20–25 км. Соответственно батальоны вели работу на участках шириной 5–8 км.

Таким образом, наше соединение практически было рассредоточено более чем на 100 км, и говорить о его сосредоточении в короткие сроки, в нужном районе не приходилось.

Для помощи войскам на строительство оборонительных сооружений привлекалось в большом количестве местное население и москвичи.

В холод и дождь, в обстановке непрерывных налетов вражеской авиации без устали трудились рабочие и служащие предприятий и учреждений, педагоги, научные работники и студенты, домашние хозяйки и пенсионеры. Три четверти строителей составляли женщины. Работать было очень трудно: не все строители имели опыт земляных работ, недоставало инструментов. Поэтому оборонительные работы продвигались медленно, и рубеж в инженерном отношении был оборудован далеко не полностью.

Лукин М.Ф.

Числа 16–18 сентября в дивизию прибыл генерал Лукин М.Ф. Побывал он и в нашем батальоне.

Командарма Лукина М.Ф. я раньше не видел. Это была наша единственная встреча.

Показался он мне тогда очень усталым, Каким-то возбужденным. Видимо к этому были основания — слишком сложна и грозна назревавшая обстановка в полосе армии. Хотя, надо сказать, задачу командующий армией изложил спокойно и четко.

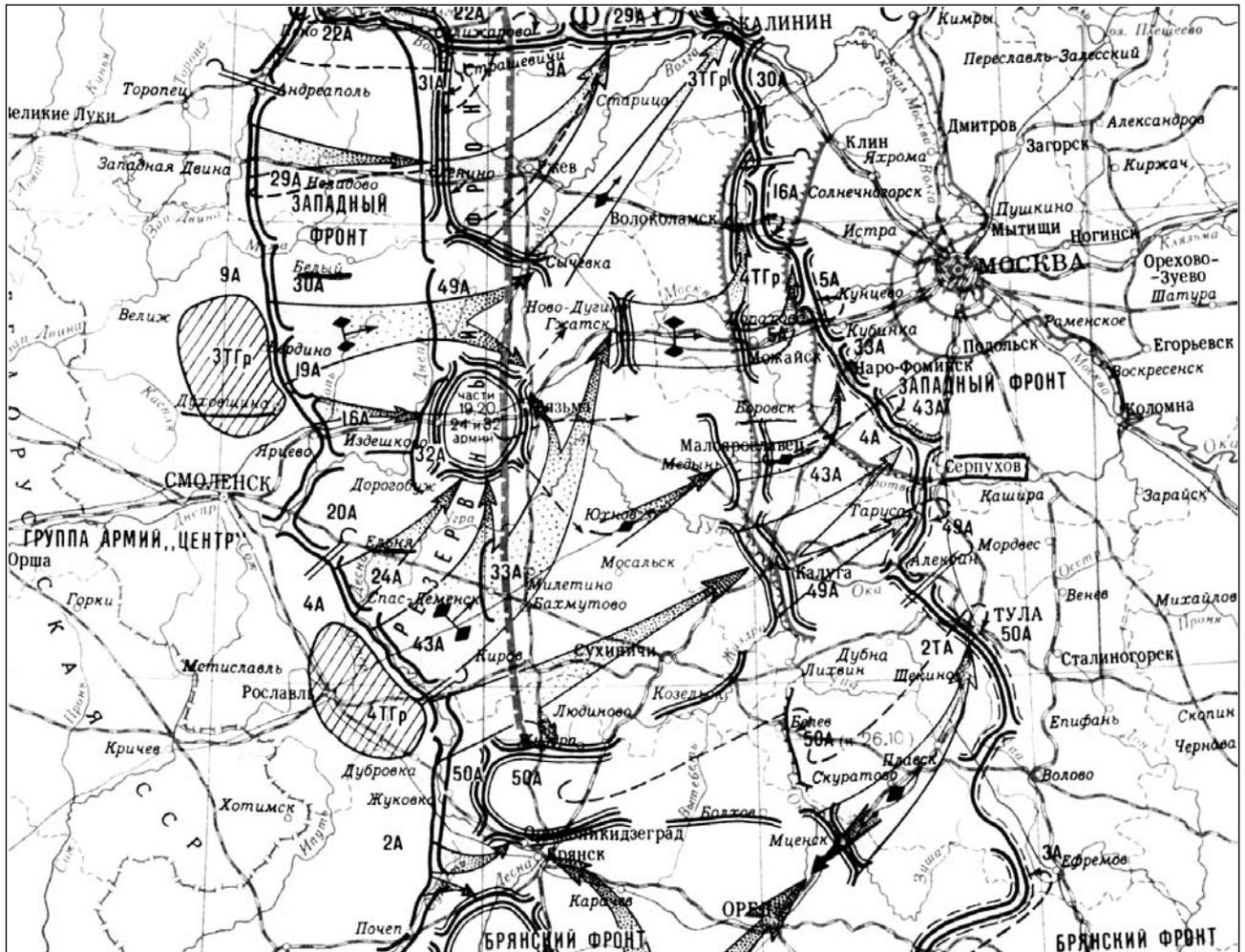
Командующий подчеркнул, что обстановка на фронте очень сложная. В ближайшее же время она может еще более ухудшиться. Поэтому генерал Лукин М.Ф. потребовал ускорить завершение работ по дооборудованию оборонительного рубежа.

О дальнейшей судьбе генерала Лукина М.Ф. правдиво и честно было написано уже после войны.

Михаил Федорович Лукин после Смоленского сражения, сдав 16-ю армию, больше сорока дней командовал 20-й армией. Затем его назначили командующим нашей 19-й армией.

Оборонительное сражение Советских войск под Москвой

30 сентября – 30 октября 1941 года

- линия фронта к 30 сентября;
- линия фронта к 10 октября;
- линия фронта к 30 октября.

У генерала к этому времени кость ноги, переломанная при переправе через Днепр, срослась, но лобок еще не был снят. Он немного хромал.

Повязку с ноги сняли за два дня до октябрьского наступления немцев.

Через несколько дней генерал Лукин М.Ф. был дважды ранен — сначала пулей в руку, потом — осколок мины впился в уже поврежденную правую ногу.

13 октября 1941 года немцы взяли в плен оглушенного взрывом генерала.

Можно сказать одно — этот человек прожил исключительно нелегкую жизнь. И прожил он свою жизнь так, как может прожить не всякий.

Как мы уже сказали выше, в разное время, руководя войсками 16, 20 и 19 армий, он проявил высочайшее мужество, личный героизм и замечательное мастерство полководца во время сражений за Смоленск и Вязьму, сыгравших огромную роль в битве за Москву.

Попав в плен раненым, генерал Лукин М.Ф., вел себя достойно и не запятнал звание генерала, коммуниста, просто гражданина нашей Великой Родины.

Умер Михаил Федорович 25 мая 1970 года.

Повествуя о судьбе стрелкового батальона, о судьбе его личного состава, невольно сталкиваешься с определенным парадоксом. Чтобы рассказать о деятельности небольшого подразделения тактического звена, требуется это делать зачастую на оперативном, а то и стратегическом фоне. Иначе нельзя понять роль такой песчинки, как батальон в колоссальных масштабах событий войны.

Тогда — в октябре 1941 года, в районе Вязьма, комбат имел очень скудные данные об обстановке на фронте. Только — слухи, слухи и слухи. Но по количеству самолетов противника, летавших над ними, по колоннам беженцев на дорогах и другим признакам можно было догадываться об истинном положении на фронте.

Что же произошло под Вязьмой в начале октября 1941 года?

В полосе Западного фронта, противник начал атаковать в 5 часов 30 минут утра 2 октября, после артиллерийской и авиационной подготовки, и под прикрытием дымовой завесы. Главный удар наносился на духовцино–сычевском направлении в стык 30 и 19 армий (схема на стр. 39).

На всем фронте сразу же завязались ожесточенные бои. На направлениях главных ударов, противник имел многократное преимущество в силах и средствах.

Части и соединения 19-й армии оказывали упорное сопротивление противнику. Огнем стрелкового оружия и артиллерии, гранатами, в рукопашных боях — они наносили врагу большие потери.

Преодолевая упорное сопротивление наших войск, противник, не считаясь с потерями, на широком фронте вышел к реке Вопь и начал подготовку к ее форсированию. Дивизии 19-й армии, к 17 часам 2 октября, были вынуждены под ударами противника, отставить главную полосу обороны. Обстановка стала критической.

В этих условиях командующий армией решил выдвинуть свой резерв — нашу 166-ю стрелковую дивизию к реке Вопь, 3 октября нанести контрудар из района Копыревщина, и отбросить противника от реки Вопь. В контрударе, кроме 166-й дивизии, должны были принять участие еще две дивизии.

Копыревщина — довольно большой населенный пункт, расположенный на восточном берегу реки Вопь на дороге Боголюбово, Ярцево. Это важный узел дорог.

Утром 2 октября ПНШ 517-го полка вручил мне приказ. Батальон должен был совершить марш и к исходу дня сосредоточиться в лесу, что в 3 км восточнее Копыревщины.

Быстро, по тревоге, собрал батальон, объяснил обстановку и поставил задачу на марш.

После форсированного марша, батальон сосредоточился в указанном районе. Туда же подошли и остальные подразделения полка. Спешили мы не зря

Обстановка была очень сложная и весьма тревожная. Надо сказать, что опасения о сложности в короткие сроки сосредоточить всю 166-ю стрелковую дивизию в нужном районе оправдались, к сожалению, полностью. Из трех стрелковых полков дивизии прибыло — два. На марше был и артполк.

На западной окраине Копыревщины командир дивизии полковник Дадонов М.Я. объявил свое решение.

166-я дивизия должна была в ночь со 2 на 3 занять исходные позиции на рубеже Копыревщина, Шамово, контратаковать противника в направлении Каменка, Нефедоровщина, и совместно с 89-й дивизией отбросить противника от реки.

517-й полк получил задачу — наступать на правом фланге дивизии.

Нашему батальону было приказано развернуться вдоль шоссе у деревни Заводни (северная окраина Копыревщины), форсировать реку Вопь и наступать в направлении Старое Коровье.

Начало наступления было намечено на 7 часов утра 3 октября.

В течение вечера и ночи провели рекогносцировку, на местности уточнили задачи. Организовали взаимодействие.

С опушки густого леса хорошо просматривалась местность. Впереди по заболоченной долине петляла река Вопь. Насколько хватало глаз, по обе стороны реки видна широкая пойма. Всюду луга и луга. Скрываясь в густоте трав и кустарника, река плавно несет свои воды. Дальше на ее левом берегу — холмы, крутые овраги, хутора, населенные пункты.

За рекой было тихо, но там был враг, который хорошо укрепил противоположный берег.

В 6.30 утра 3 октября началась артподготовка. Большое значение сыграло выдвижение полковой и дивизионной артиллерии на прямую наводку, прямо в боевые порядки батальонов. Например, вместе со мной следовал командир дивизионной артиллерийской группы. Удары артиллерии хорошо и точно корректировались. При форсировании реки с нами был командир батареи РС «Катюш». Батарея «сыграла» исключительно точно и своевременно.

Стремительная атака нашей 166-й дивизии ошеломила противника. Батальон с ходу форсировал реку Вопь севернее Копыревщины, и за первый день боя продвинулся километров на пять.

Но к вечеру появились танки противника, подошли свежие части, усилился его артиллерийский и минометный огонь.

Авиация противника неистовствовала, нанося удары по нашим войскам первого эшелона, рощам, оврагам, огневым позициям, командным пунктам.

Утром следующего дня, была проведена короткая артиллерийская подготовка, и батальоны снова пошли в наступление. Но атакующих встретил сильный артиллерийский огонь и удары авиации врага. Противник контратаковал по всему фронту.

Опять, как и в прошлый боях под Духовщиной, батальон должен был отражать танковые атаки уже «знакомой» 3-й танковой группы врага.

Атака наших частей захлебнулась, полки перешли к обороне. К исходу 4 октября батальон (как и вся дивизия) вынужден был отойти назад на восточный берег реки Вопль. В памяти остались те тяжелые бои за каждый рубеж, за каждый дом, но силы были явно не равные. В течение 4 и 5 октября наша дивизия продолжала вести очень тяжелые бои с превосходящими силами противника.

Но главное, что заставило нас отступить, это была — авиация противника. Сказать, что авиация противника имела какое-то превосходство в воздухе, — значит, ничего не сказать. Все светлое время самолеты врага непрерывно висели над полем боя. Бомбили, расстреливали, штурмовали наши боевые порядки. Это и обеспечило врагу успех.

Бои не утихали ни днем, ни ночью. Дивизия дралась ожесточенно, наносила потери противнику, но и сама несла немалые потери.

Много воинов–томичей погибло в те грозные дни 1941 года на берегах реки Вопь.

Поредели ряды и нашего батальона. Погиб командир четвертой роты, были тяжело ранены комиссар батальона, два командира взвода. Большие потери были среди сержантов и рядовых.

Не миновала «сия чаша» и меня. При отходе на восточный берег реки Вопь, где-то на окраине Копыревщины, на нас налетели «Юнкерсы». Помню — как услышал противный вой пикировщика, но все же успел прыгнуть в какой-то окопчик.

Далее был взрыв. Была темнота.

Бомба взорвалась близко. После того, как меня откопали, с трудом встал, поднялся. Очень болела голова. Тошнило и бросало из стороны в сторону.

Но был я тогда молодым, сильным. Все воспринималось как должное.

В госпиталь я не поехал. Просто не мог. Вспомнил детство. Вспомнил, как действовал тогда, когда слышал — «наших бьют». И не мог уйти из батальона, от ребят. Не мог уйти от себя. Честное слово — я не рисовался тогда, не «выпендривался». Но зато, — тот разрыв бомбы, то повреждение позвоночника, тот сильнейший радикулит (хандрос), что достался мне в наследство, — помнил я в течении полувека, помню сейчас и буду помнить до конца моей жизни.

Однако жизнь продолжалась. Война катилась по-прежнему на восток. Надо было жить, надо было драться и верить в нашу победу.

Обстановка в районе Вязьмы непрерывно усложнялась.

Для того, чтобы понять ход наших рассуждений проследим за тем, как эти события оценивались в те годы различными инстанциями.

«Вечерняя Москва» в августовском номере 1999 года поместила статью под заголовком: «Эхо трагедии 1941 года».

В статье отмечалось, что Вязьменские леса известны в аналогах истории Великой Отечественной войны тем, что здесь фашистским войскам удалось провести тщательно спланированную операцию.

В этом районе немцы смогли зажать в клещи три наши армии.

Как пишет далее газета, ситуацию можно было спасти.

4 октября 1941 года Сталину был послан запрос с предложением об отводе наших войск. Сталин промолчал.

В этот же день «клещи замкнулись».

Днем 6 октября от Верховного пришел ответ с разрешением о «передислокации».

Но было уже поздно.

Работая с архивными материалами тех дней, познакомился со следующим распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования:

Командующему Резервным фронтом.

Копия: Командующему Западным фронтом.
Командующему Брянским фронтом.

5 октября 41 года. 22 часа 30 минут
карта 1.000.000.

1. В связи с прорывом фронта 43 и 39 армий Ставка Верховного Главнокомандования приказала Западному фронту отойти на линию Отсташково, Селижарово, Бекетово, Яраев, Хмеленка, ст. Оленено, Воробьи, Булашово и далее вдоль восточного берега реки Днепр до города Дорогобуж, Ведерники.

Отход начать в ночь с 5 на 6.10.41.

31 и 32 армии из резервного фронта переходят в подчинение Командующего Западным фронтом.

...

5. Получение подтвердить и об отданных распоряжений — донести.

По поручению Ставки Верховного
Главнокомандования

Начальник Генерального штаба К.А. Шапошников

А как же маршал Советского Союза Г.К. Жуков оценивал события происходящие в начале октября 1941 года в районе Вязьмы?

На стр. 207 «Воспомяная и размышления» маршал писал: *«К исходу 6 октября значительная часть войск Западного и Резервного фронтов была окружена западнее Вязьмы».*

Из беседы в штабе Западного фронта и анализа обстановки у Г.К. Жукова создается впечатление, что катастрофу в районе Вязьмы можно было предотвратить.

На основании данных разведки, Ставка Верховного Главнокомандования, еще 27 сентября специальной директивой предупреждала командующих фронтами о возможности наступления в ближайшие дни крупных сил противника на московском направлении.

Следовательно, внезапность наступления фашистов в том смысле, как это было в начале войны, отсутствовали.

Несмотря на превосходство врага в живой силе и технике, наши войска, как считал Г.К. Жуков, могли бы избежать окружения.

Для этого необходимо было своевременно и более правильно определить направление главных ударов противника и сосредоточить против них основные силы и средства за счет пассивных участков.

Этого сделано не было, и оборона наших войск не выдержала сосредоточенных ударов врага.

Образовались зияющие бреши, которые закрыть было нечем, так как никаких резервов в руках командования не оставалось.

К исходу 7 октября все пути на Москву по существу были открыты.

Так считал Г.К. Жуков. Видимо ему все было предельно ясно.

А вот как оценивало обстановку командование 19-й армии:

**Донесение в ставку ВГК, командованию
Западного фронта.**

Сталину, Шапошникову, Жукову, Коневу, Булганину.

«Прорваться не удалось. Кольцо окружения окончательно стеснено, нет уверенности, что продержимся до темноты.

С наступлением темноты буду стремиться прорываться к Ермакову. Артиллерию, боевые машины и все, что невозможно вывести — уничтожим. Подписи: Болдин, Лукин, Ванеев.

На документе имеется резолюция: Болдину, Лукину, Ванееву.

«Прикажите танкам прорываться по кратчайшему направлению и быстро выйти за свои войска.

Наш фронт походит: Мышино, Ельня, Ельинское, Калуга.

Самое слабое место противника — южнее Вязьмы, Темкино, Вереи.

Остальным частям 19-й армии, 20-й армии, группе Болдина — торопиться выходить вслед за танками.

Все, что невозможно вывести — закопать в землю и тщательно замаскировать.

Ерошов действует южнее Вязьмы».

Жуков, Булганин.

Теперь можно вспомнить, как же эту трагическую обстановку видел, чувствовал и переживал командир батальона.

Каковы были его действия?

Если память мне не изменяет, 5 октября наш батальон вывели в резерв дивизии. Часам к 22–23 того же дня, меня вызвали на командный пункт дивизии.

По-моему, штаб дивизии размещался в деревне Гаврилово. Это километров 5 восточнее Копыревщины. Пока я дожидался комдива, хозяйка дома спросила — «что со мной», почему я такой «синий»? А потом угостила меня парным теплым молоком. Это помню точно, во всех деталях.

Командир дивизии, полковник М.Я. Додонов, ставя мне задачу, уточнил, что войска 19-й армии в ночь на 6 октября выводятся из боя и в дальнейшем занимают полосу на Ржевско–Вяземском оборонительном рубеже.

Полковник М.Я. Додонов при этом указал, что 166-я стрелковая дивизия должна скрытно свернуть свои боевые порядки в ночь с 5 на 6 октября, выйдя из боя, совершить марш и к утру 7 октября сосредоточиться в районе южнее Вязьмы.

Комдив наметил маршрут движения, определил походный порядок дивизии. Уточнил, что 517-й стрелковый полк следует в первом эшелоне дивизии. Наш батальон — передовой отряд дивизии.

Насколько я припоминаю, батальон должен был к 6.00 7 октября сосредоточиться в районе 3 км южнее Вязьмы.

Для связи с главными силами дивизии нам выделяли радиостанцию.

Шел сентябрь месяц. Миновало теплое бабье лето. Малооблачная погода начинала портиться: подул холодный Северо-западный ветер, небо заволокло свинцовыми тучами, заморосили противные осенние дожди, развезло смоленские дороги.

И наше настроение полностью соответствовало погоде.

Как 166-я дивизия выходила из боя, я не знаю. Что же касается нашего батальона, — то эта процедура была несложная. Правофланговый батальон 735-го стрелкового полка нашей дивизии, своей стрелковой ротой сменил наш батальон в центре Копыревщина.

Документально это не оформлялось. Просто оба комбата доложили в свои штабы полков.

Командовал этим батальоном 735-го полка — мой старый знакомый еще по Томску, Женя Пискунов. Выпили с ним водочки и разошлись каждый своей дорогой. Много лет спустя, будучи в командировке, в Томске, я встретил Женину маму. Она тогда сказала, что Женя погиб под Вязьмой, последнее письмо сын ей написал в октябре 1941 года.

6 октября, приведя личный состав, вооружение в порядок, немного отдохнув и, одновременно, пообедав и поужинав, мы двинулись в путь. В начале марша шел я с трудом. Немного качало. Потом «разошелся».

Вел я свой батальон на новый рубеж обороны. Шел и думал. А точнее — ехал и думал. Тяжело может быть в обороне. Инициатива у противника. Ты отбиваешься.

Обстановка может быть сложной и в наступлении.

Но в сто крат тяжелее, когда ты и вверенные тебе люди вынуждены отступать. И слова какие-то противные: «Выход из боя». С одной стороны можешь радоваться, что остался жив сам и вывел своих подчиненных из мясорубки. Значит — живы.

А с другой стороны — идешь и чувствуешь какой-то укор в свою спину — «как же так комбат? Почему мы отступаем?»

Значит, Что-то не так. Значит, не все происходит правильно. Кто же виноват?

Вот с такими невеселыми мыслями выводил я батальон к Минскому шоссе. Выходили мы на это шоссе восточнее Сафоново (100 км западнее Смоленска).

И здесь, перед нашими глазами возникла совсем нерадостная картина. Все шоссе было заполнено войсками, двигавшимися на восток. Сплошным потоком шла пехота, обозы, артиллерия, гражданские повозки с людьми.

Моросил мелкий осенний, такой нудный, дождь. Дорожная грязь, перемолотая тысячами сапог, сотнями колес и гусениц, противно чавкала. Колонны по шоссе двигались очень медленно. Было такое впечатление, что это ползет громадное живое существо, подминая дорогу под себя. Непрерывные бомбежки немецкой авиации, пробки на шоссе затрудняли движение.

Где-то в конце дня, 6 октября по радио прервалась связь со штабом 166-й стрелковой дивизии. Восстановить эту связь так и не удалось. Посланный начальник штаба батальона, навстречу главным силам дивизии, на маршруте их не нашел. Видимо по каким-то причинам они изменили свой маршрут, не поставив нас в известность.

Батальон продолжал движение в указанный комдивом район сосредоточения. Правда, как я уже писал — двигались мы крайне медленно.

7 октября часам к 6 или 7 утра подошли к мосту через реку Вязьма — 10 км юго-западнее города Вязьма. Слева от дороги виднелась небольшая деревенька (по-моему, Остино), справа большое поле и дальше лес. В это время я вдруг услышал, что впереди началась очень сильная стрельба.

Через несколько минут я увидел, что прямо по шоссе и по обочине со стороны Вязьмы, развернувшись в боевую линию, шли немецкие танки. Шли не торопясь, как бы «Похозяйски» оглядываясь. Было их видимо 15, а может быть и 20 машин. Помню, в первый момент меня тогда удивило, что они появились не со стороны фронта, а из нашего тыла.

Танки противника двигались, непрерывно стреляя из пушек и пулеметов, давя все, что им попадалось на шоссе. За танками, тоже как-то не спеша, шли автомашины. Из них

на ходу выскакивали солдаты, ведя огонь из автоматов по всем, кто был у них на пути. Люди метались: кто стрелял, кто куда-то бежал, а кто поднимал руки. Вспоминая эти минуты, я четко помню, — тогда это было очень страшно, и я испугался. И сейчас я твердо уверен, что испугался я тогда так, как не пугался ни до, ни после этого момента. Нужно было что-то делать, что-то предпринимать. Нужна была, какая-то команда.

Собрав силы, как-то подсознательно, я закричал: «Отходить к лесу». И как ни странно, меня услышали и поняли. Затем я побежал, видя единственное наше спасение — лес.

Бежал, задыхаясь, не давая себе возможности отдышаться. Бежал, перепрыгивая через какие-то ямы, канавы. Падал и сразу же вставал, ни на минуту не позволяя, расслабиться, стараясь уйти как можно подальше от шоссе, от танков, от автоматчиков врага. Но сейчас я совершенно не осуждаю и не виню себя за минутную слабость, за свой поступок. Правда, об этом сейчас очень трудно рассказывать, объяснять, оправдываться. Это просто нужно, не дай бог, пережить самому.

Вспоминая те октябрьские дни 1941 года, задаю себе вопрос: почему тогда же в очень тяжелых боях и за Духовщину и на реке Вопь я не бегал от противника, хотя и там враг действовал очень агрессивно, подчас страшно.

В чем тут дело?

Во-первых, и под Духовщиной и на реке Вопь, думаю, у меня была «крыша» — это мой командир 517-го стрелкового полка, командир 166-й стрелковой дивизии, их штабы. Они вместе и порознь контролировали меня и мои действия, советовали мне, ругали меня, реже хвалили. Но они как-то и снимали груз ответственности с меня. Ну, а в целом, — помогали мне. А вот у Вязьмы — я был один. Совсем один.

Во-вторых, видимо сказала та очень сложная, критическая окружающая обстановка, в которой не мудрено было растеряться и не только мне, совсем молодому командиру.

Я четко помню, что команда «Отходить к лесу» звучала по всей колонне,двигающейся по шоссе.

Танки же и пехота противника продвигались все дальше, расстреливая людей в упор. Но все же, что не говори, каких объяснений не ищи, тогда в лесу — я побежал.

Помню, с ходу вскочил в какой-то круглый окоп. Наверно это была огненная позиция МЗА или крупнокалиберного пулемета.

В окопе валялись ящики, стрелянные гильзы, доски.

У стенки окопа сидела молодая девушка. На петлицах ее шинели я увидел два «кубара» и эмблема «змея с чашей» — лейтенант медицинской службы.

Девушка громко плакала навзрыд и на вопросы не отвечала.

По середине окопа, между ящиками сидел человек в очень странной позе. Он опирался обеими руками на ручной пулемет, положив голову на руки.

Как будто бы спал.

Поэтому я сначала просто не смог рассмотреть его лица. Не видел и его звания.

А цепь немцев подходила все ближе и ближе.

Уже четко слышались немецкие команды, крики. Все чаще вражеские пули залетали в окоп, поднимая на бруствере фонтанчики разрывов.

Обоймы моего «ТТ» были пусты. Когда я их опустошил — не помню.

Нужно было срочно, что-то делать.

Но что?

Я закричал сидящему на ящиках в окопе человеку: — «Ну стреляй! Стреляй же!» — Он молчал.

Тогда я вырвал у него из рук пулемет. И сразу же тело его стало медленно опускаться и сползло на землю.

Тут я увидел на петлице шинели одну «шпалу» — капитан.

Вся голова его была залита кровью.

Схватив пулемет, бросился к брустверу.

Передернул затвор, но выстрела не последовало.

В суматохе я не заметил, что диск пулемета был пуст.

Видно капитан бился до конца своей жизни.

Лейтенант медицинской службы была по-прежнему в невменяемом состоянии и отвечать на вопросы, кто этот капитан, как он погиб — не могла.

Да и на разговоры у нас времени уже не было.

Я приказ лейтенанту взять планшет с документами капитана.

Немцы подходили вплотную.

Каждая минута пребывания в окопе могла стать для нас последней в жизни.

Мы побежали в лес.

Кто был этот погибший капитан (к моему глубочайшему стыду мы и не смогли при- дать его тело земле, да простит нас бог за это), кто была эта девушка, какова ее дальней- шая судьба, я не знал и видимо никогда не узнаю.

Сразу же у леса лейтенант медицинской службы куда-то исчезла, и это было немуд- рено в той свалке, в том вихре событий, где каждый из нас был просто маленькой песчин- кой и мог запросто затеряться.

Все те, кто бежал с дороги, останавливались на опушке леса, ложились, окапывались, действовали, кто как мог. И надо сказать, как-то сразу пропал страх. Откуда-то в руках у меня оказался «Дегтярь» — ручной пулемет Дегтярева. Я почувствовал уверенность, силу.

Видимо тогда вопрос был предельно ясен, — я живу. Сколько буду жить — день, два; минуту, две — не знаю. Но я знал, что в данный момент — сейчас, с «Дегтярем» в руках — я живу. И это главное.

Видимо это произошло и со многими, из тех, кто был в это время на шоссе и у леса.

У нас появились соседи. Где-то ударило одно, затем другое орудие, зазвучали какие- то команды, послышались разрывы гранат. Яростно застрочили наши пулеметы — вер- ные «Максимы». Опушка леса вдруг ожила, была готова драться и бить врага.

Немецкая же пехота залегла, а затем начала отходить. И сейчас я хорошо помню тот чей-то далекий хриплый голос: «А, гады! А суки! Не нравится!»

Все стало на свое место, — бой вошел в свое обычное русло. Мы живы, у нас есть в ру- ках оружие. А это самое главное. Но было ясно одно — пришла большая беда. Произош- ла трагедия. Трагедия для всех нас — рядовых и командиров всех рангов. Где полк, где дивизия? Что происходит кругом? Нужно было думать, решать и действовать.

Обстановка, вместе с тем непрерывно накалялась. Из Вязьмы противник подбросил еще танки. Подошла его новая колонна автомашин с пехотой.

Явно — силы были неравные.

Чтобы сохранить людей, нужно было уходить из этого района. Принял решение — батальону отходить на юг. Противник нас не преследовал.

Обошли Койдаково (10 км южнее Вязьмы) и взяли направление на Темкино (50 км восточнее Вязьмы). Почему именно Темкино? Дело в том, что не так давно, по приказу командира полка, я ездил туда. В Темкино были какие-то склады. Так что дорога была немного знакома. И самое главное — местность в этом районе Смоленской области — лесисто-болотистая. Что в нашем положении играло немало важную роль.

Отмахав еще 10–15 км на восток, сделали привал в очень густом лесу — на пересечении двух просек.

Когда, там, на просеке, мы разобрались с обстановкой, выяснилось, что в строю осталось 50 или 60 человек (сейчас просто точно не помню), два пулемета, винтовок 20–30. К счастью в этой суматохе двое ездовых (один из них Сигматулин — томич) сумели увести две повозки с боеприпасами и пулемет «Максим». Сигматулин был отличным пулеметчиком, его я помню по Томску и Юргинским лагерям.

Дал команду: «Проверить оружие». Лично сам пошел проверять нашу «главную силу» — станковый пулемет «Максим». Не знаю, почему — приказал развернуть ствол пулемета на пересечение просек. Просто подсказала интуиция.

Вот здесь и произошел один эпизод, сказавшийся позже на наши дальнейшие действия, на дисциплину в батальоне. Собственно — это было только начало эпизода.

Прежде всего, дал команду пулеметчику Сигматулину проверить «Максим», заправить ленту, проверить коробки с запасными лентами. Сложность заключалась в том, что в те годы ленты для станкового пулемета были брезентовые. Во время дождя, от грязи они набухали. Заправка «Максима» подчас требовала времени.

Сигматулин сидел на повозке и задумчиво жевал сухарь. На мои же указания ни как не реагировал. Когда я вернулся назад, пулемет к немедленной стрельбе был не готов.

Пришлось повысить голос, изменить выражения слов. После этого Сигматулин, что то ворча, все же взялся за подготовку пулемета.

И когда я подошел к повозке уже в третий раз, пулемет к бою был готов.

Как показали последующие события, — это было весьма кстати.

Дальше я пошел проведать двух раненых, которых мы везли с собой.

И в этот момент, на большой скорости, прямо на пересечении просек выскочили мотоциклисты противника. Было их человек 15–20 на 4–5 мотоциклах. Действовали они нахально. Наверно были пьяные.

Мотоциклисты настолько стремительно неслись на нас, что я не успел дать команду: «Огонь!» Но Сигматулин сработал быстрее, лучше меня, он нажал на гашетку, повел рыльце пулемета вправо (как когда-то на Юргинском стрельбище), и «Максим» ударил. Бил он в упор.

Ударил так, как это может делать хорошо отлаженная машина в умелых руках. Через пару минут прошел общий шок и в разгроме вражеских мотоциклистов приняли участие все, кто мог стрелять.

В считанные минуты с мотоциклистами было покончено. Мы даже захватили трофеи — два ручных пулемета, автоматы и кое-что из провизии. Но главное — это была победа. Пусть маленькая, но — победа.

Наступили сумерки, темнело.

Нельзя было терять время. Непрерывно подгонял людей, не давая ни минуты отдыха, двигались мы на восток.

Наконец, выбившись из сил, остановились где-то в лесу. Недалеко горела какая-то деревня. Слышалась стрельба. Была полная ночь. Разобраться в обстановке было невозможно, и я понял, что мы — заблудились.

Однако, решил все же подвести итог первого дня боя в окружении. Прежде всего — поздравил с небольшой победой. Уже хотел дать команду — «разойдись», как вдруг из темноты раздался чей-то голос: «Товарищ командир! Дай мне слово!» Митинг, конечно, устраивать не хотел, но когда увидел, что из строя вышел Сигматулин, то все таки — разрешил.

Прошло более 50-ти лет, но я прекрасно помню, о чем он тогда говорил.

Волнуясь, путая русские и татарские слова, пулеметчик сказал примерно так: «Тут командир хвалила Сигматулина. Неправда это. Врала командир. Сигматулина надо было морда бить. Зачем? А зачем с командиром спорила? Зачем «Максима» к бою не готовила? Зачем сухарь жрала, а командира шайтаном называл? Нельзя это. Будет так, когда Гитлеру голову сломаем? Будет так — Москву не удержим. Будет так — в Томска не вернемся. Прошу командира, кто не слушает — бить башка тому человеку. Иначе нам всем кранты будет».

Как часто, эти бесхитростные слова простого сибирского мужика помогали в поддержании дисциплины, порядка в батальоне.

Вселяли эти слова уверенность, что среди подчиненных я всегда найду поддержку и понимание.

Так окончился первый наш день во вражеском окружении.

С утра, нужно было решать кучу вопросов. Прежде всего, требовалось выяснить, что делать дальше, и где искать своих.

Ответы на эти вопросы я должен был дать, прежде всего, самому себе, а затем и тем красноармейцам и командирам, которые были со мной, мне подчинялись и видимо верили.

Что делать дальше? Было мнение — разбиться на мелкие группы или одиночками пробиваться к своим. Но большинство решило: оставить батальон, пусть в таком составе, как есть, но все же — батальон.

Нужно было решить и другой не менее важный и сложный вопрос — куда идти, куда двигаться дальше, как действовать в этих условиях? Там в лесу, да и в дальнейшем, когда проходили мы через населенные пункты, довелось слышать массу советов, рекомендаций, указаний пожилых, молодых мужчин, женщин, молодежи.

Большинство говорили: «Молодцы, что не сдаетесь, что пробиваетесь к своим с оружием в руках. Бейте проклятого фашиста. Мы только и надеемся на Красную Армию».

Были и другие разговоры: «Большая сила у немцев. Почти в каждом населенном пункте до реки Ока — немецкие гарнизоны. Не справитесь вы с супостатом. Уходите на юг Смоленской области — там леса, и наверное организуются партизанские отряды, туда и пробивайтесь».

Но были и такие, которые говорили: «Куда вы идете? Москву немцы заняли. Сталин бежал. Вас предали. Идите в немецкую комендатуру и сдавайтесь».

Но у нас была своя цель, свой взгляд на сложившуюся обстановку: только пробиваться к своим. А «свои» — это Москва, «свои» — это Новосибирск, «свои» — это наш родной Томск.

Не менее сложным для меня лично был вопрос о том, как драться с противником в этих условиях.

Дело в том, что в наших уставах, наставлениях, не было даже понятия — «бой в окружении». Мы этого не знали. Не умели и не были к этому готовы.

Я прекрасно понимал, что тягаться с сильным противником, мы не могли. Но и бегать как зайцы, — не хотели, да и совесть просто не позволяла.

Следовательно, характер боя с противником нужно было выбирать соизмеримо со своими силами и всегда учитывать условия местности.

Более приемлемым для нас — был лес. Хотя сложно, очень сложно вести бой в лесу. Мы поняли это с первого дня.

Вспоминал, как два месяца назад, под Духовщиной, выходили из окружения группа генерала Болдина. Выходила тяжело. Но, тогда, выходящим из леса помогали извне. А кто поможет нам?

Вторым фактором борьбы с противником было — время, каким мы располагали.

Я искренне верил тому, что наше командование в ближайшее время сумеет собрать силы и нанести противнику удар.

Поэтому мы не могли просто отсиживаться в лесу, выжидать что-то, а должны упреждать противника на отдельных рубежах, пока он не создал на всех направлениях, на всех рубежах плотные боевые порядки своих войск. Но для этого батальон должен быть предельно подвижным.

Нужно сказать, что в лесах под Вязмой бродило много брошенных лошадей, было много брошенных повозок, тачанок, просто деревенских телег.

Подумали, подсчитали, пошарили в окружающих лесах, оврагах, хуторах, и практически за сутки весь наш батальон был посажен на средства передвижения. А наше отделение «пешей разведки», стало отделением «конной разведки».

В дальнейшем, продвигаясь на восток, отбивая атаки противника, огрызаясь на его наскоки, мы столкнулись с весьма сложной проблемой, — что делать с ранеными?

Пришлось пойти на то, что тяжело раненых оставляли по договоренности у жителей небольших населенных пунктов, расположенных в лесах.

Что же касается легко раненых, то они оставались в строю. Где-то числа 9–10 октября недалеко от Темкино, а точнее в деревне Бурково, что западнее города, к нам пришел (тоже окруженец) капитан медицинской службы Ильиных Василий Иванович. Да пришел не один, а с двумя девушками: старшинами медицинской службы. Вместе с ним была повозка с лекарствами, бинтами и т.д., так что решать проблему с ранеными стало несколько проще.

Нужно сказать, что к батальону часто пытались присоединиться командиры, рядовые — такие же окруженцы, как и мы.

Брали мы не всех. Предпочтение отдавали тем, кто сохранял документы, кто приходил к нам с оружием.

Припоминается один случай. Даже запомнил число — 8 или 9 октября. Было это у довольно крупного населенного пункта — Знаменка, что южнее Вязьмы.

Запомнилась мне и тогдашняя погода. Дождь, моросивший целый день, прекратился, в просветах облаков засверкало холодное осеннее солнце.

Деревья в лесу стояли притихшие, настороженные, словно полностью еще не пришли в себя после пережитого боя. На кустах орешника и березняка листья еще хранили осеннюю окраску. Но любоваться прелестями леса мы не могли. К лесу подошла, практически одновременно с нами, немецкая колонна. Нужно было думать о том, что же нам делать дальше: атаковать или отойти в лес. Но немцы решили за нас: их колонна повернула на восток, на Темкино. И ушла.

В это время из леса вышел человек. В петлицах было два треугольника — командир отделения. В руках СВТ — самозаряжающая винтовка Симонова. Он представился, как работник Военторга какого-то корпуса или дивизии. Я просто сейчас не помню.

Звали его Николай Николаевич. Фамилия как-то выпала их памяти. Надо сказать, что работнику тыла я был рад, так как, там под Вязьмой мой заместитель по тылу — погиб. А проблем тыловых было достаточно.

Николай Николаевич согласился быть начальником тыла нашего батальона. Так громко мы его называли. А все остальные звали просто — *дядя Коля*.

Надо сказать, что Николай Николаевич оказался в батальоне к месту. Прежде всего, — не паниковал, не трусил, даже в трудные минуты держался хорошо.

Припоминаю, что у него был какой-то особый подход к людям. Например, он всегда находил общий язык с председателями колхозов, старостами (а тогда уже появились и такие) в тех деревнях, через которые мы проходили. Чаще всего его просьбы удовлетворялись, и мы получали картошку, капусту, печеный хлеб, а иногда — мясо.

Николай Николаевич, где-то в глухом лесу, в болоте разыскал небольшую походную кухню. Кухня была на колесах, у нее было два котла. Мы смогли организовать двухразовое питание личного состава батальона.

Он организовал ремонт обуви. Да мало ли, чего полезного для батальона сделал дядя Коля. У меня сложилось о нем самое хорошее впечатление. Если бы не одно *«но»*.

Забегая немного вперед — к тому времени, когда мы уже пробивались к своим, вышли из окружения. Я успел пройти комиссию и сел в грузовую машину, чтобы ехать к новому месту службы. Вдруг, к машине подбежал *«дядя Коля»*. Только теперь на гимнастерке у него было две *«шпалы»*. Стало быть, он был подполковником. Обещал написать, все рассказать и объяснить. Но, к сожалению, это была наша последняя с ним встреча. Больше о Николае Николаевиче я ничего не слышал. И кто он был в действительности, — не знаю. А жаль.

Говоря о тех, кто приходил к нам, чтобы драться с врагами, не могу не вспомнить и другой случай.

Еще 7 октября, на шоссе у Вязьмы, а точнее у опушки леса, ко мне подошли два лейтенанта — танкисты. Попросились взять с собой. Я сказал, что танков у меня пока, что нет, а есть только пехота. Если это их устроит, то пусть ложатся рядом и помогают отражать атаки нападающего на нас противника. С собой лейтенанты имели два танковых пулемета.

Надо сказать, что пару дней лейтенанты вели себя нормально: дрались, как и все. А вот потом, произошло следующее.

День был, какой-то, очень тяжелым. Люди устали. Устал и я сам. Дал команду — отдыхать два часа.

Лег под дерево, накрылся плащ–палаткой и сразу же заснул. Недалеко от меня отдыхали и те лейтенанты–танкисты.

Всегда, где бы я не отдыхал, под голову всегда прятал самое дорогое для нас — карту Смоленской области. Эту карту мне дали в штабе 166-й дивизии, еще в районе Копыревщины.

Не знаю почему, но тогда, ложась отдохнуть, карту я положил рядом, а не под голову. Карту я прижал банкой сгущенки и пачкой печения.

Сгущенку и печение разыскали еще рано утром, где-то в лесу в разбитом обозе. Через два часа дежурный поднял батальон. И какое было мое удивление, когда я понял, что и карта, и сгущенка с печеньем — исчезли. Исчезли также и два лейтенанта, которые два дня тому назад просились к нам. А потом вели бой с противником вместе с нами.

Что исчезли сгущенка и печенье — потеря не большая. Но то, что исчезла карта — это был удар по всем нам. Мы сделались слепыми, не знали куда идти, как выходить из боя, как воевать с врагом. Пришлось долго искать карту, пока в какой-то сельской школе обнаружили и взяли обычную географическую карту.

А что же касается лейтенантов–танкистов, то их подлый поступок — дело чести и совести.

Перебирая сейчас в памяти очень далекие дни, невольно вспоминаешь те неожиданные встречи, которые происходили на нашем пути.

Помню как несколько раз, чаще всего где-нибудь на большом поле или на опушке леса, встречались нам сгоревшие танки, машины, разбитые орудия. Причем это была и наша, и немецкая техника.

Видимо, только один–два дня назад здесь шел жестокий бой. Стороны стояли до конца, на смерть. С грустью и гордостью думал я о тех, кто днем раньше шел впереди нас, шел с боями, погибая сам, но и врагу пощады не давал.

В батальоне с первых дней был установлен твердый порядок дежурство на привалах, боевое охранение и разведка на марше. Никакого пререкания с командиром, никаких споров. Я думал, что у всех в памяти еще сохранилось проникновенные слова Сигматулина, сказанные там — в лесу под Вязьмой. Все прекрасно понимали, что обстановка вокруг нас требовала только железного порядка, дисциплины. А если иногда и были попытки нарушить дисциплину, то нужно сказать, что сама жизнь за это очень строго наказывала.

Весьма характерный пример произошел где-то 11 и 12 октября в районе Износок. На подходе к этому населенному пункту кто-то из местных жителей сказал, что в городе немцев нет.

Сразу же посыпались «советы», предложения, — зачем посылать разведку, зачем гонять людей, войдем в город тихо, на окраине немного отдохнем. И мы пошли. Дождь, морозящий целый день, прекратился и в просвете облаков появились звезды. Казалось, что все идет нормально, но на западной окраине Износок напоролась на автоматный огонь противника. В бой ввязались два его бронетранспортера. В результате боя мы с большим трудом отбили от противника, и ушли севернее Износок. Потери при этом были — трое раненых. Урок для меня был большой на многие годы.

Вспоминая прошлое, я вижу, что чаще всего батальон с мелкими группами (отрядами) противника дрался то успешно, а то бывало и приходилось срочно отступить. Прикрытием для нас, как я уже сказал, являлся лес и собственные силы.

Но иногда бывали такие моменты, когда на помощь друг другу приходили такие же отдельные подразделения, выходящие из окружения, как и наш батальон.

Характерным является бой 13 октября, у шоссе Юхнов–Мятлево.

По-моему, в тот день дождь внезапно прекратился. Выглянуло тихое октябрьское солнце. И вдруг пошла «крупа», а затем повалил хлопьями снег. Да такой крупный.

В лесу стало еще холоднее, еще неуютнее и тоскливее.

12 октября вечером мы вышли к шоссе и увидели безрадостную картину: по шоссе непрерывно в оба направления двигались большие и малые колонны противника.

Непрерывно по шоссе курсировали бронетранспортеры, а иногда и танки.

Было ясно, что одним нам через шоссе не пробиться. Ночью без всякого уведомления у шоссе собрались командиры таких же отрядов, батальонов, как и наш.

Появился даже какой-то генерал-майор, видимо тоже из окруженцев. Жаль, что тогда в наших очень сложных условиях как-то не принято было расспрашивать и рассказывать — кто мы, да что мы. Но все беспрекословно подчинялись командам этого, в общем-то, незнакомого генерала.

Наш батальон получил задачу: перекрыть шоссе у деревни Курганы (15 км юго-западнее Метляево), не допустить подход противника со стороны Мятлево.

Другие отряды перекрывали шоссе со стороны Юхнов, прикрывали наш тыл.

На рассвете 13 октября мы заняли намеченные рубежи, и начался ожесточенный бой, который продолжался более трех часов.

Окруженцы стояли насмерть и шоссе перекрыли. За это время через освобожденное шоссе прошло много окруженцев, скрывавшихся в лесу, прошло много повозок с ранеными, которые тоже находились в лесу. В этот же день где-то в районе Мятлево у местных жителей узнали, что немцы заняли город Калугу.

Снег усилился. Дороги превратилось в сплошное месиво. Свинцовые тучи едва не задевали верхушки сосен. Ночевать в лесу без костров стало трудно.

При выходе из окружения мы сталкивались с весьма сложной проблемой преодоления многочисленных мелких и довольно крупных рек.

Преградой на нашем пути лежали такие реки, как Шаня, Угра, Медынка, Ока. Большинство из них преодолевали на подручных средствах, ночью. Иные приходилось форсировать с боем.

Так, по-моему, числа 14 октября, мы вышли к реке Шаня в районе Кондорово. Сама река небольшая, но вброд не перейдешь. Мост же, что севернее Кондорово, у деревни Никольское, охранялся немцами (человек 10–15).

При разведке моста я увидел, что на реке вода у берегов реки покрылась хрупкой коркой льда. Было очень пасмурно. Используя темноту, в ночь с 13 на 14 небольшая группа бойцов переправилась вплавь (это же октябрь месяц) на северный берег реки, а утра 14 одновременным ударом основных сил и этой небольшой группы мост был захвачен.

Видимо 16 или 17 октября мы обошли с севера Детчино. Это небольшой городок, расположенный на шоссе Калуга–Обнинск.

В лесу у Детчино встретили разведчиков 49-й армии. По словам разведчиков, Серпухов обороняют войска их армии. Часть же сил армии ведут бои где-то на рубеже Таруса, Алексин.

18 октября в районе деревни Недельное (40 км северо-восточнее Калуги) батальон завязал огневой бой с небольшой механизированной колонной противника. Какой силы был противник, сказать не могу, — забыл. Местность в этом районе была очень пересеченной: с большими оврагами, буграми, ямами. Машины противника двигались медленно. Проваливались в ямы, овраги, подставляя борта под удары. Преимущество было на нашей стороне. Потеряв два бронетранспортера, противник отошел в сторону Калуги.

19 октября, продвигаясь на восток, прошли совхоз Чаусово.

У деревни Некрасово (10 км севернее Тарусы) наткнулись на небольшую группу противника. Что группа делала — или оборонялась, или вела разведку, — не знаю.

Сбили эту группу, как-то сходу. Без особого их сопротивления.

Дал команду командиру разведывательного отделения: «Пошел вперед». Через несколько минут слышу, кричат разведчики: «Товарищ лейтенант! Здесь свои!»

Вот так и вышли к своим. Произошло это как-то обыденно. Мы то все так ждали этот момент, так к нему стремились. Теряли товарищей, переносили громадные трудности, невзгоды. А тут так просто, так казенно. Нам сразу же предложили сдать оружие.

Также сдали лошадей, повозки и другое имущество.

По мосту через реку Протва, у деревни Дракино, перешли на западную окраину Серпухова. Здесь нас остановил заградительный отряд фронта.

Наступил последний момент существования 2-го стрелкового батальона 517-го стрелкового полка. Командиров (офицеров) отделили от сержантов и рядовых.

Я человек не сентиментальный, но когда стал прощаться с теми, кто служил еще со мной в Томске, кто дрался под Духовщиной, на реке Вопь, в лесах под Вязьмой — спазма перехватила мне горло. Стало горько и обидно.

Я знал всех солдат в лицо и по фамилиям. Им можно было приказывать, не объясняя при этом, что к чему, да и зачем и как... Дело в том, что эти солдаты знали все лучше, чем я сам.

Знали они, когда пикирует вражеский «Юнкерс», то куда — близко или далеко упадут бомбы.

Знали, что под минометным огнем ползти вперед не опаснее, чем оставаться лежать на месте.

Знали, что танки противника давят бегущих от них, а фрицевский автоматчик, стреляя «с бедра», да и еще с двухсот метров, чаще может напугать, а не убить.

Словом, они досконально знали солдатские истины, поэтому то среди них не было «дедов», не было и дедовщины.

Это были золотые люди.

Но приказ есть приказ, да и война шла своим чередом. Было не до переживаний.

Когда пройденными оказались те десятки километров от Вязьмы до Серпухова, когда прошли дни, месяцы и даже более полувека, которые отделяют нас сейчас от выхода из окружения, то возникло много вопросов. Прежде всего, главный вопрос, — а оказали ли мы, окруженцы, какое-либо влияние на результаты Московской битвы.

Анализ немецких документов того времени показывает, что вначале гитлеровцы предполагали блокировать наши войска, окруженные в районе Вязьмы, только полевыми армиями, а основную часть танковых и моторизованных соединений бросить в наступление на Москву.

Упорным сопротивлением, в окружении, наши войска не позволили гитлеровскому командованию осуществить свои планы.

Как показывали события прошедших лет, своей стойкостью и самопожертвованием окруженные соединения 19, 20, 24, 32 армий и группы генерала Болдина сковали главные силы 4-й армии и 3-й танковой группы врага.

Предельно ясно, что наше Верховное Главное Командование использовало это время для того, чтобы отвести избежавшие окружения войска Западного фронта на Можайский рубеж, а также подтянуть туда часть сил из своего резерва и организовать отпор врагу.

Мы честно выполнили свой долг. Долг перед Родиной.

В течение 19 октября командиров (офицеров) отправляли на сборный пункт — куда-то под Москву. По-моему это был район Баковки, т.к. шел разговор, что мы располагаемся на правительственных дачах. Здесь работала комиссия Главного управления кадров и комиссия контрразведки. Называлась эта комиссия «контрольной».

Первые мои действия на сборном пункте (его среди вышедших из окружения называли «отстойник») сводились к тому, что я ходил по начальству и пытался уточнить один и те же вопросы: где 517-й полк, где 166-я дивизия, какова судьба их личного состава.

И никто из местного начальства не мог, или не хотел ответить что-либо вразумительного.

Получить ответы на эти вопросы оказалось возможным лишь спустя много лет.

Совершенно неожиданно мне попали воспоминания непосредственных участников той трагедии, что произошла под Вязьмой в 1941 году.

Принес мне материал журналист *Поляков Юрий Иванович*.

Это были отдельные листки, написанные от руки или напечатанные на машинке. Листки были старые. Подписаны большинство из них в шестидесятых годах.

В свою очередь Юрий Иванович получил эти записи от дочери покойного генерал-лейтенанта Лукина М.И. — *Юлии Михайловны Городецкой-Лукиной*.

Воспоминания были адресованы бывшему командующему 19-й армии генерал-лейтенанту Лукину М.И.

Эти бесценные воспоминания участников Великой Отечественной войны в какой-то мере раскрывают трагедию, которая произошла с нашими войсками под Вязьмой.

Полностью обработать, обобщить эти записи я, конечно, не в состоянии.

Ограничусь простым перечислением авторов воспоминаний о тех грозных 1941–1942 годах: герой Советского союза, генерал в отставке, бывший командир стрелковой дивизии *Зашибалов М.А.*; старший лейтенант *Юдин А.К.*; начальник штаба дивизии генерал-лейтенант *И. Красноштанов*; бывший редактор дивизионной газеты 166-й стрелковой дивизии *Кочетков А.М.*; старший сержант 166 стрелковой дивизии *Лебедев Н.А.*; майор запаса, бывший комбат 423-го полка стрелковой дивизии *Ведерников А.Б.*; а также младший сержант *Стародуб Н.Н.*, помкомзвода 517 полка стрелковой дивизии *Ермаков Г.В.* и многие другие.

По-разному отвечают ветераны на вопрос — «Кто виноват? Почему произошла трагедия?»

Многие считают, что местность в районе Вязьмы могла способствовать, облегчать организацию обороны: труднопроходимые во многих местах болота, большое количество рек, ручьев.

Но вместе с тем имеются и в сравнительном состоянии, пригодные для маневра, рокадные дороги.

Но как особенности местности использовали воюющие стороны?

Немцы для удара избрали два, сходящихся в одном месте, направления: первое — Духовщина, Вязьма; второе — Ельня, Вязьма. Оба маршрута движения врага шли по дорогам с усовершенствованным покрытием.

Наши же 166 и 91 стрелковые дивизии оборонялись на широком фронте. Придерживался единый принцип обороны — локтевая связь с соседом.

При этом громадная трудность заключалась в том, что ни в армии, ни во фронте — не было резерва. Все было растянуто в нитку, которая порвалась.

Наступила трагедия.

Нанес удар противник 2 октября. Именно в этот момент 91-я Ачинская стрелковая дивизия меняла 166-ю Томскую стрелковую дивизию. Одна дивизия еще не заняла оборону, другая дивизия уже начала выходить из боя. Пример тому — 517-й полк и его 2-й стрелковый батальон.

Авиация противника господствовала в воздухе. Ей никто, или почти никто и ничто, не противодействовал. Облачность была густая, низкая. Шел дождь.

Самолеты врага были вынуждены просто ползать по нашим головам, а у нас так не хватало МЗА, а об истребителях и говорить нечего. Их просто не было.

Немецкие танки шли, в большинстве, по дорогам. Вне дорог — только болото. Казалось бы для организации противотанковой обороны лучше условий нет. А у нас главное средство борьбы с танками — бутылки с горючей смесью.

Читать воспоминания участников тех событий нельзя без внутреннего содрогания. Удивляешься внутреннему упорству, героизму людей, сражавшихся тогда в «котле» под Вязьмой.

Вот как описывают ход событий те, кто оказался внутри «котла».

2 октября 1941 года рано утром немца открыли артиллерийский и минометный огонь по нашему передовому краю.

Все слилось в сплошной рев и свист.

В воздухе висят непрерывно «Юнкерсы».

Выдержать все это было невозможно. Части начали отходить.

Два дня шли непрерывные бои.

Остановились на реке Выпь, где снова разгорелись бои. Так было до 5 октября.

Надо отдать должное командованию армии и двух дивизий, они сумели в этих условиях уверенно управлять войсками.

Войска отступали, но не бежали.

7 октября все почувствовали, что противник глубоко вклинился в тылы наших войск. Вязьма была у них в руках.

Бои шли кругом, огонь обрушивался отовсюду.

Все знали, что окружены, но не допускали мысли о сдаче в плен.

Прорваться к своим, пусть погибнуть, но прорваться.

У нас потери очень большие. Много раненых. Не хватает медикаментов.

Плохо с питанием.

Раненых некуда эвакуировать. Медсанбаты и полковые медицинские пункты — под ударами врага.

Отошли за Днепр.

Кругом бушуют пожары. Все — спасение ночь. Немного легче. И так до 12 октября.

Ночью сожгли штабные документы.

Собрали остатки артиллерийских снарядов, из подсумок убитых собрали патроны, гранаты.

Утром 13 октября началась последняя артподготовка. Израсходовали все снаряды. Орудия взорвали.

Потом — атака. Вперед пошли пулеметные роты, затем — стрелковые и специальные подразделения.

Командиры шли впереди.

Так у деревни Холм атаку и прорыв на восток возглавили — заместитель командира дивизии по тылу подполковник *Балабушевич* и начальник отдела контрразведки (раненый в обе ноги).

Перебежками сблизилась с немцами. В ход пошли гранаты.

Начался рукопашный бой.

К ночи немцы атаку прекратили.

И так день и ночь.

Раненые просят их пристрелить. Приходится оставлять дорогих товарищей на милость победителей.

С ранеными оставались медицинские сестры и врачи.

Путь лежит на восток.

Выходили к своим — кто когда.

Без боли в душе нельзя читать эти, написанные кровью, воспоминания.

166-я стрелковая дивизия не была смята врагом, хотя на нее и обрушился основной и страшный удар врага.

Дивизия дралась, как один человек — сплоченно и мужественно.

Дивизия погибла, но погибла со славой, вписав в историю обороны Москвы очень яркую страницу.

Ну какова же дальнейшая судьба 166-й стрелковой дивизии? Как она служила своему народу до конца войны?

Мне удалось, в какой-то мере, ответить на этот вопрос.

В документе одного из Управлений Генерального штаба Российской армии сказано, что 166-я стрелковая дивизия прибыла на фронт из Сибирского военного округа.

Участвовала в Смоленском сражении.

Дивизия входила в состав 24-й, а затем 19-й армии Западного фронта. Командовал дивизий в различные месяцы 1941 года Хользинев А.Н. Позже дивизией командовал полковник Дадонов А.Н.

В октябре 1941 года в ходе боев за Вязьму дивизия была окружена противником. Управление расформировано, а личный состав, вышедший из окружения, был передан на укомплектование частей Западного фронта.

*Петр Васильевич
Балабушевич,
заместитель коман-
дира по тылу.
Сейчас председатель
совета ветеранов.*

С 27 декабря 1941 года по 1 мая 1942 года дивизия в списках Вооруженных сил СССР не числилась.

1 мая 1942 года на базе 437 стрелковой дивизии была сформирована вторично 166-я стрелковая дивизия. Командовал дивизией полковник Светляков А.И. В декабре 1943 года дивизия принимала участие в Городокской операции в составе 2-го гвардейского стрелкового корпуса, 4 Ударной армии, 1 Прибалтийского фронта.

Новое формирование 166-й стрелковой дивизии произведено 8 апреля 1943 года.

Дивизия принимала участие в боях за Витебск. 2 декабря 1943 года дивизия была награждена орденом «Красного знамени».

Более подробных данных о судьбе 166-й стрелковой дивизии — нет.

9 мая 1945 года 166-й стрелковой дивизии была расформирована.

Изучая дальнейшую судьбу славной 166-й стрелковой дивизии, я с большим удовольствием увидел, что жители тех мест, где довелось воевать дивизии, не забыли ее солдат и офицеров, отдавших жизнь за свободу нашей Родины.

В сентябре 1983 года на центральной усадьбе совхоза «Малышкинский» Холм–Жирковского района в селе Верховье был открыт монумент в честь воинов 166 стрелковой дивизии, сражавшихся за освобождение Духовщины.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

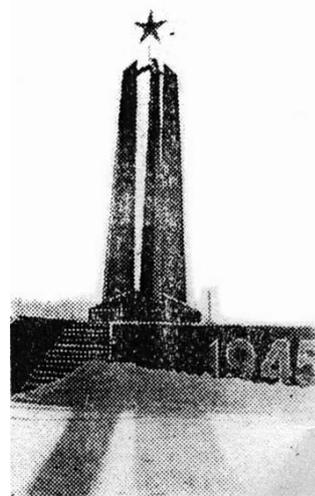
Смоленский объединенный музей-заповедник

**Государственный музей-могила
боевой славы 166-й стрелковой дивизии**

(сформирован в 1939 году в городе Томск)

**Государственный музей-могила
боевой славы 166-й стрелковой дивизии**

215641, Смоленская область. Холм-Жирковский район, с. Верховье.

По инициативе студентов Томского политехнического института были собраны средства, разработан проект и построен сам монумент.

Несколько лет тому назад мы побывали в этом замечательном музее-мемориале.

На память нам подарили вот эту информационную листовку.

Мемориал, сооруженный на Кургане, виден издали. Сверкают стальными гранями пять штыков — пилонов, над остриями которых укреплена пятиконечная звезда.

Здесь же в помещении Дома культуры села Верховья позже был открыт музей боевой славы воинов 166-й стрелковой дивизии.

Большая заслуга в создании как самого музея, так и мемориала боевой славы 166-й стрелковой дивизии — принадлежит директору музея *Персидскому Михаилу Александровичу*.

Он приложил много усилий, собирая по крупицам экспонаты музея.

К сожалению, Михаила Александровича нет среди нас, он умер в 1998 году.

Вечная ему память.

Память 166-й стрелковой дивизии бережно сохраняется также и на Родине этого соединения — в городе Томск.

Так в школе №51 города Томска открыт и функционирует музей боевой славы 166-й стрелковой дивизии. Инициаторами создания этого музея были ветераны дивизии: Н.А. Лебедев, Н.Н Стародуб, А.М. Суслин.

Мне довелось читать газеты, издававшиеся в семидесятых годах в городе Томске.

Нельзя без боли в сердце читать эти скупые слова, помещенные в газетных статьях о окружении 166-й стрелковой дивизии под Вязьмой в 1941 году.

Так об этих боях в газетах города Томска за разные годы можно найти много интересного материала.

Например Томская газета «Красное Знамя» в 1970 году писала:

«...Кульминационным моментом биографии 166-й стрелковой дивизии была битва в окружении под Вязьмой в 1941 году.

Выход из окружения существует только один — прорыв. Пройти по трупам врага, или погибнуть самому. Отступить нельзя. Позади — тоже враг. Не фронта, нет окопов и траншей. Нет врачей и медсестер. Рядом раненые товарищи и ты не в силах им помочь, патроны тоже на исходе...»

Другая томская газета писала:

«...Окружение — это когда солдаты умирают и о не всех из них родные узнают, где и как сложили они головы, защищая родную землю. И никто не скажет, как именно пал солдат в бою, как взят в плен в тяжелом бреду, или сам поднял руки.

Окружение — это когда о героях не пишут очерков в газетах, не дают им медали и ордена за подвиги.

Вышедших же из окружения в одиночку не встречают с распростертыми объятиями. Им подчас задают вопросы, которые могут обидеть человека...»

А в другом номере газета подчеркивала:

«...Солдаты и офицеры 166-й стрелковой дивизии выполнили свой долг, помогли отстоять Москву. Они дрались до последнего патрона, до последней капли крови.

Дрались раненые, дрались умирающие.

Вместе с частями 16-й, 24-й, 33-й армий они отбили наступление двадцати восьми дивизий врага, помогли погасить «Тайфун», пока другие армии готовились к победоносной битве.

Честь и слава, наш великий поклон и вечная слава...

Вышедшие же из окружения в одиночку, не встречают с распростертыми объятиями. Им задают вопросы, которые могут обидеть человека...»

А другом номере газеты подчеркивали:

«...Солдаты и офицеры 166-й стрелковой дивизии выполняли свой долг, помогли отстоять Москву. Они дрались до последнего патрона, до последней капли крови.

Дрались раненые, дрались умирающие.

Вместе с частями 16-й, 24-й и 33-й армиями они отбили наступление двадцати восьми дивизий врага, помогли погасить «Тайфуны», пока другие армии готовились к победоносной битве.

Честь и слава, наш великий поклон и вечная слава.»

На полях сражения Великой битвы под Москвой сложили голову около 2 миллионов человек.

И благодарное потомство не забыло своих сыновей и дочерей. В разные годы в Подмосковье сооружены памятники погибшим воинам в местах, где проходили наиболее кровопролитные сражения.

В декабрьские дни 2001 года еще одно такое памятное место появилось возле Снегири: на 41-м километре старого Волоколамского шоссе.

Именно там, 5 декабря 2001 года, торжественно был открыт памятник «Мемориал Сибирякам» в связи с 60-м годовщины начала контрнаступления Советских войск в битве под Москвой.

Строительство мемориала Воинам–сибирякам было начато летом. Строили памятник всем миром: правительство Москвы и Московской области, администрации Алтайского и Красноярского краев, Томской, Кемеровской, Иркутской, Тюменской, Новосибирской областей и сибирских землячеств.

Три воина разных национальностей, распахнув руки, закрывают грудью фрагмент кремлевской стены. Слева от них гранитные плиты с именами героев и названием всех сибирских соединений, участвующих в боях, а перед ними — вечный огонь. Такова композиция памятника.

На мемориальных плитах увековечены 26 дивизий и 6 отдельных бригад.

Почти полностью на поле боя погибли воины 91-й Красноярской, 152-й Забайкальской, 166-й Томской дивизий. Например, в 166-й Томской дивизии, было более 16 тысяч бойцов, а вышли из окружения немногим более 500. Они вынесли из боев знамя дивизии и все полковые знамена. Дивизия под этим номером была возрождена на Урале, в городе Чебаркуле и была сформирована вновь из сибиряков.

Время неумолимо движешься вперед. Великая Отечественная стала уже войной ушедшего века. Постепенно уходят из жизни тек, кто помнит эту войну. Мемориал сибирякам — призыв к памяти живущих и бедующих поколений: не забывать о тех кто поднимался и бросался в атаку за свою Великую Родину, о тех, кто погиб, но защитил свою родную землю. Нам остается память и мы должны ее сохранить.

Все «это нужно не мертвым, это нужно живым».

4. Там, за рекой Нара. Отступить не куда — за нами Москва

*И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрем же под Москвой,
Как наши братья умирали!
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали».*

М. Лермонтов. 1837 г.

20 октября я был вызван для разговора в «контрольную комиссию». После короткой проверки, из офицеров, прорвавшихся из окружения под Вязьмой, формировались команды, которые в очень спешном порядке направлялись в соединения и части.

Все наши мечты о бане, о смене обмундирования, обуви — остались только желанием. «Потом, потом, там в частях все будет», — говорили нам в «отстойнике».

Такая поспешность стала понятна несколько позже, когда было опубликовано постановление Государственного комитета обороны, согласно которому в Москве и прилегающих к городу районах с 20 октября 1941 года вводилось осадное положение.

События на фронтах вызывали у нас, естественно, большую тревогу.

На оборонном пункте я услышал радио.

Диктор с волнением в голосе сообщил, что 16 октября войска правого крыла Западного фронта отошли за Волгу и закрепились на рубеже Седижарово, Старица.

Далее диктор сообщил, что 18 октября наши войска оставили города Малоярославец и Можайск.

Обстановка под Москвой с 30 сентября по 5 декабря 1941 года — показана на схеме (стр. 62).

После беседы в «контрольной комиссии», группа командиров (человек 10–15), в том числе и я, получили направление в 1-ю Гвардейскую мотострелковую дивизию. Воевала дивизия в районе Наро-Фоминска, в составе 33-й армии.

Утром 21 октября нас, сборную команду, на машине отправили в дивизию.

В дороге невольно с беспокойством думал о моем новом месте службы.

Что это за «Гвардейская дивизия», как сложится моя дальнейшая жизнь, как, где и с кем вместе придется воевать?

Еще в «отстойнике», один из кадровиков весьма подробно, со знанием вопроса, рассказал мне о этой дивизии. Нам было сказано, что дивизия была сформирована в конце декабря 1926 года на базе Отдельного Московского стрелкового полка, ряда частей и подразделений Московского военного округа для военной подготовки молодежи столицы.

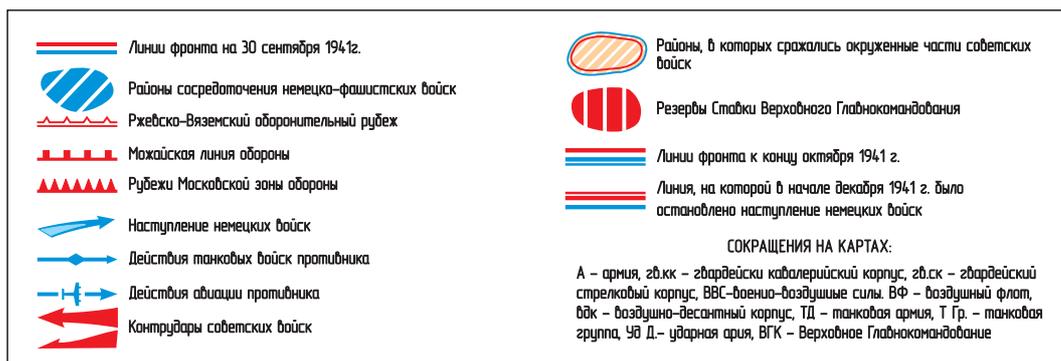
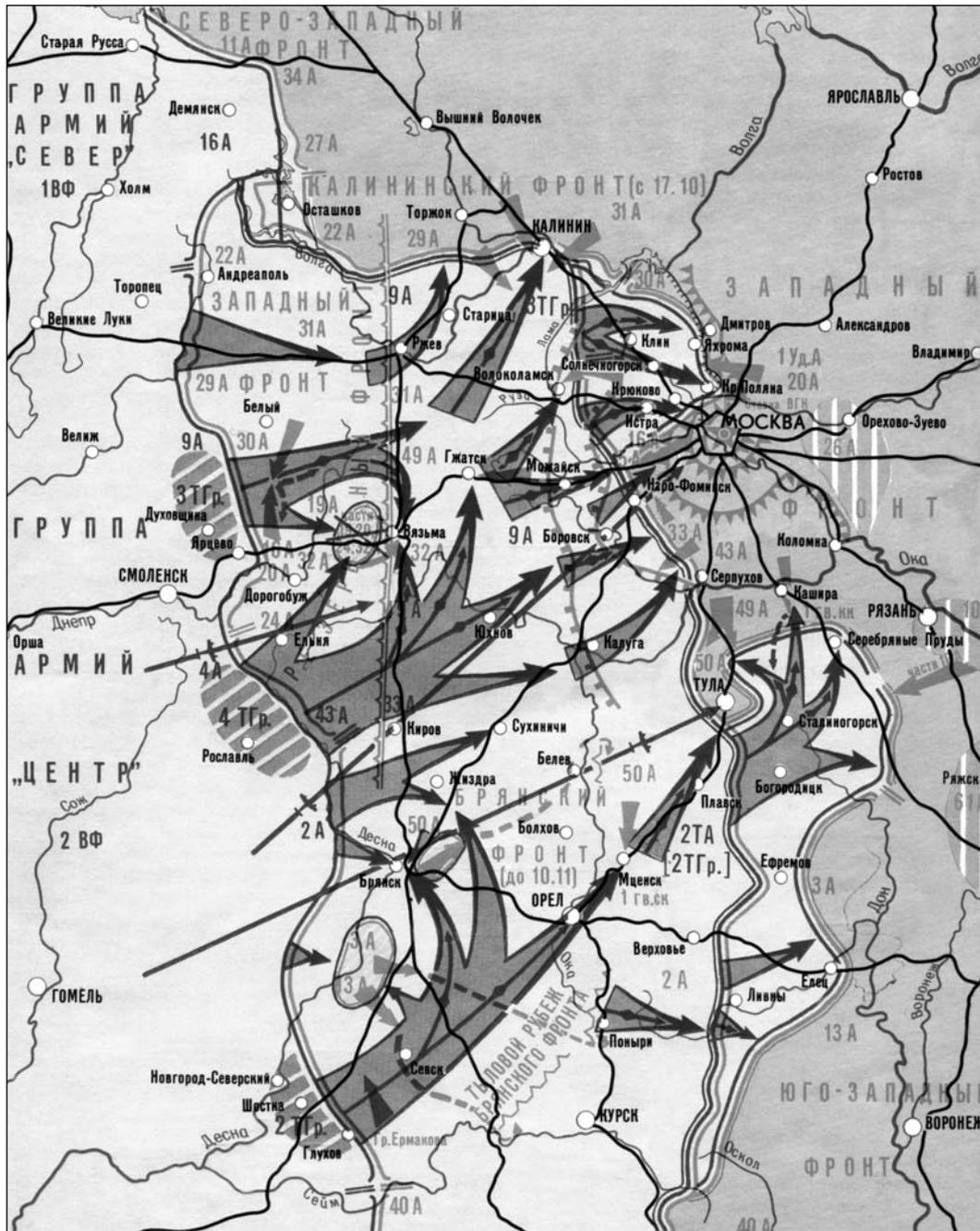
Слава о Московской Пролетарской дивизии гремела в предвоенные годы по всей Красной армии.

Она слыла общеармейской лабораторией и кузницей командных кадров. На ее учебных полях испытывались новые образцы оружия и получили путевку в жизнь военные уставы, разрабатывалась тактика современного боя.

Во время парадов бойцы и командиры шагали в торжественном марше по брусчатке Красной площади, демонстрируя выправку и боевую мощь.

Оборона Москвы.

30 сентября — 5 декабря 1941 года.

Постановлением Центрального Исполнительного комитета в ознаменование 10-го юбилея и за высокие показатели в боевой и политической подготовке, 1-я Московская Пролетарская дивизия была награждена Почетным революционным Красным Знаменем.

В сентябре 1939 года на базе 1-го Стрелкового полка сформируется новая Московская Пролетарская стрелковая дивизия.

В январе 1940 года она переименовывается в 1-ю Московскую мотострелковую дивизию, получившая в последствии прежнее свое название — «Пролетарская».

Тот кадровик в «отстойнике» также рассказал нам, что когда началась Великая Отечественная война, дивизия в составе двух мотострелковых, танкового и артиллерийского полков, батальонов разведывательного, инженерного, автомобильного и батальона связи, подразделений обеспечения выступила на фронт в район Орши.

29 июня 1941 года «Пролетарка» приняла первое боевое крещение в районе города Борисово на реке Березина.

В течении 10 дней дивизия сражалась в междуречье Березены и Днепра, дважды оказывалась в окружении и с боями сумела вырваться из огненного кольца.

Гвардейцы участвовали в Смоленском сражении, севернее Ярцево. Громили немцев под Сумами.

Указом Президиумом Верховного Совета СССР от 31 августа 1941 года за образцовое выполнение заданий Командования и проявления при этом доблести и мужества дивизия награждена орденом «Красного Знамени».

В сентябре 1941 года, за боевые заслуги, соединение было преобразовано в 1-ю Гвардейскую Московскую мотострелковую дивизию.

В заключение кадровик сказал, что дивизия сейчас полностью разгрузилась в Ново-Фоминске (станция Нара) и заняла оборону на его западной окраине.

Только немного позже, мы поняли насколько неправ был этот кадровик, как он ошибался.

Снабженные подробной информацией о той дивизии, где нам предстояло воевать, с небольшим волнением выехали к новому месту службы.

Проезжая Москву, мы как-то не ощутили осадного положения города. Разве только народу на улицах было меньше обычного.

К середине дня прибыли в штаб дивизии — в Ново-Федоровку (восточная окраина Наро-Фоминска). Но комдив вызвал нас на наблюдательный пункт в район железнодорожной станции Нара, что в центре города.

Река Нара пересекает город Наро-Фоминск на две части.

На юге-западе — центр города, в ней находятся каменные здания, в которых размещались учреждения, магазины, прядильно-ткацкая фабрика, рынок.

В северо-восточной части города — размещены железнодорожная станция Нара, парк и деревня Ново-Федоровка, практически слившиеся с городом.

Командовал дивизией Герой СССР полковник *Лизюков Александр Ильич*. Я слышал о нем много хорошего еще раньше, по его успешным действиям на реке Березине и на Соловьевской переправе.

Комдив сидел на каких-то ящиках и подписывал документы.

Начальник штаба дивизии полковник *Бахметьев Д.Д.* доложил о каждом из приехавших командирах.

Комдив встал, поздоровался с каждым и выразил большое удовлетворение тем, что все мы успешно, с боями вышли из окружения. Он сказал: «Значит, есть боевой опыт. А опыт — половина успеха в бою».

При ночевках в лесу, в непрерывных стычках, столкновениях с противником, как я уже говорил, наше обмундирование, особенно сапоги, сильно пострадало. В «отстойнике» нам выдали только зимние шапки. Поэтому вид у нас был неважный.

Полковник Лизюков А.И. обратил внимание на наш «негвардейский» вид, дал указание начальнику штаба дивизии полковнику Бахметьеву Д.Д. позаботиться о нашем обмундировании и распределить по частям.

Со слов комдива мы узнали, что дивизия получила задачу — с утра 22 октября перейти в наступление и занять рубеж в 3-4 км юго-западнее и западнее Наро-Фоминска.

Командир дивизии, не пожалел времени, весьма подробно обрисовал обстановку в районе Наро-Фоминска и дал характеристику дивизии.

В этом был весь полковник Лизюков А.И., все привык делать обстоятельно, обдуманно и быстро.

Он разъяснил, что в данный момент в октябре 1941 года дивизия перебрасывалась с юга из района Суджи.

Комдив подчеркнул (в отличие от того кадровика), что первые эшелоны дивизии только начали сосредотачиваться в районе Наро-Фоминска.

По словам комдива, командующий 33-й Армией генерал-лейтенант Ефремов М. Ф., поставил перед 1-й Гвардейской дивизией задачу: незамедлительно выдвинуться на рубеж: западная окраина Наро-Фоминска, разъезд 75 км, Елагино с целью прикрыть город со стороны Боровска, откуда вела наступление, якобы, 258-я пехотная дивизия противника.

Полковник Лизюков А.И. не скрывал перед нами, что положение на Наро-Фоминском направлении было предельно напряженным и опасным.

Враг рвался к Москве.

Соединения же 33-й армии вынуждены были с ходу вступить в бой, не успев даже полностью сосредоточиться в намеченных районах, естественно не успевали закрепиться на предназначенных рубежах.

Авиация врага действовала очень активно, нанося нашим войскам большие потери.

Город Наро-Фоминск 17 и 18 октября подвергался ожесточенным бомбардировкам немецко-фашистской авиации.

Командир дивизии также коротко доложил об особенностях организации соединения. В отличие от других стрелковых дивизий, 1-я гвардейская мотострелковая дивизия имела в своем составе два мотострелковых полка — 6-й и 175-й, артполк и другие специальные части, дивизия была усилена 5-й танковой бригадой.

*На наблюдательном пункте 1-й Гвардейской дивизии под Наро-Фоминском (ноябрь 1941 года).
Справа налево: гвардии полковник А.И. Лизюков, гвардии полковник Д.Д. Бахметьев (начальник штаба дивизии), гвардии полковой комиссар В.В. Мешков.*

Был комдив среднего роста, с мужественным, энергичным лицом. Его серые, несколько прищуренные глаза внимательно смотрели каждому в лицо.

Мне комдив показался несколько мрачным. В разговоре с нами был весьма сдержан.

В дальнейшем, за время боев в Наро–Фоминске, тот, кто общался с Люзиковым А.И., мог удостовериться в том, что комдив быстро и хорошо разбирался и ориентировался в самой сложной обстановке, не терял зря ни одной минуты в принятии решения. Его большой боевой опыт подсказывал наиболее целесообразные решения.

Мне довелось служить по командованием Лизюкова А.И. три месяца.

Недолгий, как будто бы срок. Но ведь это не простые месяцы, а месяцы в непрерывных боях, следовательно и срок месяца становится другим.

Александр Ильич не только хорошо знал дивизию, но и в дивизии хорошо знали его и запомнили на многие годы. Оставил он о себе долгую память, глубокий след.

Как-то несколькими днями, позже начальник штаба дивизии полковник Д.Д. Бахметьев пришел в наш Гвардейский мотострелковый полк. Зашел и в наш батальон.

Поговорили. Объяснил нам полковник еще раз обстановку.

Мы попросили его рассказать о том, за что комдив получил Героя Советского Союза.

Вот что поведал Дмитрий Дмитриевич.

В последние дни июля 1941 года Соловьевская переправа через Днепр была единственным путем доставки полуокруженным войскам 16-й и 20-й армиям пополнения людьми, техникой и боеприпасами.

Командование принимало все меры к тому, чтобы не допустить противника к переправе.

С этой целью, из остатков танкового и моторизованного полков был создан сводный отряд. Командовать отрядом было поручено А.И. Лизюкову.

Далее полковник Д.Д. Бахметьев рассказал нам, что 26–28 июля две фашистские дивизии из района Ярцево, нанесли удар в направлении села Соловьева.

С юга вышла сюда еще и 17-я танковая группа Гудариана.

Кольцо вокруг наших армий, сражавшихся за Смоленск, сомкнулось.

Для ликвидации этого прорыва и был срочно выдвинут отряд полковника Лизюкова А.И., усиленный дивизионом противотанковых пушек и пулеметной ротой.

27 июля, после артподготовки, отряд атаковал фашистов.

Увлекаемые личным примером командира, бойцы опрокинули вражеские подразделения и восстановили Соловьевскую переправу.

Почти две недели отряд сдерживал атаки врага, давая возможность отходящим войскам 16-й и 20-й армий переправиться через Днепр и отойти на восток.

Вот за такие умелые действия Лизюков А.И. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1941 года был удостоен звания героя Советского Союза.

По отношению к нам — подчиненным, Люзинов А.И. был весьма требовательным. Но странно, он чем-то напоминал командира бывшего моего 517-го стрелкового полка Томской 166-й стрелковой дивизии — полковника Рыбакова Н.В. Я уверен, что как Рыбаков Н.В., так и Люзинов А.И. вели меня — тогда очень молодого человека, когда за руку, а когда — и за шиворот, по ступеням войны.

*Герой
Советского Союза
генерал-лейтенант
А.И. Лизюков*

Это у них обоих я проходил самую наивысшую академию военного искусства. Высочайшая благодарность им обоим.

Однако, как я уже сказал, служить, воевать вместе с Александром Ильичом нам пришлось недолго.

В конце ноября 1941 года он убыл из нашей дивизии, получив назначение на должность заместителя командующего 20-й армии. Как говорили, в последствии, он командовал 2-м Гвардейским стрелковым корпусом. 10 января 1942 года ему было присвоено звание — «генерал-майор».

25 июля 1942 года генерал-майор Люзиков А.И. погиб в танковом бою под Воронежем. Погиб, выручая подчиненную ему бригаду из беды. Тело его не нашли.

Великие годы, великие события пережил наш народ в то грозное время. И как пели в песне — «Когда страна быть прикажет героем. У нас героем становится — любой». На мой взгляд, правдивость этих слов подтверждается героической судьбой трех братьев Люзиковых.

Старший брат *Александр Ильич* — стал Героем СССР. Командовал нашей дивизией.

Его брат *Петр Ильич* — тоже был удостоен этого высокого звания. Он командовал Истрибительно-противотанковой бригадой. И он, как старший брат, погиб смертью храбрых.

Отдал жизнь за родину и третий брат *Евгений Ильич* — командир партизанского отряда.

Эти данные о Люзиковых стали нам известны позже.

В тот день на КП полка я понял насколько действительно сложна и опасна была обстановка под Наро-Фоминском. Вспомнился тот кадровик, что в «отстойнике» говорил о дивизии якобы уже занявшей оборону Наро-Фоминска. Как он ошибся.

Дело в том, что первые железнодорожные эшелоны, в которых следовали штаб дивизии, штабы двух полков, спец. подразделения и штаб 5-й танковой бригады, только на рассвете 21 октября начали прибывать на подмосковные станции. Со штабами полков прибыли в лучшем случае — один-два стрелковых батальона. Артиллерийские полки, тылы дивизии, остальные части и подразделения — двигались еще по железной дороге.

Именно здесь на железнодорожной станции почувствовали мы свою остроту происходящих событий, их трагизм и сложность.

Там, — на станции Нара, с командиром дивизии находился штаб, несколько специальных подразделений дивизии, разгружался штаб и один мотострелковый батальон 175-го мотострелкового полка, выгружался также один танковый батальон 5-й танковой бригады. На станции Апрелевка разгрузился еще один мотострелковый батальон этого полка.

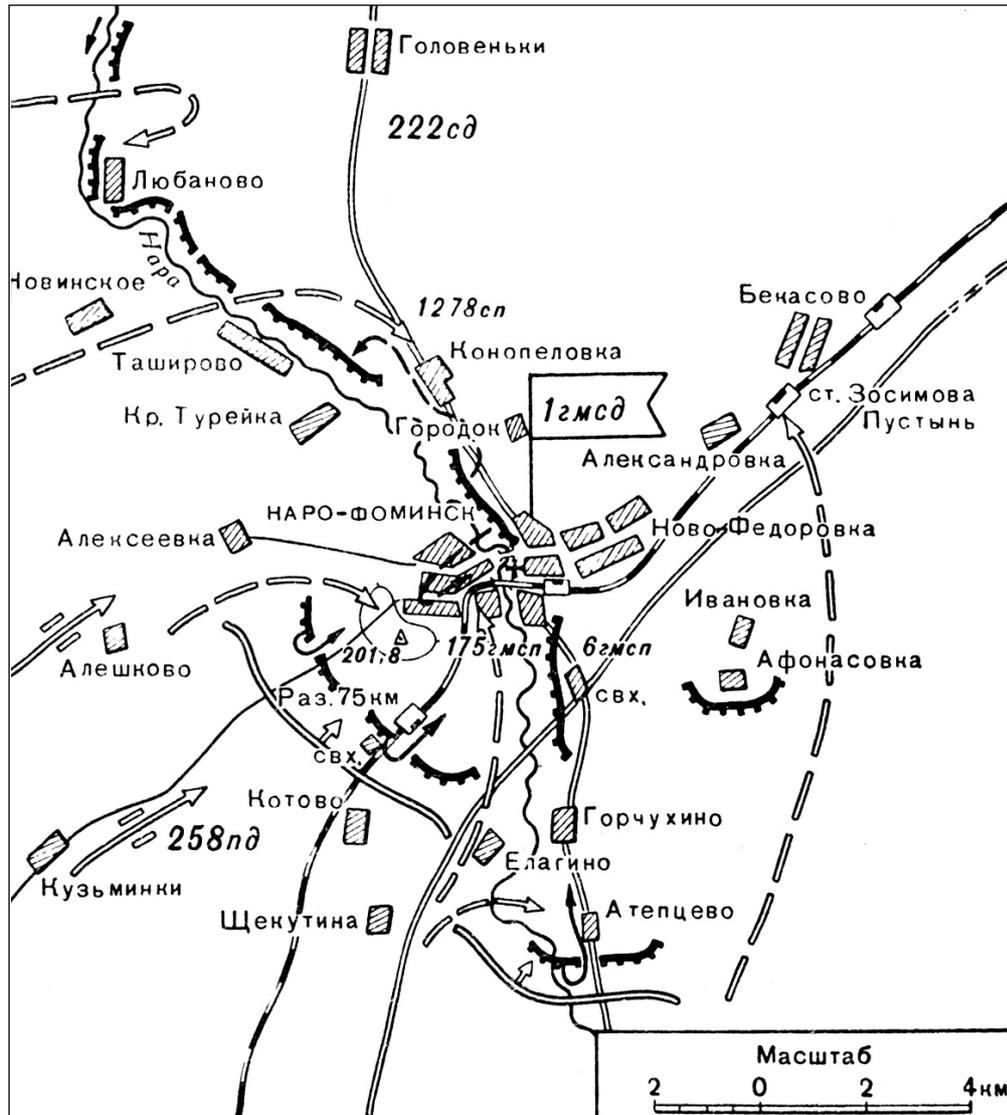
По докладу начальника штаба дивизии, командир 6-го мотострелкового полка, со специальными подразделениями, только что сосредоточились в районе совхоза — 3 км южнее Наро-Фоминска. Один мотострелковый батальон (это был «мой батальон») полка разгружаются на станции Селятино (25 км восточнее Наро-Фоминска). Остальные подразделения дивизии — в движении по железной дороге.

А как же противник? Где он, каковы его действия?

По-моему, где-то в 12–13 часов, примчался мотоциклист с донесением: «Немецкие танки в «трикатажке». Разведывательный батальон дивизии ведет с ними бой».

Бои за Наро–Фоминск

(22–23 октября 1941 года).

Надо сказать, что «Трикатажка» — это текстильная фабрика на западной окраине Наро–Фоминска.

Одновременно, начальник оперативного отделения дивизии доложил о том, что по Боровскому шоссе в 10.00 часов 21 октября в районе Ворсино (25 км юго–западнее Наро–Фоминска) отмечено выдвижение мотопехоты противника. Предположительно, — это выдвигается его 258-я пехотная дивизия.

По не проверенным данным, эту дивизию противника с трудом сдерживают отходящие части 110-й стрелковой дивизии.

Разведывательные подразделения врага неустановленного состава, в 11.00, преодолели реку Нара, у моста на Боровском шоссе, южнее Наро–Фоминска. Наших войск там — нет.

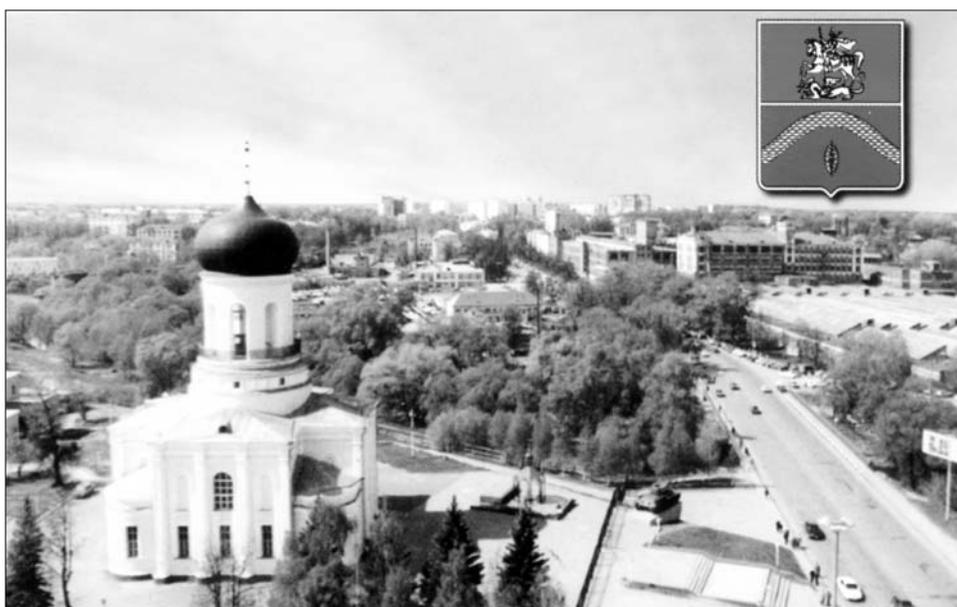
В этой сложнейшей обстановке командир дивизии вел себя исключительно спокойно.

Сразу же — по получению данных о дивизии противника, — он приказал, разгрузившимся на станции Нара командирам мотострелкового и танкового батальонов: «Атаковать! Противника в «трикотажке» — уничтожить! Командиру 175-го полка к исходу дня двумя батальонами, совместно с танковым батальоном, занять западную окраину города. Оборонять рубеж от кирпичного завода до железнодорожного моста в центре города.»

Мы видели как атаковали гвардейцы. Здорово. Иначе не скажешь.

Так развивались события в северной части Наро-Фоминска.

Необходимо, хотя бы кратко, рассмотреть эту часть города. Ниже приведена фотография современного Наро-Фоминска.

На переднем плане видна церковь, где в те годы размещался наблюдательный пункт командира дивизии.

Внизу, у церкви, на постаменте уже в наши дни установлен танк в честь танковой бригады, которой командовал подполковник Сахно.

Перед постаментом видна улица, что тянется на юго-запад к поселку Котово. В те годы «солдатское радио» называло эту улицу «*долиной смерти*». Эта улица подвергалась непрерывными ударами артиллерии и авиации противника.

За роцей видна «Трикотажка», которую у нас на глазах атаковали танкисты Сахно и батальон 175-й гвардейского полка.

Железнодорожная станция Нара (она слева от церкви) в объектив фотографа не попала.

Ну, а теперь, вернемся к событиям тех лет и посмотрим, что происходило в южной части Наро-Фоминска.

6-му мотострелковому полку было приказано: уничтожить противника, переправившегося через реку Нара; к исходу дня занять оборону рубежа, пока что силами одного батальона, от Елагино до Горчухино (см. схему на стр. 67).

Мы, то есть прибывшие на усиление в дивизию командиры, сходу уяснили складывающуюся обстановку, постарались ее понять, уточнили свои задачи, и разъехались по частям.

Я был направлен в 6-й гвардейский мотострелковый полк дивизии.

Отобранных в полк командиров, сопровождал ПНШ-1 — старший лейтенант Юра Голубев.

На КП полка (свх., что 3 км южнее Наро-Фоминска) с большим нетерпением ожидали нас: командир полка — подполковник *Балоян Н.П.*, комиссар — батальонный комиссар *Вьюнков В.И.*, начальник штаба полка — майор *Бородок Н.И.*, а также начальник тыла — майор *Желяев Г.И.*

Командир полка — подполковник Балоян Нерсес Парсиевич.

Начальник штаба полка коротко ознакомил нас со складывающейся обстановкой.

Надо сказать, что в этой критической обстановке подполковник Балоян Н.П. принял, по моему, весьма разумное решение — до подхода мотострелковых батальонов, атаковать силами специальных подразделений полка разведку противника, переправившуюся на восточный берег реки Нара. Он решил, еще до подхода главных сил полка, уничтожить противника, не дав ему закрепиться на захваченном рубеже.

Командовать спец. подразделениями подполковник сначала приказал мне. Но потом подумал и объявил, что командовать будет он. Я же получил приказ: встретить на дороге Селятино-Наро-Фоминск свой батальон и не позже 17-18 часов 21 октября сосредоточить его в район южнее Наро-Фоминска.

Видимо мой внешний вид не внушал особенной уверенности Балаяну Н.П.

Этим наверное и можно было объяснить изменения его решения.

Подполковник подчеркнул, что больше трех часов он со спецподразделениями

Справа налево: Голубев Юра — ПНШ-1, Сорока Толя — начальник химв. полка, Штрик Сергей — Комбат-2, Ильичев Вася — начальник арт. полка, Бородок Николай — начальник штаба полка, Косухин Константин — пом. командира полка, Солосний — ПНШ полка, Арест Яков — переводчик, Колесников Виктор — Комбат-1, Акимов Коля — ПНШ по разведке, Кормильцев Иван — шифровальщик, Волцев Федя — начальник связи.

полка не сможет удерживать восточный берег реки Нара.

Следовательно, у меня было в распоряжении только три часа для того, чтобы встретить батальон, привести его на южную окраину Наро-Фоминска.

Приказ я выполнил, и к 18.00 батальон занял оборону на восточном берегу реки Нара. Сделали это мы без потерь, т.к. специальные подразделения полка сами очистили восточный берег реки от противника. Батальон двумя ротами занял оборону от Афанасьево до моста на шоссе, и одной ротой — оборонял Горчухино.

Ильичев Василий — начальник арт. полка, Жилыев Григорий — начальник тыла полка, Штрик Сергей — Комбат-2.

И сразу же завязался бой с подходящими по Боровскому шоссе частями противника. В ночь на 22 октября у нас появился сосед — 1291-й стрелковый полк 110-й стрелковой дивизии. Дивизия отошла под ударами противника из Боровска.

Кстати говоря, 110-я дивизия была моя «старая знакомая». Напоминаю, что это она еще 16 июля 1941 года приняла от 166-й стрелковой дивизии полосу обороны в районе Ярцево. Только тогда она именовалась 4-й дивизией Народного Ополчения.

Организуя оборону, познакомился я с моими будущими подчиненными: командиром роты ст. лейтенантом Лазаренко М.П., старшиной Дубровиным Д.И., старшим сержантом Василевским Н.И., рядовыми Меркушевым А.Н., Мешковым С.С. и другими. Были здесь и начальник радиостанции старшина Музыкантский М.А., а также радистка — рядовая Барченкова М.И.

Встретил меня и мой будущий ординарец рядовой Власов И.В. Много десятков километров прошагали мы с ним по заснеженным полям Подмосковья. Много пережили.

По разному сложилась судьба всех тех, кого встретил я тогда на восточном берегу реки Нара.

Юра Голубев — стал начальником штаба этого полка. В 1943 году погиб под Брянском. Мы с ним дружили, и память о нем я сохранил на годы.

Командир полка — полковник *Балоян Нерсес Парсиевич* после войны жил в Ереване. В 1987 году ему исполнилось 96 лет. В том же году он умер.

Василий Иванович Вьюнков — умер несколько лет назад. Уволился из армии в 1956 году. Его жена, Вера Ивановна, на фронте имела звание «лейтенант медицинской службы». Служила в 6-м Гвардейском стрелковом полку. Сейчас живет в Москве. Имеет двух детей, внуку. Вера Ивановна очень помогла мне восстановить даты, факты из нашей боевой жизни.

*Гвардии
полковник
Вьюнков В.И.*

Лазаренко М.П. — погиб в 1942 году.

Старшина *Дубровин Д.И.* — дослужился до дня Победы, затем работал в Метрострое. Умер 8 лет назад.

Коля Василевский — после войны работал в милиции. Умер 5 лет назад.

Меркушев А.Н. — после демобилизации работал председателем колхоза в Горьковской области.

Маша Барченкова — демобилизовалась в 1944 году. Вышла замуж. Живет на Украине.

Музыкантский — после войны работал директором какого-то крупного технического института.

И.В. Власов — после ранения в 1943 году демобилизовался. Работал электромонтером. Женат. Имеет сына, внуку. Ваня тоже помогал мне восстановить в памяти даты, отдельные моменты нашей жизни, связанные с 1941-42 годами. Умер Ваня в 1999 году.

22 октября в бой были введены прямо с железнодорожных эшелонов еще один стрелковый батальон нашего полка, а также танковый батальон 5-й гвардейской танковой бригадой и два дивизиона артиллерии.

Говоря откровенно, дышать, стало немного полегче.

Во второй половине ночи на 23 октября 1941г. в ротах, батареях, батальонах была проведена большая работа: личный состав был накормлен, боевая техника — заправлена, пополнены боеприпасы.

Обескровленные подразделения были сведены вместе и получили пополнение за счет тыловых и специальных подразделений.

С утра 23 октября, после сильной авиационной и артиллерийской подготовки, противник перешел в наступление.

Вдоль Боровского шоссе, наступала его подошедшая 258-я пехотная дивизия.

Два батальона 175-го мотострелкового полка (наш правый сосед) имели задачу, прикрыв левый фланг в районе железнодорожного моста, захватить западную часть Наро-Фоминска. Но наступление полка было приостановлено сильным пулеметным и минометным огнем противника. Фланг нашего полка оказался открытым.

К исходу 23 октября батальон, совместно с третьим батальоном полка, заняли участок обороны от перекрестка дорог, что в двух километрах южнее станции Нара, до деревни Горчухино.

В это же время юго-западная часть города дважды переходила из рук в руки.

Противник все усиливал и усиливал натиск на подступах к Москве.

Мы прекрасно понимали о том, как жаждал он вбить клин на Наро-Фоминском направлении, действуя кратчайшему пути — одним прыжком танковых и моторизованных дивизий захватить Москву.

Последующие события показали, что Наро-Фоминск был эпицентром кровопролитных боев. Как показал ход боевых действий, река Нара стала тем рубежом, где должно было захлебнуться наступление фашистов.

В дальнейшем наша дивизия получила задачу — выбить противника из Наро-Фоминска и заставить его приостановить свое наступление.

Утром 26 октября, после артиллерийской подготовки и ударов авиации, мы двинулись вперед.

Батальон наступал в направлении железнодорожного моста, что на южной окраине города.

У меня как-то в памяти не сохранилось детали боев 26 октября. Но вот что интересно. Прошло очень много лет, а мой бывший ординарец — *Иван Васильевич Власов* (о нем я писал выше), каждый раз, как только мы собираемся у праздничного стола, обязательно вспоминает бои у громадных пустых цистерн для горючего, в тот октябрьский день. Как вспоминает Ваня, противник зажал нас тогда между двух таких цистерн. Шел сильный огневой бой, и нам бы пришлось очень плохо, если бы не помощь соседнего батальона.

В целом бой был неудачным, и на следующий день дивизии пришлось приостановить наступление, а батальоны отошли на восточный берег реки Нара.

Видимо, то, что вспомнил Власов И.В., — так и было в действительности.

Но вот то, что я хорошо помню, так это наш отход назад за реку Нара. Как только батальон отошел в свои старые траншеи, сразу же возникли вопросы, — а по какому маршруту мы отходили?

В результате тщательной проверки оказалось, что отходили то по минному полю, установленному ранее саперами нашей дивизии. И минное поле не сработало, не произошло (славу богу) ни одного взрыва противопехотной мины. Почему?

Позже несколько раз проводили тщательное расследование. Но результаты я просто не помню.

Надо заметить, что, не смотря на неудачу, своими активными действиями дивизия все же сковала значительные силы противника.

28 октября капитан Тесля, — начальник вещевого снабжения 6-го Гвардейского стрелкового полка, привез в батальон зимнее обмундирование.

Долго ожидаемое зимнее обмундирование — тоже оружие. Хорошо помню, что в комплект его входило: меховая шапка—ушанка, овчинный полушубок, ватные брюки, валенки, шерстяные портянки, теплые рукавицы, а командирам, кроме того, — шерстяные костюмы и меховые телогрейки.

В батальон прибыли также праздничные посылки от москвичей. Во всем чувствовалось, что в народе и армии крепла уверенность в неизбежности перелома в ходе войны.

30 октября командир полка собрал комбатов и объявил, что дивизия согласно приказу 33-й армии перешла к упорной обороне занимаемого рубежа.

Стало ясно, — мы выполнили свой долг, — остановили противника, удержали Наро-Фоминск, не допустили продвижения врага на Москву, выиграла время, создали условия для разгрома немцев.

В течение последующих дней, войска усиленно совершенствовали оборону. Оборудовали окопы, траншеи, жилые землянки, пункты управления. Хотя полностью была оборудована только главная полоса обороны. Широко применялось минирование местности.

Организуя оборону, полковник А.Н. Люзиков, боевой порядок дивизии построил в один эшелон. 175-й и 6-й мотострелковые полки располагались рядом. В резерве командира дивизии был один мотострелковый батальон (из нашего полка) и рота танков.

Оба полка, как и дивизия, имели одно-эшелонное построение.

Батальон, после неудачной вылазки 26 октября в центре Наро—Фоминска, приступил к подготовке обороны уже знакомого нам района — перекресток дорог 2 км южнее станции Нара—Горчухино.

В батальонном районе мы оборудовали ротные районы, основные и запасные стрелковые окопы, пулеметные площадки, позиции для минометов и противотанковых орудий.

Впервые в нашем районе комдив создал артиллерийскую группу поддержки пехоты.

Вспоминая построение обороны в Смоленске, на реке Вопь, на Ржевском рубеже, можно сказать, что она (оборона), здесь под Наро—Фоминском, была наиболее устойчивее, более надежной.

Жизнь шла вперед, Произошли новые события.

В сложной боевой обстановке Маруся Барченкова ухитрилась слушать радиопередачи из Москвы. Записывала их, а потом — доводила до нас.

Сколько было радости, когда 6 ноября 1941 года, мы услышали, что Москве состоялось торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся совместно с представителями партийных и общественных организаций, посвященное 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. На заседании с докладом выступил Председатель Государственного Комитета Оборона И.В. Сталин.

Весь личный состав батальона с гордостью воспринял, что традиционный праздник Великого Октября наша родная столица справляет, как всегда, несмотря на то, что у ворот города стоит враг.

Весть о торжественном заседании в Москве вселила в нас уверенность в победе и силу в бою.

После возвращения из Новосибирска (после отпуска). Декабрь 1941 года.

Вот он 2-ой гвардейский батальон 6-го Гвардейского мотострелкового полка (по моему — после боев за Котово, южнее Наро-Фоминска).

Комбаты всех трех гвардейских стрелковых батальонов — собрались по случаю каких-то торжеств.

В тот же день — 6 ноября 1941 года генерал-лейтенант Ефремов М.Г. проверял боевую готовность, оборону нашей дивизии.

Побывал и у нас в батальоне. Проверка прошла нормально. Особых замечаний не было.

Как известно, проверка боеготовности в армейских условиях, дело обычное. Поэтому вспоминать об этом и не стоило.

Но здесь несколько особая статья.

Дело в том, что в составе комиссии, работающей вместе с командующим, был начальник Оперативного отдела 33-й армии подполковник *Киносян Степан Ильич*.

В то время мы друг друга не знали.

Забегая, как всегда, вперед нужно сказать, что в дальнейшем Степан Ильич сыграл довольно большую роль в моей судьбе.

Было это дело уже в 1962 году. Тогда я служил в Северной Группе войск заместителем начальника Оперативного управления Группы войск.

Генерал-лейтенант Киносян С.И. (тогда зам.начальника кафедры Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР) приехал в нашу Группу войск на Командно-штабные учения.

В разговоре Степан Ильич предложил мне перейти работать в Академию.

Подумав, взвесив все «за», «против» и дал свое согласие.

Так в моей судьбе произошли изменения.

Но это было гораздо позже.

Ну а в том 1941 году, кто бы мог, что либо подобное подумать.

Шла война. Жестокая, беспощадная война.

7 ноября 1941 года дивизия впервые за свою историю не вышла в парадном строю на Красную площадь.

Московская Пролетарская стояла на боевых рубежах, прикрывая грудью свою дорогую столицу.

Надолго запомнится всем честным людям этот день — снежный и ветреный. Запомнят и это утро с его торжественным церемониалом на старых отшлифованных временем камнях перед мавзолеем, и этот тяжелый марш войск, уходящих прямо с площади на фронт.

7 ноября, опять таки через Марусю, мы узнали о параде на Красной Площади в Москве.

Парад наших войск и выступление И.В. Сталина еще больше укрепили уверенность народа и армии в том, что под Москвой враг будет не только остановлен, но здесь у стен столицы начнется и разгром гитлеровских захватчиков.

До сих пор помню немного глуховатый голос Сталина.

Небольшой его акцент.

Помню, как Сталин сказал, примерно так: «...*Немцы хотят войну на истребление. Ну так, они получают ее...*»

Какое-то неизгладимое впечатление осталось у нас от этого парада.

Как-то не верилось, что враг стоит меньше чем в 100 км от Москвы, а на Красной Площади проходит парад наших войск.

Сейчас трудно передать те чувства, которые овладели нами тогда.

Понималось сердцем, что есть силы у Красной Армии, у нашего народа, чтобы разгромить врага, спасти Родину. В это были не слова, не лозунги. Это была сама жизнь.

Подготовка нашего батальонного района обороны шла свои чередом.

Правда шла не так быстро, как требовала от нас новые условия ведения боевых действий. Запомнились отдельные, далеко не главные примеры нашей жизни того времени.

Очень интересно, как это быстро человек может «осваивать» окружающую его местность. Осваивать и в хорошем смысле, но и осваивать и в плохом, отвратительном, безжалостном отношении к этой местности.

Посмотрите, только что здесь кипел бой, рвались снаряды, свистели пули. Люди падали, погибали. А прошло совсем немного времени и здесь же, на той же самой местности появляются землянки для жилья, блиндажи для штабов, землянки-кухни, санитарные землянки и так далее.

Сложно было с обогревом жилья. Чем, например, обогревать санитарные и штабные землянки? Но тут на выручку пришла русская смекалка. Ищут и находят металлические бочки, куски жести. И вот из рук ротного умельца выходит чудо—печурка. Сразу же в сырой землянке, в блиндаже становится теплее, уютнее. Вспоминается дом, родные лица. Человеку становится легче.

Сложно было с водой. Водопровод работал только на железнодорожной станции Нара. Но до нее было, во-первых, далеко, а во-вторых, нужно было проезжать по «долине смерти». Систематически эту дорогу очень сильно обстреливал противник. И далеко не все кухни, отправляясь за водой, могли благополучно проскочить этот отрезок дороги.

Можно было использовать обычный снег, предварительно растопив его на костре. Но дело заключалось в том, что весь окружающий нас снег был усеян осколками мин, снарядов, покрыт копотью разрывов. Так что использовать его для кухни было сложно.

Уже не помню, в каком батальоне родилась идея — пробить на Наре прорубь и там брать воду. Но дело усложнялось тем, что река Нара была ничейной полосой, кроме того берега реки были высокие, крутые. Часто можно было видеть, как какой-то лихой красноармеец, обвешанный флягами, котелками, кастрюлями, спускался, к реке. Набирал воду и карабкался вверх.

Немцы не стреляли.

Но чуть позже можно было видеть, как и с того — западного берега, тоже обвешанный емкостями, спускался немец. Набирал воды и поднимался наверх. Видимо и у противника были сложности с водой. Наши не стреляли. Такое «перемирие» продолжалось недолго. Об этом узнали в политотделе, и нам всем был грозный «надир».

Вспоминается — свирепствует метель, заметая тропы и дороги на подмосковной земле. Она крутится у еле видимой низенькой землянки, наматывая у входа сугроб.

Из землянки, поверх плащ-палатки, служащей дверью, струиться тепло, слышатся смех, голоса.

Там — жизнь.

Таковы были отдельные эпизоды фронтовой жизни.

В целом же военная обстановка, как это и положено, развивалась неоднозначно. Было много тревожных сообщений. Например, 23 ноября наши войска оставили город Клин.

Противник захватил также Солнечногорск, Яхрому, Красную Поляну, несколько деревень на восточном берегу канала имени Москвы.

Таким образом, положение под Москвой по-прежнему оставалось очень сложным и опасным.

Нельзя забывать, что на отдельных направлениях противник подошел к Москве на 30 км.

Но в то же время, во второй половине октября и всего ноября месяца, обстановка в Наро-Фоминске, стабилизировалась.

Противник, видимо, перенес направление своего главного удара на стыке между нашей дивизией и соседями. Как всегда это было заметно по ударам его авиации, артиллерийским огневым налетом и действиями разведывательных групп.

Наша дивизия продолжала занимать полосу обороны и вести работу по развитию и укреплению своих позиций.

Что же касается батальона, то он занимался тем, чем положено заниматься солдату в обороне.

Батальон совершенствовал район обороны, пополнял запасы материальных средств, получал новое вооружение. Не забыли нас, и москвичи — роты были доукомплектованы личным составом. Пополнением, в основном, составляли коммунисты и комсомольцы районов города Москвы.

Много внимания уделяли мы и улучшению быта. Прежде всего, улучшили условия жизни в блиндажах и землянках. Построили отличную баню — на зависть соседям; совершенствовали пищеблок; построили землянку — «кинозал» на 25-30 человек. Это на удалении 800-100 метров от передового края. Киноустановку нам давал клуб дивизии. Впервые за войну увидел я там новую картину «Александр Пархоменко». Любовались мы Борисом Чирковым. Помню чудесную песню: «Любо, братцы, любо...» И война, как-то становилась не так уж страшной.

Не могу не сказать и о личном, — мне было присвоено очередное воинское звание «капитан». В виде поощрения я получил еще и отпуск на 15 суток с поездкой на мою родину — Новосибирск. Нет слов, чтобы описать поездку домой, встречу с родными. Сын Саша и дочь Ната стали совсем «большими». Радости было много. Отец и мать сильно изменились — постарели. Сказался год войны, не только у нас, но и у них, кто жил и трудился в тылу.

Вернулся в полк я 1 декабря и попал с ходу «с корабля на бал». В дивизии произошли изменения: 30 ноября убыл к новому месту службы полковник Лизюков А.И. Его заменил генерал-майор *Новиков Т.Я.*

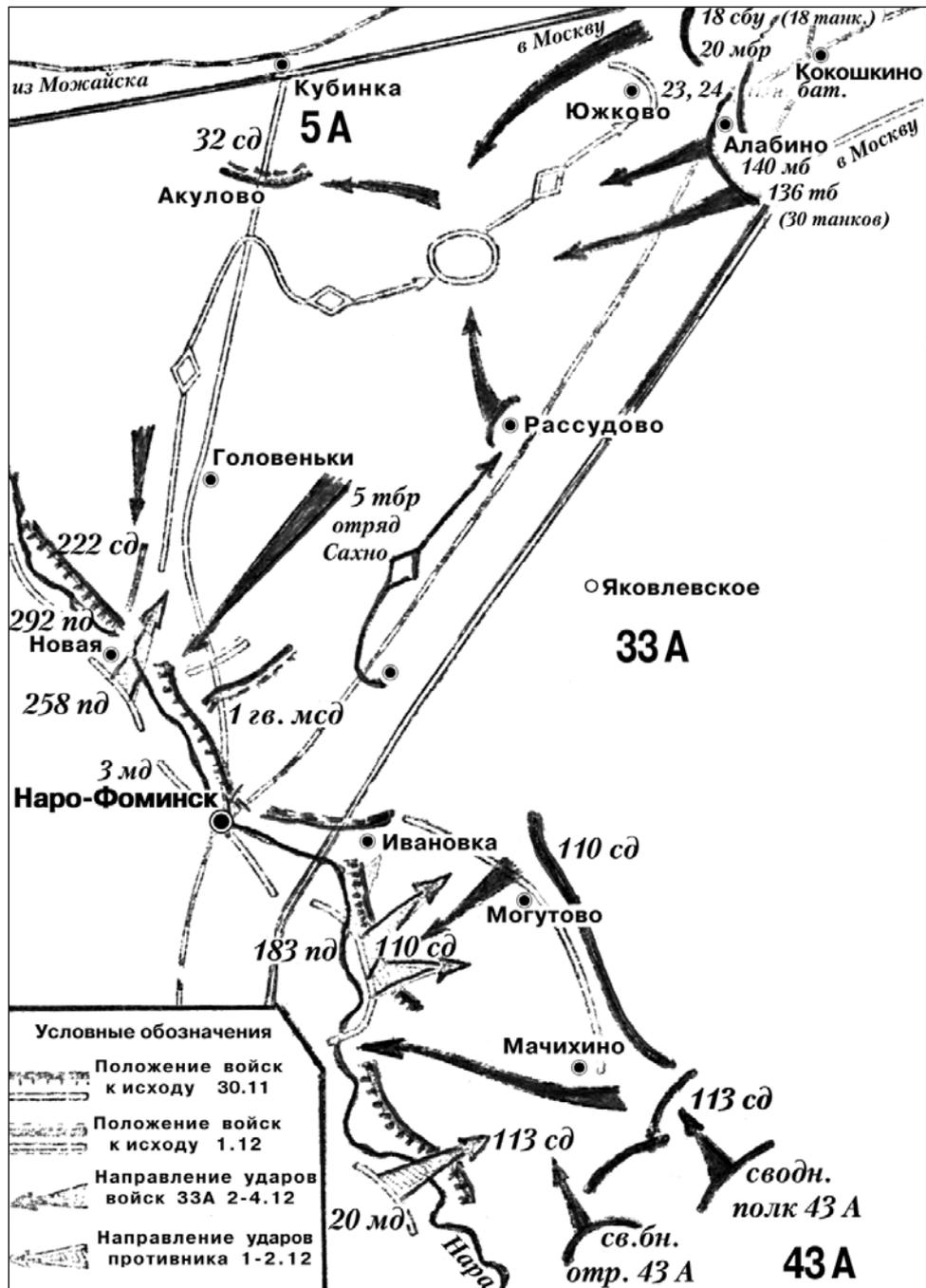
Подполковник Балоян Н.П. командовал 175-м мотострелковым полком. Нашим 6-м полком временно командовал майор Елисеев. Начальником штаба полка стал капитан Голубев Ю. В полку сменилось два комбата. Из «стариков» я остался один.

А война шла дальше и дальше.

Последнюю попытку прорваться к Москве противник предпринял 1 декабря 1941 года. Наиболее чувствительные удары враг нанес по флангам 33-й армии — севернее и южнее Наро-Фоминска.

Контудар войск 33-й армии на Наро-Фоминском направлении

2–4 декабря 1941 года.

Противник, ударом с рубежа Лобаново, Таширово (5-8 км севернее Наро-Фоминска), прорвал оборону наших войск и, развивая наступление, продвинулся на 20-25 км на восток. Это было севернее Наро-Фоминска. Как шли боевые действия на этом направлении, я знаю лишь по рассказам очевидцев.

Хорошо помню те события, которые произошли в начале декабря 1941 года южнее Наро-Фоминска (см. схему сверху).

Наш батальон действовал, как и ранее, на правом фланге 6-го мотострелкового полка, обороняя деревню Горчухино.

Вместе с нами деревню оборонял и 1287-й полк 110-й стрелковой дивизии. С 7 часов утра 1 декабря в течение полутора часов вражеская артиллерия и авиация наносила удары по нашей обороне. В результате сильного обстрела все линии проводной линии связи были выведены из строя, связь с подразделениями была потеряна. Посланные посыльные иногда обратно не возвращались. Не было связи с соседями.

1-я Гвардейская мотострелковая дивизия атакует фашистов в подмосковном лесу. Декабрь 1941 года (Фотография — краткий справочник. Издательство «Республика». 1995 год. — стр. 319). На снимке — атака батальонов 6-го гвардейского полка, в районе деревни Горчухино, юго-восточнее Наро-Фоминска — 1 декабря 1941 года).

Вслед за артиллерийским огнем и авиационными ударами, части 57-го танкового корпуса противника перешли в наступление на участке Горчухино, Атепцево, Каменское (6-10 км южнее Наро-Фоминска).

Обстановка на левом фланге нашего полка осложнилось. К середине дня 2-й стрелковый батальон 1287-го полка 110-й дивизии был окружен в Горчухино. По приказу командира 6-го полка, наш батальон, совместно с 1287-м полком, контратаковали противника. В результате атаки кольцо окружения было прорвано, и противник отошел на запад.

Но все же и к концу дня гитлеровцы, введя новые силы, продвинулись на 2-3 км в глубину нашей обороны. Отдельные группы автоматчиков просочились в тыл обороны 110-й дивизии, что привело к потере управления частями со стороны штаба соседа.

С утра 2 декабря ожесточенные бои возобновились с новой силой.

Полки 110-й стрелковой дивизии под воздействием превосходящих сил противника оставили Мигутово, Ивановку и Афанасовку.

Разрыв между флангами 110-й стрелковой и 1-й гвардейской дивизий увеличился. Для предупреждения возможного проникновения противника в полосу обороны нашей дивизии, а также для оказания помощи соседу слева, были приняты дополнительные меры.

Резерв командира дивизии — первый батальон, был развернут вдоль шоссе Наро-Фоминск-Апрелевка, в районе северо-восточнее Ивановки, т.е. «плечо в плечо» с нашим батальоном.

Нашему же батальону было приказано оказать посильную помощь подразделениям 110-й дивизии, отходящим под ударами противника северо-восточнее Наро-Фоминска.

Нам выделили два крупнокалиберных пулемета ДШК на автомашинах для борьбы с «кукушками» и мелкими группами противника, появляющимися на шоссе Наро-Фоминска, Апрелевка.

Также оказали мы помощь в эвакуации раненых из района Горчухино, Афанасевка, Ивановка. Организовали вывод мелких тыловых подразделений 1287-го стрелкового полка из районов Савеловка, Могутово.

3 декабря боевые действия вокруг Наро-Фоминска продолжались с прежней силой. Хотя противник имел кое-где частичный успех, однако, стало очевидно, что его наступление выдыхается. На ряде участков он переходил к обороне.

Сказывались, те решительные меры по разгрому противника, которые предпринимало наше фронтовое и армейское командование, а также меры принятые в дивизионных звеньях.

Наш батальон в течение дня, огнем артиллерии, минометов и пулеметов, отбивал многочисленные атаки противника на открытом левом фланге дивизии, тем самым не допустил выхода немецких автоматчиков на наши коммуникации.

К вечеру 3 декабря, стремясь избежать окружения, противник мелкими группами поспешно бежал по лесным тропам и проселкам, бросая танки, орудия, автомашины.

4–5 декабря войска нашей 33-й армии отбросил врага за реку Нара, севернее и южнее Наро–Фоминска.

Так была сорвана последняя попытка противника прорваться к Москве в центре Западного фронта. Контрудар наших войск завершился успешно. Было восстановлено ранее занимаемое ими положение по реке Нара. Противник потерпел здесь тяжелое поражение.

После восстановления существующего на 1 декабря положения сторон, боевые действия под Наро–Фоминском не прекращались.

По всем боевым сетям дивизии, по всем радиоприемникам мы и слушали, столь радостное для нас, сообщение, переданное Левитаном Ю.Б. о том, что 5-6 декабря основные силы Западного Фронта перешли в контрнаступление и погнали врага на запад. Под Наро–Фоминском же наступление началось позже.

Судя по наблюдению — противник усиливал свои позиции живой силой и огневыми средствами. Он ежедневно совершал массивные артиллерийские налеты по нашему переднему краю и тыловым объектам.

Что касается нашего батальона, то мы, как и прежде совершенствовали оборону, — опять пополнили личный состав и боевой техникой.

Непрерывно вели наблюдение за противником.

12 декабря батальон участвовал в разведке боем в направлении Котова. 15 декабря до нас довели приказ командира дивизии.

В этом приказе было сказано, что перед фронтом дивизии, к югу от Наро–Фоминска обороняется 343-полк 183-й немецкой дивизии. Его передний край проходил по западному берегу Нара.

Далее в приказе было определено, что в ночь на 17 декабря дивизия должна перегруппировать свои боевые порядки и занять исходное положение для наступления на рубеже между Наро-Фоминском и Горчухино.

Дивизии было приказано перейти в наступление с утра 18 декабря, уничтожить противостоящего противника, и к исходу дня выйти на рубеж совхоза «Котово», деревни Котово и Щекутино.

Мотострелковые полки соответственно получили следующие задачи.

175-й полк — должен был произвести довольно сложную перегруппировку. Для этого полк передавал участок обороны 222-й дивизии. А участок от железнодорожного моста — передать 6-му полку. Сам же 175-й полк должен был перейти в наступление, овладеть разъездом «75 км» и к исходу дня выйти на западную окраину Наро–Фоминска.

6-й полк — оставаясь на левом фланге дивизии — между совхозом «Овощной» и Горчухино, должен принять участок обороны от 175-го полка. В дальнейшем, полк должен был наступать на Котово.

Артиллерией наступление обеспечивалось плохо. Танковую бригаду раздали мелкими подразделениями по пяти дивизиям.

Как известно, немцы укрепляли свою оборону два месяца, и поэтому прорвать ее было не так-то просто.

Нужна была артиллерия, танки, авиация, а их то, как раз в достаточном количестве не было.

17 декабря в командование дивизии вступил полковник С.И. Йовлев. Командовать нашим полком опять стал подполковник Балоян Н.П.

В тот же день артиллерия заняла новые огневые позиции. Задолго до рассвета подразделения дивизии сосредоточились на исходных позициях.

Наш батальон развернулся на так хорошо знакомой западной окраине Горчухино.

И как-то удивительно зримо сейчас в памяти всплывают детали того далекого декабряского вечера. Зима давно вступила в свои права, толстым снежным ковром, так чудесно, покрыла поля и леса Подмосковья.

Последний день подготовки к наступлению кончился.

Солнце скрылось за верхушки елок, и в том месте засветилась багрово-красная полоса неба, розовые тени ее легли на чистую белизну снега. Дым от блиндажей голубой лентой поднимался к небу.

Вокруг стояла тишина, лишь изредка с той стороны, где скрывалось солнце, слышались короткие пулеметные очереди. И так грустно, так тревожно было уходить из этих обжитых, таких уютных блиндажей и землянок. Но, как всегда, — приказ есть приказ.

С утра, в 9 часов 30 минут 18 декабря, после часовой артиллерийской подготовки, наши батальоны перешли в наступление.

Несмотря на стремительный прорыв вперед, наступление наших войск, из-за слабой технической оснащенности, превратилось в медленное «прогрызание» вражеской обороны. Я хорошо помню те шесть дней ожесточенных боев южнее Наро-Фоминска. Бывали дни, когда батальон продвигался за сутки не более сотни метров.

Только к исходу 25 декабря 175-й полк обошел Наро-Фоминск с юга и вышел на его западную окраину.

6-й полк двумя батальонами вышел к Котово.

В течение двух дней за Котово шли ожесточенные бои. 25 декабря наш батальон по лесу обошел эту деревню, и с утра 26 декабря атаковал ее. Пути отступления противнику на Боровск были отрезаны.

26 декабря Наро-Фоминск был полностью очищен от врага и войска дивизии продолжали наступление на Боровск.

Боровск — это районный центр Калужской области, расположен он на холмистой равнине реки Протва (приток Оки).

По-моему, 4 января 1942 года дивизия вышла к Боровску и совместно с другими дивизиями армии приняла участие в освобождении этого старинного русского города.

Особенно напряженным был бой в старой части города, расположенный на высоком берегу реки Протва. Наш батальон наступал во втором эшелоне 6-го стрелкового полка, и непосредственного участия в штурме города не принимал.

Когда город был почти что освобожден, батальон получил задачу: совместно с полком 201-й латышской стрелковой дивизии овладеть опорным пунктом противника, оборудованном в монастыре. Монастырь (Боровский Пафнутьев монастырь) находился в 3 км юго-восточнее Боровска, на левом берегу реки Протва. Толстые монастырские стены, с бойницами, давали возможность противнику организовать его оборону.

Как овладеть этим монастырем — опорным пунктом, не знал ни я, ни те два комбата 201-й латышской дивизии, с которыми наш батальон должен был действовать.

По нашему совету, создали штурмовые группы. Вооружили эти группы тем, что было под рукой. Помнится, поддерживающий нас артиллерийский дивизион, имел только осколочные снаряды. Поэтому проходы в стенах опорного пункта приходилось осуществлять взрывчаткой. А затем следовал бросок штурмовой группы, и атака.

Бой шел исключительно ожесточенный. Латыши дрались отменно.

6 января совместными усилиями нашего батальона и полка 201-й латышской дивизии опорный пункт противника — был взят.

Где-то числа 8 января командир полка (теперь уже полковник) Балоян собрал командиров и доложил, что 1-я гвардейская мотострелковая дивизия получила приказ — овладеть городом Верея, не допуская в дальнейшем отход противника на запад. Согласно этому приказу, дивизии предписывалось совершить марш и выйти в район деревень Афанасьево, Васильево, ударить по тылам противника и овладеть городом Верея.

Командир полка сообщил, что командир дивизии полковник Иовлев С.Н. (дивизией он командовал до 17 января 1942 года) принял решение, согласно которому в первом эшелоне двигался 175-й гвардейский мотострелковый полк и штаб дивизии. Во втором эшелоне шел 6-й гвардейский стрелковый полк, средства усиления и тыла.

Дело прошлое, но даже мне — командиру батальону, было тогда видны недостатки такого решения.

Прежде всего в этом решении не учитывался рельеф местности и климатические условия того времени года. Дивизия должна была совершать марш практически только по одной дороге, в густом лесу, при очень глубоком снежном покрове. Что в свою очередь затрудняло войскам проведение какого-либо маневра в ходе наступления.

Но приказ надо выполнять.

Дивизия пошла. Наступление развертывалось крайне медленно. Немцы свою оборону построили на удержании многочисленных опорных пунктов, используя особенности местности. Такие населенные пункты, как Сатино (10 км западнее Боровска), Спасс-Коссици, противник превратил в сильные опорные пункты. Каждый опорный пункт наступающие войска брали с боем, неся потери. Лобовые атаки обычно не приносили успеха. Маневр же вне дорог был затруднен глубоким снежным покровом. Дороги противником при этом были просто нашпигованы минами.

Чем ближе мы подходили к Верею, тем чаще противник наносил контратаки.

Вспоминаю, что видимо около трех часов 14 января 1942 года на рубеже реки Исма в районе деревни Устье противник, с рубежа Коровино, Глинки нанес сильный контрудар в направлении Устье, Спасс-Коссицы.

При этом враг отсек 6-й гвардейский мотострелковый полк и тылы дивизии от 175-го гвардейского мотострелкового полка.

В результате контрудара противника, батальоны 175-го полка понесли значительные потери. Тылы дивизии, следовавшие за этим полком, имели тоже потери. До нас противник не дошел, т.к. мы были еще на подходе к Устье.

Дивизия была разрезана пополам. Видимо сказались ошибки, заложенные в замысле решения на построение походного порядка дивизии.

Вспоминаю, с каким трудом продирался наш батальон из арьергарда в голову полка. С горечью вспоминаю октябрь 1941 — Вязьму. Но вместе с тем, надо прямо сказать, и другое — это был уже не 1941 год. И мы были другими. 14 января в командование дивизии, после излечения вновь вступил генерал-майор *Новиков Т.Я.*

Все же, как ни говори, было — тяжело. Сложный рельеф местности сковал действия наших батальонов и полков. Неоднократные попытки 6-го полка прорваться к 175-му полку ни к чему не привели. Обстановка значительно осложнилась.

Но выход был найден.

Большую роль сыграл наш командир полка — полковник Н.П. Балоян. Решающим были его находчивость, энергия и смелость.

Полковник собрал в один отряд: наш полк, часть 175-го полка, артиллерию, специальные подразделения и тылы дивизии. Обходя противника с запада, этот отряд через деревню Тимофеево, пробился к деревне Афаносьево, где утром 18 января и соединился с главными силами 175-го полка.

Не могу забыть те двое суток, в течение которых длился этот трудный бой.

В памяти остались ожесточенные бои в заснеженных просеках, на полянах; помню, как поднимались в атаку гвардейцы и выбивали немцев с опушек леса. При этом вспоминаю снежный покров, который был глубиной 40-50 см, что полностью исключало действия танков и артиллерии, или крайне ограничивал их применение. Поэтому вся тяжесть ложилась на плечи стрелковых батальонов. В этих условиях основным огневым средством поддержки атаки наших батальонов был огонь пулеметов и батальонных минометов. Кроме того, густой лес в значительной степени затруднял корректировку огня артиллерии, много хлопот было связано с эвакуацией раненых, подвозе боеприпасов и продовольствия.

Из информации штаба полка в это время стало известно, что с северо-запада к городу Верея подходили 220-я и 110-я стрелковые дивизии.

Противник, боясь окружения, поспешно отвел свои части из района Устье на заранее подготовленный рубеж обороны в городе Верея.

Полковник Балоян Н.П. поставил перед нами задачу: пробиваться к городу и участвовать в его штурме.

Город *Верея* находится в Наро-Фоминском районе Московской области в 113 км от Москвы. Расположен он на южной окраине Смоленско-Москвовской возвышенности, на высоком правом берегу реки Протва.

Сотни лет красуется на высоком холме у Москва-реки и Яузы башни и стены Кремлевские. Вокруг Москвы расположены городища да селения — братья меньшие столицы: Коломна, Можайск, Верея, Волоколамск, Малый Ярославец.

Тем и сильна наша Родина, что грудью стоят друг за друга эти селенья, если враг угрожает огнем и мечем.

Верея — старый русский город с потускневшими монастырскими главами, тихими переулками непрерывными торговыми рядами, сложенными из белого камня.

Под городом — речкой Протва.

С северо-запада домики подошли к склону оврага, поросшими цветами иван-да-марья, да там и остановились.

За оврагами — сосновый бор, куда в летнее время за грибами, да и ягодами ходят табунами разноголосая детвора.

Верея... на обрыве у Протвы на городском кладбище покоятся свидетели прошлого.

Сохранилась почетная могила с прахом генерал-лейтенанта Ивана Семеновича Дорохова — героя войны 1812 года.

В ту пору на Верею повис флаг Наполеона — вестфальских немцев.

Город был ими объявлен неприступным и превращен в опорный пункт.

Кутузов поручил тогда своему сподвижнику Дорохову, совместно с отрядами партизан взять Верею и остода развернуть партизанскую действия.

Поручение было выполнено.

Золотую саблю с алмазам и надписью: «За взятие Вереи» получил тогда И.С. Дорохов.

Прошло 120 лет, и над старым русским городом осенью 1941 года страшной бедой повис флаг с черной свастикой.

Наступил 1942 год. Январские морозы ледяным дыханием сковали землю.

Снегом задушило лесные тропы.

Между тем наступление наших войск, начатое под Москвой в декабре 1942 года, продолжалось.

Советская армия вышвырнула захватчиков из границ области столицы.

Над Рогочевым, Епифанью, Веневым взметнулись красные флаги.

Линия фронта подошла к Верее.

Настал ее черед.

Высокие холмы и гряды, глубокие лоцины и котлованы, сменяя друг друга, создают волнистый рельеф местности вокруг города.

Надо сказать, что такие особенности местности в значительной мере осложняли нашим штабам, войскам и органам тыла подготовку, организацию и осуществление штурма города.

Что же говорить о предстоящих трудностях нам — батальонному звену.

В сложившейся, очень непростой обстановке командир дивизии принял решение на штурм Вереи.

Он потребовал, прежде всего, от командиров и штабов более тщательной подготовки штурма города. Было решено атаковать город с двух направлений: наша 1-я гвардейская мотострелковая дивизия должна была наносить удар вдоль реки Протва, а 110-я стрелковая дивизия — с востока.

Здесь следует вспомнить о реке Протва. Мне после войны много раз пришлось бывать в этих местах. Говорят, что район в окрестностях города Верея — по красе это русская Швейцария.

Я не был в Швейцарии, поэтому говорить о каком-то единстве — не могу.

Но могу твердо сказать, что река Протва — чудесная чисто русская река, спокойная, с пологими берегами, с чудесными перекатами.

Окрестность по красоте не уступает самой реке.

Из города открывается красивый вид на глубокую долину, извивающуюся по ней ленту Протвы, заливные луга, поля, сосновые леса.

Но в те времена нам было не до красоты.

Хорошо помню, река, как бы возмущившись тем, что делают люди, вздыбилась. На участке, где наступал наш 6-й гвардейский мотострелковый полк, вдруг появилась наледь, т.е. вода пошла через лед по верху. Это при более чем 30 градусах мороза.

Таким образом, появилась еще одна трудность. Особенно сложно было эвакуировать раненых. Но наступление продолжалось.

После тщательной разведки противника и подготовки к штурму, полки дивизии во взаимодействии с 110-й стрелковой дивизией, в 7 часов утра 19 января ворвались на восточную окраину Вереи. Предстоял очень тяжелый бой в городе. Наш батальон наступал в первом эшелоне полка.

Надо откровенно сказать, что еще перед броском на этот высокий берег реки Протвы, где стояла церковь и рядом с ней памятник партизану войны 1812 года Дорохову И.С., беспокойство не покидало меня. А поднимется ли батальон в атаку, хватит ли сил — люди измотаны, страшно устали. Сколько дней не выходили из боя, все время на морозе, в снегу, преодолевая ожесточенное сопротивление врага. Бойцы были на пределе напряжения своих сил.

В самый последний момент, когда брызнула зеленая ракета (сигнал атаки) я с большим трудом выскочил наверх к церковной ограде, оглянулся назад, посмотрел, — а как там батальон?

Последнее, что услышал в то зимнее утро — очень слабое, недружное «Ура!»

Но сердцем понял — батальон пошел в атаку.

Короткий, но очень ожесточенный бой с автоматчиками противника, засевшими в каменных зданиях города, закончился победой гвардейцев. К 10 часам утра 19 января 1942 года город Верея был освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

Но об этом узнал я позже, находясь на операционном столе армейского полевого госпиталя города Боровска после полученного второго ранения.

* * *

Верея

Район учения со слушателями АГШ.

1985 год — восточная окраина города Верея.

О чем задумался генерал-лейтенант Штрик С.В.?

Много лет том назад, числа 14 или 16 января 1942 года, еще за несколько дней до выхода наших войск к городу, на его восточную окраину, пробился отряд лыжников (человек 20–25). Это были курсанты одного училища. Из жителей города нашлась женщина с черной совестью. Она вывела на отдыхающих, примерно в этом месте лыжников, фашистских егерей. Все курсанты погибли.

Рекогносцировка — 1978 год.

Педагоги: генерал-лейтенант Куликов Н.Н., генерал-майор инженер Татарченко А.Е., генерал-майор Штрик С.В., полковник-инженер Журавлев В.А.

В ходе учения 1986 года.

Педагоги: генерал-майор Якимович В.П., генерал-майор Королев Р.Г., генерал-лейтенант Штрик С.В., полковник Котовский Г.М., генерал-майор Огульков В.В.

Чем больше живешь на свете, тем больше веришь тому, что все—таки очень интересная штука — жизнь. Как часто многое в жизни происходит независимо от наших усилий и желаний.

Например, разве мог в 1942 году предполагать, что через тридцать с лишним лет буду участвовать в занятиях со слушателями Академии Генерального штаба именно в районе Верея. И главное, занятия проводить не где—нибудь, а именно в районе деревень Афанасьево, Васильево. И именно у того самого голубого мостика, что рядом с памятником Дорохову И.С., где я был ранен.

Самое интересное, что сам в выборе этого района учения и его разработке, участия не принимал. Все было для меня полной неожиданностью.

Там, на занятиях, мы рассказывали слушателям о тех, теперь уже страшно далеких днях 1942 года, о бурных событиях того времени, о наших успехах, ошибках, переживаниях, о нашей жизни.

5. Жизнь продолжается

Открылась новая страница воспоминаний старшего лейтенанта.

А для чего? Зачем?

Тем более, что чуть раньше, никто иной, как сам автор, и не один раз заявлял, о том что уже пора заканчивать воспоминания, пора ставить точку.

Так в чем же дело?

«Не могу» или «Не хочу»?

Видимо однозначно здесь ответить трудно.

В замечательной книге Николая Островского «Как закалялась сталь» есть такие вещи слова: «Жизнь нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за бездарно прожитый хотя бы один день».

Здорово сказано!!!

Говоря откровенно, утверждать, что автор данных «Воспоминаний» сам прожил именно такую жизнь, жизнь «безгрешную» — не могу.

Всякое бывало.

Более того, при большом желании наверное можно отыскать у многих людей такой прожитый день, за который действительно могло быть стыдно.

Но одно могу точно утверждать, что в моей жизни, как и в жизни миллионов граждан нашей Родины, все же были такие дни, которые могут считаться прожитыми не зря.

Это те дни, месяцы и годы Великой Отечественной войны, которые выпали на долю каждого из нас.

И одно то, что ты не просто выжил на этой войне, остался цел и относительно невредим в том или иной ее день, позволяет утверждать, что прожил этот день не зря, прожил его достойно.

Поэтому мы считаем, что если есть еще силы, есть желание, ты просто обязан постараться подробнее, максимально правдивее, вспомнить и рассказать о том, что это был за день, какие события пережили тогда люди — радость и горе, надежды или отчаяние.

Видимо и не стоит торопиться завершить воспоминания, а точку, поставленную ранее — можно просто зачеркнуть.

Жизнь продолжается.

*Химченко
Алексей Иванович*

Вспоминать эти события мне помогли их непосредственные участники. Прежде всего хотелось бы сказать о генерал-майоре *Химченко Алексее Ивановиче*.

В те далекие годы был он командиром радиозавода отдельного батальона связи 1-й Гвардейской мотострелковой Московской дивизии.

Нашей дорогой «Пролетарки».

Звание он имел тогда «старший лейтенант».

Умер Алексей Иванович в 1999 году.

Вечная ему память.

Помогли мне своими воспоминаниями и Вера Ивановна Вьюнкова. О ней я писал выше — в предыдущем разделе. Звание Вера Ивановна в те годы имела «старший лейтенант медицинской службы». Воевала она тоже в «Пролетарке».

Наконец, много вспомнил сам и помог моей памяти, Власов Иван Васильевич. Умер Иван Васильевич в 1999 году.

Вечная память моему верному другу.

С мельчайшими подробностями, во всех деталях всплывает в памяти далекое зимнее утро 19 января 1942 года.

Довольно слабая наша артиллерийская обработка переднего края обороны противника.

Затем перенос артиллерийского огня в глубину обороны врага.

Мощный огонь по старым Купеческим лабазам в центре Вереи.

Интенсивный огонь орудий прямой наводки.

Затем — серия зеленых ракет.

Атака. Настал наш черед.

Наше «Ч».

И вот здесь произошло главное, трудно объяснимое в моем поведении.

Или нервозность, или стремление заглушить страх, какая-то суетливость просто вытолкнули меня наверх — вперед батальона.

Выскочил на голое место, без средств связи. Совершенно один.

Зачем? Для чего?

Так велико было желание посмотреть, как поднялся и пошел в атаку батальон.

А как, в тот момент можно было повлиять на действие батальона?

Да никак!

Результат этого необдуманного поступка, естественно оказался самым печальным.

Получил тяжелое ранение в наиболее решительный момент боя, подразделение осталось неуправляемым.

В данном случае сваливать все на неопытность командира нельзя, да и не объективно это было бы.

А в жизни таких примеров можно встретить много.

Например, через всю юность нашего поколения прошел чудесный фильм «Чапаев».

Вспомните, как Василий Иванович Чапаев, правильно и весьма доходчиво говорил о месте и характере действий командира в бою. Чапаев четко определяет, когда командир должен быть впереди, на боевом коне, а когда — в укрытии.

Главное заключается в умении командира уверенно управлять подчиненными.

Другой пример, происшедший в других условиях, в иное время.

Маршал Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» рассказывает, какую невеселую картину увидел он в октябре 1941 года в городе Малоярославец. Там маршал встретился с Командующим Резервного фронта, маршалом Советского Союза Буденным С.М.

Как писал Г.К. Жуков, командующий фронтом сидел в здании Райисполкома, один, без средств связи, совершенно не зная обстановки, практически потеряв управление войсками.

Вполне понятно, что просто глупо мне приводить здесь какие-то параллели.

Нельзя сравнивать несравнимые примеры. Но дело в том, что самому приходилось часто наблюдать, как старшие командиры из-за непродуманных поступков теряли управление подчиненными. Хотя в своем большинстве это были весьма опытные и уважаемые командиры.

Тогда мы дружно (правда «в тихоря») осуждали этих начальников, так как на себе ощущали плачевные результаты подобной организации управления.

И вот, в то же время, там на высоте, на окраине Вереи, сам лично повторил такие же ошибки.

Расплата не заставила себя долго ждать.

Почувствовал очень сильный удар в спину. Глаза запорошило снегом, грязью и каким-то перегаром.

На какое-то время потерял сознание.

Быстро пришел в себя, с трудом понял, что лежу не на высоте, а где-то внизу, на дороге.

Ко мне подбежали две или три девочки–санитарки из нашего санитарного взвода.

Как вспоминает Вера Ивановна, — это вероятно были Кудряшова Катя и Дискунова Люда.

Сам я помню этот момент плохо.

Кто-то из девчат спросил: «Вы живы, товарищ комбат?»

Как ни странно, но у меня тогда еще нашлись силы сострить: — А ты, что не видишь? Посмотри, пощупай. Я живой.»

На это санитарка с ходу ответила: «Так там же наверху кричали — Комбата убили. Комбата убили.»

Подошел врач из санитарной роты полка. Что то начал со мной делать. Тихонько повернул со спины на бок. На губах у меня появился привкус крови.

Было очень больно.

Лежа на боку мне было хорошо видно, как через реку Протва, по льду движется большая колонна пехоты и артиллерии.

Одновременно с этим заметил, что «нашу» высотку обходит и поднимается вверх еще одна колонна пехоты.

Видимо, до батальона.

Услышал, как кто-то сказал, что это выдвигается второй эшелон нашей дивизии — 175-й Гвардейский мотострелковый полк.

И в это же время увидел, что из проходящей колонны ко мне бежит женщина.

Не сразу узнал, кто это.

Лишь внимательно присмотревшись, понял, что это была известная всей дивизии — гвардии старшина медицинской службы Лена Ковальчук.

Воевала она в 3-м батальоне 175-го Гвардейского мотострелкового полка.

С Леной я был немного знаком.

Она подошла ко мне и с каким-то укором, как будто обвиняя меня в чем то, сказала: «Комбат! А комбат! Как же так?»

Потом тихо спросила у наших девчат:

Он, что очень плох?»

Не знаю, что девчата отвертели ей, но мне как-то стало не себе.

Лена погладила меня по голове, поправила на мне шапку, и сказала:

«Извини, комбат! Бегу. Сейчас вводят в бой наш «непромокаемый» 3-й батальон. Идем прямо через боевые порядки твоего гвардейского батальона. Спешу. Держись комбатик. Держись родной!»

Затем она вытерла шершавой рукой с моих губ капельки крови и ушла за своим батальоном.

Ушла туда, где гремел бой, где погибали наши ребята, где падали раненые.

Туда, где так нужна была ее помощь.

*Елена Борисовна
Ковальчук.
Гвардии старшина
медицинской службы.*

И недаром в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян: «Так шли мы к победе», среди бойцов и командиров 1-й Гвардейской Московской мотострелковой дивизии, прославивших себя героизмом, назвал и *Елену Борисовну Ковальчук*.

Лена Ковальчук до войны работала в городе Киеве парикмахером.

В дивизию она прибыла с батальоном московского ополчения.

«Пролетарка» тогда вела тяжелые бои в Наро–Фоминске.

Бесстрашной и весьма деятельной показала себя Лена в прошедших боях.

Около восьмисот бойцов и командиров вынесла она с поля боя. Дважды была ранена сама и снова возвращалась в строй.

О мужественной санитарке писали дивизионная и армейская газеты. В частях о ней начали складываться легенды и песни.

Лена Ковальчук была награждена орденом Ленина, двумя орденами Боевого Красного знамени, орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной звезды, орденом Славы III степени.

Трагично оборвалась жизнь этой замечательной женщины. В конце войны в боях в Восточной Пруссии она погибла. Похоронена Елена Борисовна в Калининграде.

Именем гвардии старшины Елены Ковальчук названы улицы в городах Киеве и Калининграде.

Среди медиков дивизии вспоминаются военврач медсанбата Валентина Тарасова, военфельдшер Грибкова, Таряник, Смирнова и другие.

Много добрых дел сделали эти женщины, многих бойцов и командиров спасли они от верной смерти, многих вернули в строй.

Что касается меня, то из санитарного взвода, на волокуше оттащили в полковой медицинский пункт (ПМП).

Там командовал старший лейтенант медицинской службы Якомов Василий Иванович.

Развертывался ПМП всего в 1,5–2 км от переднего края.

А каким глубоким тылом казался он тогда нам.

Помню, как в боях за Наро-Фоминск, я заболел. И всего-то — заболел зуб. Воспаление надкостницы. Поднялась температура. Меня на пару дней определили к Василию Ивановичу.

Какими незабываемым отдыхом были для меня эти два дня.

Ну, а что было со мной 19 января 1942 года в полковом медицинском пункте, а затем в медико–санитарном батальоне (МСБ) дивизии — помню с трудом.

Но зато, четко вспоминаю дорогу в Боровск — в армейский госпиталь.

Тяжело достались мне эти перемешанные со снегом и грязью километры дороги.

Очень тяжело.

Подвезли меня к хирургическому полевому подвижному госпиталю (ХППГ) ном. 770.

Невольно возникает вопрос: как это удалось до сих пор держать в памяти эти детали? Но находится ответ весьма просто.

Дело в том, что много лет спустя, когда оформлялась моя пенсия, был послан запрос в Военно–Медицинский музей в город Ленинград.

Вот из этого музея был получен очень подробный ответ со всеми данными о тех госпиталях, где получал я исцеления.

Ну а тогда, погода в районе госпиталя ном. 770 была приятная — на редкость тихая. Шел маленький снежок.

Снежинки падали на шапку, на шинель, на лицо.

Было как-то приятно, но вместе с тем тревожно.

Приятно было потому что лицо у меня немного горело. Была температура. Снежинки приятно охладили щеки, нос, лицо.

Вместе с тем, почему-то, вспомнился дом, родной Новосибирск. Вспомнил маму, а еще очень тревожило мое бедующее: операция, как она пройдет, все ли будет нормально? А вдруг...

Это «а вдруг...» гнал я от себя.

Вспомнил, что совсем недавно, здесь в Боровске мы отражали атаку немцев, затем — выбивали их из этого маленького городка.

А вот сейчас, лежал я беспомощный, как мне казалось — жалкий, на носилках у ворот госпиталя.

Подошел к нам капитан медицинской службы.

По национальности, видимо, азербайджанец или армянин.

На плечи капитана была наброшена шинель. Под шинелью был виден халат, забрызганный кровью. Курил он с каким-то свистом. Курил непрерывно.

Запомнился мне доктор прежде всего своей внешностью.

Был капитан удивительно черный — и усы, и голова и заросшие щетиной его щеки. Хотя, надо сказать, брился он дважды в день, чему я сам позже был свидетелем.

Но больше всего меня тогда поразили глаза капитана — голубые, голубые.

Как говорят, голубее не может быть.

Из всех прибывших раненых капитан почему-то выбрал меня. Подошел и, говоря с небольшим акцентом, спросил:

«Ну как живешь, Полководец?»

Видимо, я что-то не так ответил. Капитан вдруг рассердился, закричал на меня:

«Нельзя так. Зачем плохо говоришь. Ты же мужчина, а не ребенок. Стыдно!»

Потом, кому-то, через плечо бросил слова:

«В обработку. И срочно на стол.»

Эти слова я плохо расслышал. Но почему-то от ругани капитана мне стало немного легче.

Как шла операция, каков был ее результат, я не помню, да особенно и не хочу вспоминать.

Прошли дни. 12 или 13 февраля 1942 года госпиталь собрался переезжать вперед за наступающими войсками. Нас же раненых готовили к отправке поближе к Москве.

Голубоглазый капитан пришел проститься.

На прощание он мне сказал:

«Слюшай, полководец! Если хочешь жить — бросай курить. Совсем дрянные у тебя легкие. Если не бросишь курить, дело будет плохо. Помрешь. Это точно.»

Послушался этого медицинского капитана и вот уже много лет не курю. А курить начал с 13 лет.

Спасибо капитану медицинской службы.

В дальнейшем, до начала мая 1942 года, крутили меня по госпиталям вокруг Москвы.

Далеко, правда, не отправляли.

Помнится, что несмотря на тяжелое физическое состояние, общее настроение было вполне сносным.

Интересовался обстановкой на фронтах и был в курсе всех событий.

Когда я лежал в тех госпиталях, которые дислоцировались недалеко от Москвы, не забывали меня однополчане.

Приезжал Василий Иванович Выюнков, бывал Гриша Желяев — начальник тыла полка. Наведывались и другие.

Делились новостями.

Таким образом о жизни дивизии, жизни полка был информирован хорошо.

Но откровенно говоря, о боях под Москвой, о событиях последних трех–четырёх месяцев 1942 года, происходящих под Вязьмой, я могу говорить сейчас только с чужих слов. Очень жалко, так как никто не может заменить оценку данную самим собой.

Как я писал выше, еще в ходе боев за село Устье (15 км юго-восточнее Вереи), подполковник Балоян уточнял нашу задачу по освобождению Вереи.

При этом командир полка, тогда еще ориентировал нас о том, что после освобождения Вереи, задача будет заключаться в развитии наступления и овладении города Вязьмы.

Надо сказать, что январское наступление Советской армии на Западной направлении явилось продолжением ее декабрьских наступательных операций и, поэтому, на многих участках развивалась без пауз.

Как развивалось контрнаступление под Москвой видно из схемы на стр. 93.

Современные историки утверждают, что в те далекие годы вязьменский узел обороны оказался в центре внимания воюющих сторон.

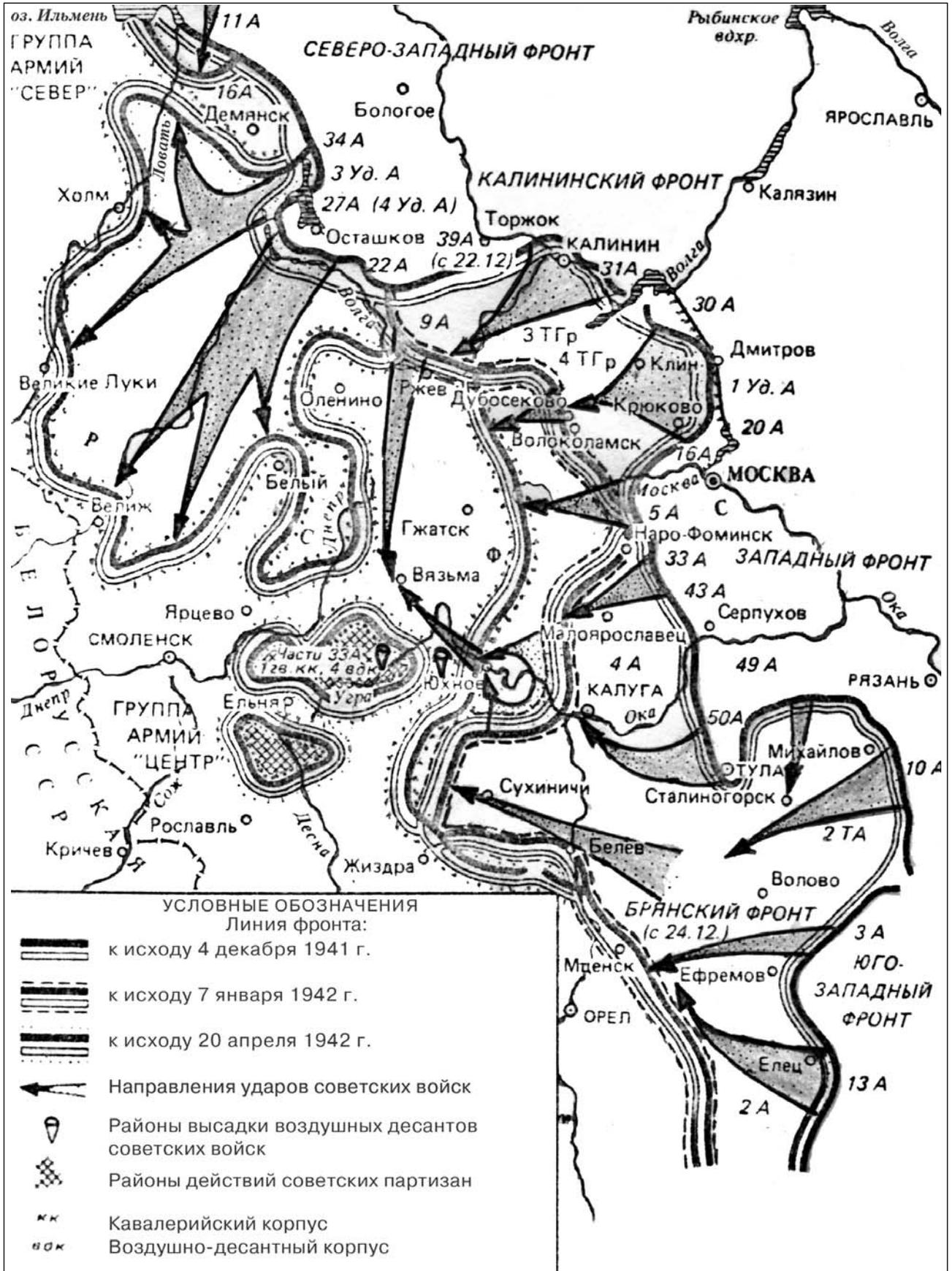
Действительно, потеря Вязьмы означал бы для немцев катастрофу, и поэтому они стремились любой ценой удержать этот район.

И надо признать, что враг подготовил на подступах к городу хорошо укрепленные позиции.

Много лет спустя, изучая опыт Великой Отечественной войны, я понял, что и наше командование в свою очередь тоже осуществляло активное действие по овладению городом Вязьмой.

Как видно из схемы на стр. 93, еще 10 января 1942 года Советские войска обошли с севера и юга Юхновскую группировку противника.

Учась в академии им. М.В. Фрунзе, мы с удовольствием слушали чудесные лекции генерал-лейтенанта Корзуна. Тогда то еще раз я четко представил ход операций тех далеких дней. Было ясно, что 33-я армия и соединения 1-го Гвардейского кавалерийского

**Контрнаступление
под Москвой и общее наступление Советской Армии
на Западном направлении**

5 декабря 1942 года – 20 апреля 1942 года.

корпуса сумели прорваться южнее Юхново в тыл противника и развить наступление на Вязьму.

В период с 18 на 22 января в район Желанье (40 км южнее Вязьмы) была десантирована 201-й Воздушно-десантная бригада и осуществлен посадочный вариант 250-го отдельного стрелкового полка.

Десантники перехватили и удерживали важные пункты в тылу Юхновской группировки противника.

Но все же решительное влияние на исход операции десантники влиять не смогли.

С болью в сердце, слушал и переживал за тех ребят, о том что были они малочисленны, слабо технически оснащены и плохо материально обеспечены.

27 января гвардейцы-конники стремительно прорвались через Варшавское шоссе в 30 км южнее Юхново.

Ведя успешные бои кавалерийский корпус через двое суток соединился с воздушным десантом в районе того же села Желанье (южнее Вязьмы).

Там они встретились и с местными партизанами.

О том как развивались дальнейшие события в районе Вязьмы, нам подробно рассказал очень много лет спустя генерал-лейтенант *Киносян С.И.* — заместитель начальника кафедры оперативного искусства академии Генерального штаба.

О моей первой встрече со Степаном Ивановичем было записано в предыдущем разделе «Воспоминаний». Напомню, что еще в 1941 году подполковник С.И. Киносян в составе комиссии штаба 33-й армии, проверял «Пролетарку».

И вот через годы — новая встреча.

Тесен мир.

Позволю себе рассказать, как это было.

Примерно в 1969-70 годах, группа педагогов кафедры Оперативного искусства академии Генерального штаба ездила в город на Неве.

Я попал в купе вместе со Степаном Ивановичем.

Поужинали, попили чайку, разговорились. Вспомнили 1941-42 годы, вспомнили бои под Москвой.

Не забыли 33-ю армию.

Помянули командарма Ефремова М.Г.

Припомнили, как Киносян С.И. инспектировал тогда 1-ю Московскую дивизию и мой гвардейский стрелковый батальон.

В ходе беседы Степан Иванович подробно поведал нам весьма интересные детали о боях в районе Вязьмы.

Наступление 33-й армии на Вязьму показано на схеме стр. 95. В частности Киносян С.И. уточнил, что при поддержке танков и массированных ударов авиации, немцы успешно развили наступление вдоль шоссе Юхнов—Гжатск одновременно с севера и с юга, к концу дня 3 февраля заняли деревни Савино, Панашино.

Пути сообщения ударной группировки 33-й армии от отдельных соединений были перерезаны.

*Генерал-лейтенант
С.И. Киносян*

На прощание, тяжело больному подполковнику Киносяну С.И., Михаил Григорьевич сказал: «Воевал с армией и если придется умереть — буду с армией».

Об этом мне рассказал сам Степан Иванович Киносян.

Я никогда не встречался с генералом Ефремовым М.Г.

Что касается Киносяна С.И., то он отзывался о нем очень тепло.

*Генерал-лейтенант
Ефремов М.Г.
Командующий 33-й
Армией.*

По его словам Михаила Григорьевич был смелым, решительным человеком. Достоинно вел себя в окружении.

Удивительная биография была у Михаила Григорьевича.

В Красную Армию пришел он в 1918 году.

В 1940 году получил звание «генерал-лейтенант».

Великую Отечественную войну генерал Ефремов М.Г. начал командующим 21-й армией. В августе был назначен заместителем командующего Центральным фронтом. В октябре 1941 года — командующим 10-й армией.

Затем воевал он на Брянском фронте, замещал командующего фронтом, а с октября 1941 года принял 33-ю армию.

Генерал Киносян весьма подробно рассказал о том, что находясь в окружении части 33-й армии, конники генерала П.А. Белова и воздушно-десантные части, вместе с партизанскими отрядами в течении двух месяцев наносили врагу сильные удары, истребляя его живую силу и боевую технику.

Снабжение окруженных войск по воздуху боеприпасами, медикаментами и продовольствием осуществлялось в явно недостаточных объемах.

Хотя, даже и в этих сложных условиях воздушным транспортом все же было вывезено большое количество раненых.

По словам С.И. Киносяна в начале апреля положение окруженных войск резко ухудшилось. Не хватало боеприпасов, продовольствия.

Противник сумел стабилизировать свою оборону вокруг района окружения. Начал теснить окруженные войска.

В довершении к этому, начавшаяся в конце апреля оттепель, значительно затрудняла окруженным войскам возможность маневра.

Резко ухудшилась связь с партизанскими районами, откуда наши войска получали продовольствие и фураж.

Рассказывая нам эту невеселую историю, генерал Киносян С.И. подчеркнул, что 11 апреля командующий войсками фронта отдал приказ генералу Ефремову М.Г. пробиваться на восток своими силами.

Киносян С.И. также вспомнил о том, что в приказе фронта был указан маршрут выхода армии через партизанские районы, лесами в общем направлении на Жиздру, Киров, где 10-я армия готовила прорыв обороны противника, в наиболее слабом месте.

Бесспорно, это был наиболее надежный, но вместе с тем и очень многокилометровый маршрут. Войскам потребовалось бы много времени и сил для его преодоления.

А силы у людей были на исходе.

Видимо, поэтому, генерал Ефремов М.Г. решил выводить войска армии по более короткому пути — на реку Угра.

Надо сказать, что это решение генерала Ефремова М.Г. командующий фронтом утвердил и приказал 43-й армии нанести удар навстречу выходящим из окружения войскам.

Но было уже поздно. 17 апреля войска 33-й армии, находящиеся в окружении, фактически прекратили организованное сопротивление.

Что же касается кавалеристов и воздушно-десантных частей, то они выбрали все же более длительный маршрут, начали пробиваться в направлении Жиздры, Кирова и 18 июля 1942 года, т.е. через два месяца, вышла к наши войскам.

Обстановка при выходе войск 33-й армии, как мы поняли, сложилась критическая.

Ни 43-я армия (в том числе и наша «Пролетарка», вошедшая позже в состав этой армии), ни дивизии второго эшелона 33-й армии так и смогли прорвать вражескую оборону на внешнем кольце окружения.

С болью в голосе Степан Иванович рассказал нам о том, как прорывающиеся из окружения колонны 33-й армии были расчленены противником на изолированные отряды.

Управление отходящими отдельными группами было нарушено, связь их со штабом армии прекратилась.

Низменности и ручьи превратились в сплошные озера и речки. Бойцы преодолевали их в брод, по пояс в ледяной воде, прорывались через вражескую оборону мелкими подразделениями.

30 апреля 1943 года Военный Совет Западного фронта (Соколовский, Булганин) в своем докладе Верховному Главнокомандующему Красной Армии товарищу Сталину И.В. донесли, что бывший командующий 33-й армии генерал-лейтенант Ефремов М.Г. в апреле месяце 1942 года с небольшой группой бойцов и командиров пробивался из окружения.

В одном из боев в районе деревни Жары Темкинского района Смоленской области, генерал-лейтенант Ефремов М. Г. получил тяжелое ранение, лишился возможности передвигаться и, не имея уверенности на спасение от плена, 19 апреля 1942 года покончил жизнь самоубийством выстрелом из личного оружия в правый висок.

Тело генерала Ефремова М.Г. похоронено в деревне Слободка Знаменского района Смоленской области.

Об этом было напечатано в журнале «Военно-исторический архив», выпуск третий.

Надо сказать, что группа, которая шла с командующим армией, не дошла до реки Угра всего 5 км, где должна была соединиться с войсками 43-й армии.

Работая над этим разделом, я часто спрашивал себя: а нужно ли было так конкретно, так подробно излагать события, связанные с трагедией 33-й армии в районе Вязьмы в 1942 году?

Имели ли (эти события) прямое отношение к нашей дивизии, ко мне лично?

По-моему твердому убеждению — да имели!

Во-первых, у меня в памяти четко сохранились эпизоды лично связанные с выходом из окружения, практически в том же районе — под Вязьмой.

Было это только в 1941 году.

Слишком тяжелы были воспоминания того страшного 1941 года. Уже очень тесно они были связаны с реальностями, происходящими, но уже в 1942 году.

Во-вторых, 1-я Гвардейская мотострелковая дивизия опоздала на рубеж ввода. На этом рубеже немцы вышли раньше и тем самым мы избежали окружения.

Действительно это так.

В связи с этим, как передавало «солдатское радио», у командования «Пролетарки» были очень крупные неприятности с большим начальством.

Но факты говорят о том, что наша дивизия не осталась равнодушной к окруженным войскам.

Те условия, те жертвы, те человеческие потери, которые понесла дивизия при осуществлении прорыва к окруженным войскам 33-й армии, позволяют рассматривать ее действия, как единое целое с боями окруженных войск в районе Вязьмы.

Не зная общего, трудно оценить частное.

Как же действовала в эти трагические для окруженных частей и соединений 33-й армии дни наша 1-я Гвардейская мотострелковая дивизия?

Находясь в госпитале, я естественно не знал в деталях обстановку, но все скудные данные, поступавшие в госпиталь, позволяли следить за обстановкой в районе Вязьмы.

После того, как дивизия закончила бои в Вереи, она сосредоточилась в районе города Медынь. Этот город находится в Калужской области в 180 км юго-восточнее Вязьмы.

Здесь дивизия вошла в состав 43-й армии.

Мы помним, что 43-я армия еще со времени боев за Наро-Фоминск была левобланговым соседом 33-й армии. К сожалению, по мере того, как главные силы 33-й армии приближались к Вязьме, разрыв между этими армиями увеличивался.

Следовательно, увеличивались и трудности ведения боевых действий дивизиями, оказавшимися в окружении.

Видимо, поэтому, с целью обеспечения стыков между армиями, а также для облегчения все усложняющего положения войск в районе Вязьмы, наша дивизия и была передана в состав 43-й армии.

В конце января меня перевели в госпиталь, расположенный в самой Москве. По-моему на Стромынке.

Вспоминаю те недели, проведенные на госпитальной койке.

Невольно приходится сравнивать «век нынешний и век минувший».

Сейчас, иногда слышу о не особенно хорошем питании в нынешних больницах, о нехватке там лекарств и так далее.

А я вспоминаю как же нас здорово кормили тогда в госпитале.

И не когда я не слышал тогда в госпитале об отсутствии нужных лекарств.

Но ведь это был 1942 год.

Вы только подумайте — 1942 год!!!

Врага только, только начали гнать от Москвы.

В чем же тут дело? Не знаю. Не понимаю.

Ну а нас, по-прежнему, не забывали москвичи.

Частенько приходили школьники.

Помню пришла группа человек 8–10.

Ко мне на койку подсел парнишка лет 10–12. Спросил его, как дела, как живешь.

Он сказал:

«Витька, сосед, вместе с предками рванул из Москвы. А мой батяня заявил, что мы (мама и я) останемся в Москве. В случае чего... будем бить гадов вместе с вами».

А потом пацан посмотрел мне в глаза и спросил:

«Дядя! А вы фрицев в Москву не пустите?»

Ну что же я мог ответить этим глазам?

«Нет конечно, дорогой ты мой. Пока мы живы — не пустим».

Иногда навещали нас и артисты. Как-то приходила небольшая группа из МХАТа. Порадовались мы от души.

Еще были юмористы — Шуров и Рыкулин.

По-моему это были они. Но я могу и ошибаться, так как в этот день у меня на ране снимали швы. Ну а кто это испытывал... тот меня поймет без разъяснения, что это такое.

Наведывался ко мне замполит полка — гвардии подполковник Вьюнков В.И.

Он весьма подробно рассказал, что дивизия получила задачу наступать на правом фланге 43-й армии, нанося главный удар в направлении Мятлево. С каким интересом слушал я эти детали, не совсем понятные посторонним людям.

Насколько я помню — *Мятлево* небольшой городок, узел дорог в Калужской области, что в 70 км юго-восточнее Вязьмы.

С неподдельной радостью Вьюнков В.И. рассказал о том, как воевала наша «Пролетарка» за этот городок.

С гордостью Василий Иванович говорил о тех трофеях, которые дивизия захватила у врага при бое за Мятлево: 450 автомашин, 19 орудий, 14 минометов, 24 пулемета, а на железнодорожной станции Мятлево захватили 6 составов с боеприпасами и продовольствием. Не забыл он и о захваченных у враг мотоциклах.

Развивая наступление на запад, москвичи вышли на подступы к городу Юхнов.

Было это в конце января.

Если же вспоминать рассказ генерала Киносяна С.И., то именно в это время положение окруженных в районе Вязьмы войск резко ухудшилось. Стало критическим.

Именно в это время требовался быстрее прорыв кольца окружения.

Видимо, учитывая сложность обстановки, командующий 43-й армии 28 января 1942 года поставил 1-й Гвардейской дивизии новую задачу — во взаимодействии с 9-й Гвардейской стрелковой дивизией захватить населенный пункт Захарово.

Что же это был за населенный пункт, наименование которого в последний месяц десятки раз упоминалось в самых различных боевых донесениях и оперативных сводках многих штабов?

Захарово — это небольшая деревенька в Смоленской области.

Чтобы разыскать ее карте, нужно найти городок Темкино на железной дороге Вязьма–Калуга. Потом спустимся от Темкино строго на юг 10-15 км, и вот там среди сплошного моря болот, ручьев, трясин и находится Захарово.

Деревни прикрывает ближайший выход к реке Воря, а дальше и к реке Угра, а там недалеко и до окруженных войск.

На западных берегах речек немцы заранее подготовили оборонительные рубежи.

От Захарово до окруженных войск оставалось всего 25 км.

В конце февраля ко мне в госпиталь заскочил начальник штаба нашего полка, мой давнишний друг Юра Голубев.

Он то мне и поведал о дальнейших боях нашего полка.

В ночь на 30 января в жестокую стужу, по глубокому снегу, пробивались гвардейцы в исходный район.

Дело прошлое, но честно говоря, тогда в госпитале с искренней радостью услышал, что в голове дивизионной колонны прокладывал дорогу наш славный 6-й Гвардейский мотострелковый полк.

Передовым же отрядом шел, как всегда, 2-й Гвардейский стрелковый батальон. Хотите верьте, хотите — нет, но лежа в теплой палате, завидовал я своим ребятам. Завидовал и сожалел, что нет меня с ними.

Сейчас это вериться с трудом.

Но это было. Было.

Помнится, у меня тогда рана как-то ныть стала меньше.

Дышать становилось легче.

Как рассказывал Юра, 31 января выдался на редкость ярким и солнечным.

С наблюдательного пункта полка просматривала дорога и далее — деревни Мякота, Ежово; мелькал лед на речушке Решена.

Дальше в низине виднелась само Захарово, где укрепился проклятуший враг.

Сначала решили взять Захарово с ходу, но выяснилось, что противник опередил нас и занял подготовленный рубеж обороны.

По просочившимся в госпиталь слухам, наступление на Захарово началось около полудня.

Но атака полка захлебнулась еще до захода солнца. Подойти вплотную к населенному пункту по глубокому снегу не удалось.

*Январь 1942 года. Район боевых действий. Захарово.
Справа: за пулеметом — старший Батальонный комиссар Вьюнков В.И.
Слева: командующий 6-го гвардейского полка — подполковник Балоян Н.П*

Противник превратил Захарово в сильный узел сопротивления, опоясал его снежным валом двухметровой высоты. Вал обеспечивал скрытность маневра живой силе врага.

Много лет прошло, но закрываю глаза и наяву представляю себе — как из подвалов, чердаков жилых построек и из-за снежного вала, противник ведет в упор губительный огонь по наступающим цепям батальона.

Поэтому до самой темноты наши стрелковые батальоны не смогли продвинуться вперед.

Вполне понятно, командование очень тревожило состояние окруженной группировки южнее Вязьмы.

Нельзя было допустить расчленения окруженных войск.

Видимо, в целях изменения обстановки, на правое крыло армии выдвигалась еще две стрелковые дивизии.

Наши же гвардейцы тщательно готовились к продолжению наступления.

Как потом рассказывали участники наступления, в плотную к переднему краю обороны противника выдвигались орудия для стрельбы прямой наводкой.

В конце дня 13 февраля москвичи перешли в наступление.

Мощный огонь орудий прямой наводкой и стремительной бросок взводов в атаку, решили исход сражения.

Сказалась хорошая согласованность подготовки наступления.

Через два часа Захарово было полностью в наших руках, противник был отброшен за реку Воря.

Ну, а дальше что?

А дальше в междуречье Воря и Угра продолжались кровопролитные бои.

В этом междуречье, южнее городка Темкино, расположены десятки таких населенных пунктов, как Крапивка, Федюково, Щелоки, Науменки и другие.

Откровенно говоря, об этих крохотных деревеньках, затерянных в бесконечных болотах, лесных чащобах можно было бы и не говорить.

Но нужно знать и чувствовать, какой высокой ценой они стояли батальонам и ротам нашей дивизии.

Надо понимать, какой ценой человеческих жизней, оплачивало их освобождение.

Но гвардейцы чувствовали, что взятие, пускай самой маленькой деревеньки — это был еще один шел навстречу окруженным и погибающим нашим товарищам.

Напряженнейшие бои велись всю вторую половину февраля и продолжались и в начале марта.

Стороны несли исключительно большие потери.

Учитывая критическое положение группировки генерал Ефремову М.Г., командование решительно потребовало от войск армии ускорить продвижение вперед, прорвать оборону противника на западном берегу реки Угра и соединиться с окруженными войсками.

Но подгонять роты и батальоны не требовалось.

Каждый стрелок, пулеметчик, минометчик, каждый боец прекрасно понимал, что там — в окружении гибнут наши товарищи.

Нужно своих выручать.

Но вместе с тем становилось ясно, что кроме непрерывных требований ускорить продвижение вперед, нужно что то другое.

Трудно, очень трудно теми силами, что были у нас, решить столь сложные задачи.

Трудно, но нужно было идти вперед и освободить своих.

Наша дивизия получила приказ наступать в направлении Шеломечики, Федоровка.

Шеломечики находится в 8 км южнее Темкино. Нам эта деревня совершенно ничего не говорила.

Важность же заключалась в том, что от окруженных войск от нее осталось только 10 км. Только 10 км.

Но какие это были километры.

На восточном берегу реки Угра разгорались ожесточенные бои, длившиеся больше месяца.

Пробиться в эти самые Шеломечики и развивать дальше наступление на запад нам так и не удалось.

30 апреля 1942 года 1-я Гвардейская дивизия сдала свою полосу наступления соседней дивизии.

Затем «Пролетарку» в первых числах мая вывели в резерв фронта.

На этом и закончилась моя жизнь о боях в этом районе, складывающаяся с чужих слов.

В конце апреля 1942 года рана у меня затянулась. Здоровье стабилизировалось и я был комиссован.

Решение комиссии: «Практически здоров. Годен к строевой службе».

Я был направлен во фронтовой резерв офицерского состава.

Решил я по-своему: «Дальше фронта не пошлют. Меньше взвода не дадут». И своим ходом отправился искать «Пролетарку». Разыскал штаб дивизии северо-западнее Калуги.

Надо сказать, что встретили меня там весьма и весьма неласково.

Начальник отдела кадров в очень резкой форме отчитал меня за то, что прибыл в дивизию минуя резерв офицерского состава. Без направления.

При этом он сказал: *«...мы тут решили тебя поставить начальником штаба полка. Хватит на батальоне «загорать». Но видимо, тебя не нужно повышать в должности, а лучше с автоматчиком отправить куда следует...»*

Куда меня нужно было отправить, кадровик так и не уточнил. Но продолжая меня отчитывать за недисциплинированность, все же подписал направление к месту службы.

А было это место — мой родной Второй Гвардейский стрелковый батальон.

Жизнь продолжается!!!

6. Снова в строю

В конце апреля 1942 года весеннее солнце сгоняло с лесных полей остатки снега. Хорошо было в лесу.

Но даже здесь, в глубоком тылу, чувствовалось дыхание войны. Кое-где, по бело-снежной коре берез, рассеченных осколками снарядов и мин, струился сок.

Очень трудно было предсказать, что лето будет сухим и жарким.

Но, как можно было понять из газет, весной 1942 года Красная армия, закрепляя успехи зимнего наступления, перешла к обороне. Всем нам чувствовалось, что положение на фронтах стабилизировалось.

Обе стороны начали энергично готовиться к предстоящим летним действиям.

Нам же тем, кто воевал, было предельно понятно, что армия, изведав всю горечь отступления и радость победы, стала заметно опытнее и организованнее.

Мы видели как на вооружение войск поступает новая, более современная, техника.

В ротах, батальонах было заметно, что период относительного затишья на фронте, был заполнен напряженной боевой учебой.

На партийных собраниях, служебных совещаниях настойчиво подчеркивалось, что осваивая новое оружие, повышая военное мастерство мы должны готовиться к новым ожесточенным боям.

Ни какого расслабления, ни какой раскачки.

Да и сама жизнь непрерывно напоминала нам о том, что и противник тоже готовится к активному наступательным действиям.

Поэтому, наряду с подготовкой наступления, от нас требовалось удалить больше внимания умению организовать меньшими силами, устойчивую оборону.

Особенно это было характерным для звена роты, батальон, полк.

Вместе с тем, до нас доходили сведения о том, что не только на нашем направлении, но и на других участках фронта войска укрепляли старые, но и создавали новые оборонительные рубежи.

Даже сейчас, хорошо помню тот апрель 1942 года, когда в лесу на берегу Угра, северо-западнее Калуги, раскинулся лагерь Московской дивизии.

После госпиталя здесь, к большому удовлетворению я застал напряженную боевую учебу. Как ни странно, но соскучился я тогда по настоящей учебе.

Без сомнения, старым «пролетарцам» этот лагерь напоминал Алабинский лагерь под Москвой.

Я же вспомнил свое — Юргинский лагерь в далекой Сибири.

Да и разве можно было забыть предвоенную пору? Пору нашей молодости.

Вспомнились ранние побудки, прозрачный воздух реки Томи, зарядки под духовой оркестр, шумные «атаки» в Юргинской тайге. Казалось бы — что могло прельщать в звонких выстрелах на полковых стрельбищах. Вспоминалось веселые красноармейские песни в конце учебного дня.

Хорошо. Легко.

Ну а здесь, на берегу реки Угра витал, конечно, дух «Пролетарки».

Много изменилось в дивизии.

Прежде всего, полки получили новые наименования: наш 6-й полк стал наименоваться первым, 175-й — третьим гвардейским мотострелковым полком, 13-й артополк получил наименование 35-го гвардейского артиллерийского полка.

Помнится, как вечерами в лагере развертывалась целенаправленная партийно-политическая работа, проводились разнообразные, очень интересные, соревнования.

С большим интересом весь личный состав «Пролетарки» участвовал в беседах о героическом боевом пути дивизии.

Бывалые воины рассказывали молодым о прошлых боях, о героях, прославивших дивизию, полк.

Выступил перед бойцами и я. Рассказывал о боях в Наро-Фоминске, Боровске, Верее. Не забыл сказать добрые слова и Лизюкове, Балояне, Вьюнкове и о многих других.

14 мая дивизии вручили орден «Красного Знамени».

Получился большой веселый праздник. В годовщину пребывания дивизии на фронте в полку прошел митинг.

Таким образом жизнь не стояла на месте.

Опять сменилось командование.

Теперь дивизией командовал генерал-майор Ревякин В.Н.

Менялся состав в частях и подразделениях дивизии. В нашем, теперь, в первом гвардейском мотострелковом полку «стариков» становилось все меньше и меньше.

Начальником штаба был назначен гвардии капитан *Голубев Юрий*. Мой давнишний и верный друг. До назначения он был ПНШ-1 — помощник начальника штаба полка.

В июле 1942 года Московскую дивизию из резерва Западного фронта передали в состав 16-й армии.

Совершив 70-ти километровый марш, москвичи сосредоточились в районе города Сухиничи.

Сразу же полки приступили к подготовке армейского тылового оборонительного рубежа по восточному берегу реки Рессета.

Наш батальон работал на оборудовании оборонительного района, где-то западнее города Мещерск.

Стремительно летело время, менялась и обстановка на советско–германском фронте.

С тревогой принимали сообщения газет о том, что летом в большой излучине Дона развернулось крупное сражение.

Враг рвался на Северный Кавказ, на Волгу.

Теперь уже главные события Великой Отечественной войны решалась там — под Сталинградом.

В тот год, здесь в центре России, вдали от Волги, даже рядовые красноармейцы со всей остротой понимали, что столь тяжелое время настало для войск, обороняющих Сталинград, обороняющих русскую реку Волгу.

В памяти каждого из нас еще свежи были события недалекого прошлого. То, что происходило сейчас под Сталинградом, пережили и мы, год тому назад, здесь под Москвой.

Вполне понятно, что все силы, которые можно было высвободить с других фронтов, направлялись под Сталинград.

Конечно, не могли стоять в стороне и москвичи.

Скоро «Пролетарка» получили приказ на переброску по железной дороге на юг.

12 августа 1942 года дивизия приступила к погрузке своих частей и подразделений на железнодорожных станциях Сухиничи–Пассажирская и Сухиничи–Товарная для отправки в новый район боевых действий.

Хорошо помню как еще ранее, видимо числа 8 ил 10 августа, наш батальон получил задачу готовить на станции Сухиничи-Товарная железнодорожные вагоны для погрузки личного состава и боевой техники.

Дело в том, что прибывающие под погрузку вагоны и платформы были в плачевном состоянии — война калечила не только людей, но и технику.

Нам пришлось ремонтировать двери вагонов, пол, крыши. Нужно было настилать нары и производить другой ремонт.

Сложность заключалась в том, что ни инструмента, ни материала для ремонта у нас не было.

Пришлось использовать всю армейскую «находчивость». И надо сказать, вагоны были отремонтированы в срок.

Началась погрузка и даже некоторые эшелоны, в том числе и наш, отправились в путь.

Однако, неожиданно, погрузка была приостановлена, а эшелоны, уже находящиеся в пути, возвратились обратно.

В частности так случилось и с тем эшелоном, в котором следовал наш батальон. Очень быстро вернули нас и разгрузили в Козельске.

Что же произошло на Западном фронте?

Почему возвратили «Пролетарку»?

Прямо на железнодорожной станции Козельск (в каком-то депо), генерал-майор *Ревякин В.А.* собрал командиров полков, комбатов и доложил обстановку.

Генерал рассказал о том, что в середине августа перешла в наступление Болоховская группировка 2-й танковой армии противника.

Из слов комдива стало ясно, что прорвав нашу оборону на стыке 16-й и 61-й армий, вражеские пехотные и танковые дивизии начал продвигаться в общем направлении на Дуборовский, Чернышино (оба пункта находятся юго-западнее Козельска) вдоль реки Вытебеть.

К исходу 19 августа, за 8 дней наступления, противник продвинулся на 25–30 км.

Генерал доложил, что для ликвидации этого прорыва противника, фронт срочно сосредотачивает резервную 3-ю танковую армию в район Козельска.

Помнится, что командовал этой армией генерал-лейтенант *Романенко П.Л.*

Согласно приказу наша Московская дивизия поступала в оперативное подчинение командарма 3-й танковой армии.

Полку было приказано сосредоточиться в районе села Чернышино, что 30 км юго-западнее Колельска.

Дальнейшие события не заставили себя ждать и 22 августа наша танковая армия перешла в наступление.

Как стало известно, в тот же день генерал Ревякин был вызван в штаб армии за получением задачи.

Помню, батальону объявили полную боевую готовность.

Позже, начальник штаба дивизии полковник Ратнер В.Н., приехал в полк и ориентировал нас о складывающейся обстановке

А обстановка менялась быстро.

Выяснилось, что перед фронтом армии противник прекратил наступление.

Враг спешно переходил к обороне.

Дрогнули «фрицы». Выдохнулись.

Полковник Ратнер В.Н. уточнил, что 3-я танковая армия имеет задачу: нанести удар в направлении Сурокино (45 км южнее Козельска), с тем чтобы выйти на западный берег реки Вытебеть и, совместно с войсками 61-й армии, окружить и уничтожить прорвавшуюся группировку противника.

На мой взгляд, информация для комбата была излишняя.

Но начальству виднее. Наверное это требовала обстановка.

Московской дивизии было приказано наступать во втором эшелоне армии, обеспечивая ее левый фланг от возможных ударов с юга.

Однако, не прошло и двух часов, как уехал полковник Ратнер, а наша задача опять была уточнена.

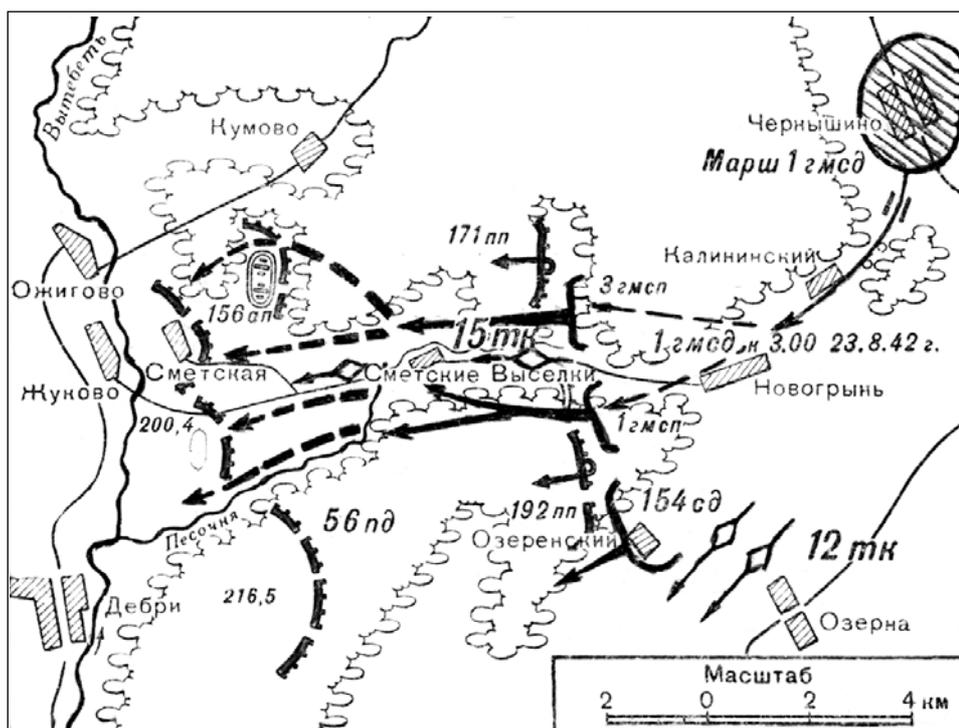
Чего только не происходит на войне!..

Изменилась обстановка, стало быть с ней изменились и наши задачи.

Теперь уже новая задача дивизии состояла в том, чтобы выйти в район Сметские Выселки. Это в 30 км юго-западнее Козельска на дороге Сухиничи–Болохов.

В дальнейшем дивизия должна была наступать в направлении Сметские Выселки, Сметская и, во взаимодействии с 15-м Танковым корпусом, уничтожить противника в районе Сурокино (45 км южнее Козельска).

Чтобы легче разобраться с задачей дивизии следует рассмотреть след. схему:

*Наступление Московской мотострелковой дивизии
23 августа 1942 года.*

В стороне от больших дорог затерялась деревушка Сметские Выселки. День выдался жаркий и ясный. Ни один листок не трепетал на деревьях. Линия фронта проходила в нескольких километрах западнее нашего расположения. Сплошной, но не громкий гул доносился оттуда.

На западной окраине Новогрынь командир полка уточнил задачу батальона. Здесь же я сориентировался в обстановке.

Дорога клубилась густой пылью. Деревенская улица наполнилась грохотом гусениц, скрипом колес, ударами копыт и глухим топотом пехоты.

Всего с десяток дворов тесно прижались к узкой неглубокой речке Песочня. Было видно как речка ускользает на запад, в густые заросли кустарника.

В ротах батальона было тихо. Многие притомились после марша и спали, другие неторопливо переговаривались между собой и, сидя вдвоем или втроем, курили. Чувствовалась серьезность положения, общее сдерживаемое волнение и та особая неразговорчивость, какая рождается у бойцов перед неизбежным и тяжелым испытанием.

После полудня 22 августа дивизия из района Чернышино начала марш в направлении Сметских Выселок.

Как видно на схеме (стр. 106) 1-й гвардейский полк шел в голове колонны дивизии.

Наш же стрелковый батальон двигался как передовой отряд полка.

Еще в ходе марша, штаб полка ориентировал нас о том, что оборона противника к этому времени у Сметских Выселок была уже прорвана.

Для развития наступления, как сообщил начальник штаба полка, командование ввело в бой 15-й Танковый корпус.

Как бы отвечая на наши действия авиация противника резко повысила свою активность.

Как ни печально, но еще до ввода в бой в нашем батальоне появились убитые и раненые. Это были результаты ударов вражеской авиации.

На рассвете 23 августа дивизия перешла в наступление.

Из штаба дивизии сообщили, что с наших аэродромов поднялись бомбардировщики и в ближайшие минуты они будут бомбить противника на участке дивизии.

Редко «баловали» нас «соколы» такой информацией.

Народ повеселел. Хорошо, когда бойцы, которым через пять минут идти в атаку, видят над головой свои бомбардировщики.

Бомбардировщики прошли через зенитный огонь противника. Черные столбы земли и дыма один за другим стали подниматься там, где был враг.

Не успел заглохнуть грохот бомбежки, как по всему фронту дивизии началась ожесточенная артиллерийская канонада.

Полки кинулись в атаку ровно в 14.00.

Как видно из схемы на стр. 106 на правом фланге, обходя Сметские Выселки с севера, успешно продвигался 3-й гвардейский полк. Он очистил лес севернее дороги, соединяющие Сметские Выселки с деревней Сметская, прорвал второй рубеж обороны и разгромил противостоящие силы противника.

Наш батальон в составе 1-го полка наступал на Сметские Выселки, а затем на высоту 200,4.

Как ни странно, в памяти до сих пор, совсем свежо запечатлены моменты, когда на подразделения полка противник обрушивал шквал артиллерийско-минометного огня.

Сметая все вокруг вражеский огонь бушевал над батальонами.

Конечно, атака пока захлебнулась.

Было обидно и больно за людей.

Эту лесную деревушку — Сметские Выселки полку пришлось брать дважды.

Накануне, как было сказано выше, эту деревню заняли танкисты 15-го корпуса.

Но стоило танкистам продвинуться вперед, как из окружающих лесов вновь прорвался противник и снова занял деревню.

И опять вспыхнул жаркий бой.

На следующий день, 24 августа, наступление войск продолжилось.

Продолжалось-то оно продолжалось, но результаты были неутешительными.

Правый сосед — 3-й гвардейский полк не смог овладеть деревней Сметская.

Неудачно действовал и наш 1-й гвардейский полк — хотя и вышел на восточные скаты высоты 200,4, но захватить ее не смог. Сил не хватило.

Пусть меня простят за «мелочь», о которой здесь я вспоминаю.

Подумаешь — «высота»? Ну и что?

Сейчас эта высота действительно «ни что».

Ну а мне, даже через полвека, часто снится во сне та высота 200,4.

В который раз пришлось поднимать в атаку, уже значительно поредевшие роты батальона.

Именно здесь проявил свой бессмертный подвиг рядовой Сергей Юркин.

В критический момент он закрыл своим телом пулемет врага.

Герой погиб, но батальон выполнил поставленную задачу.

В начале сентября наше наступление прекратилось.

Войска вынуждены были перейти к обороне.

Но как это всегда бывает — события шли своим чередом, а жизнь — шла своим.

В эти дни в Красной армии произошли очень важные события.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года институт военных комиссаров был упразднен и на командира легла полная ответственность за политическое воспитание подчиненных.

На мой взгляд это решение было подсказано самой жизнью и было весьма своевременным.

Хотя жизнь комбата стала не легче.

Прибавились новые заботы, увеличилась ответственность. Хотя «ответственности» хватало и раньше.

В октябре 1942 года Московская дивизия, передав полосу обороны соседу, вышла в резерв Западного фронта. А 16 октября «Пролетарка» была переброшена по железной дороге, теперь уже на Ржевское направление.

После переезда по железной дороге части и подразделения дивизии сосредоточились в районе Карамзино, Орехово (35 км северо-восточнее города Сычевки).

Дивизия вошла в состав теперь уже 20-й армии Западного фронта.

Сычевка — это районный центр в Смоленской области, довольно большой узел на железнодорожной магистрали Вязьма–Ржев.

Насколько память мне не изменяет город расположен на холмистой равнине со множеством речек, ручьев и торфяников.

Надо сказать, что фронтовая зима покралась к нам, как-то незаметно.

С первым снегом в войсках ожидали изменений боевой обстановки.

И они, эти изменения, наступили.

Из информации штаба дивизии нам стало известно, что 25 ноября 1942 года перешли в наступление войска Западного фронта против Сычевско–Ржевской группировки противника.

Надо заметить, что 20-й армии в этой операции отводилась ведущая роль. Армия должна была прорвать подготовленную оборону противника на западном берегу реки Вауза, выйти на личную железной дороги Ржевск–Сычевка и овладеть Сычевской.

Об этом на совещании нас проинформировал командир полка.

Что касается «Пролетарки», то дивизия пока еще оставалась во втором эшелоне 20-й армии.

Утро 25 ноября 1942 года было ненастное.

Крупные хлопья мокрого снега слепили глаза, заметали дороги.

Мы услышали, а точнее почувствовали, как около 8 часов утра началась артиллерийская подготовка. Продолжалась она полтора часа.

В 9 часов дивизия первого эшелона 20-й армии перешла в наступление.

Однако на большинстве направлений атаки захлебнулись.

Люди у нас были опытные, битые и поэтому эти невеселые результаты действий первого эшелона стали скоро ясны по количеству раненых, которые эвакуировались через наши боевые порядки в тыл.

Погода на второй день улучшилась.

Снегопад прекратился. Высокий левый берег реки Ваузы и всхолмленное открытое плато заволочла густая пелена разрывов нашей артиллерии.

Чувствовалось по звуку боя, что противник сопротивляется упорно, часто переходит в контратаки.

Видимо поэтому, как в первый день наступления, так и на вторые сутки продвижение первого эшелона 20-й армии было крайне незначительно.

Насколько мне запомнилось, «солдатское» радио передало, что для развития операции с утра 26 ноября был введен в бой 8-й гвардейский стрелковый корпус, а 27 ноября — 6-й танковый корпус и 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

Простое перечисление этих соединений говорит о том, что силы вводились здесь очень и очень внушительные.

Но результаты по-прежнему были невысокие.

Тогда-то наступил и наш черед.

Во второй половине дня 27 ноября полки «Пролетарки» благополучно переправились через реку Вауза в районе Игнатово, это примерно 15 км севернее Сычевки.

Дивизия наносила удар в направлении Игнатово, Никоново, Осуча (25 км севернее Сычевки). Как видно, все события вертелись вокруг этого населенного пункта, вокруг Сычевки.

Даже сейчас, через столько лет вижу, что более тяжелой местности для атаки трудно было подобрать: впереди небольшая речка Осуча, сзади — довольно крупная река Вауза, а между ними несметное количество ручьев и бездонных болот.

Как хочешь, так и атакуй.

В вечерних сумерках наш полк все же атаковал Малое Петраково. Это очень маленькая деревенька, расположенная в 8 км восточнее железной дороги Ржевск–Сычевка.

Хорошо помню, как батальон с ходу ворвался на окраину деревни, там сумел закрепиться. Напряжение боя нарастало.

Хорошо помню, как из развалин домов в упор бьют пулеметный и артиллерийский ДЗОТы, вдобавок огонь ведут два или три закопанных танков врага.

Подступы же к этим проклятым огневым точкам преграждала маленькая речка Пловолока. Ее берега противник нашпиговал минами.

В результате короткого боя, понеся большие потери, батальон конечно же не удержал окраину деревни и отошел на исходное положение.

Как-то о себе не думалось совершенно, но от мысли о том, что ночью опять придется подписывать «похоронки», на душе становилось очень тяжело и тоскливо.

А с утра 29 ноября батальоны нашей дивизии опять и опять атаковали врага.

Огня, огня просили батальоны.

И вновь атаки их были безуспешны.

В последующий дни батальоны и полки не раз и не два предпринимали атаки то на Никоново, то на Малое Петраково.

С болью в сердце помню те ожесточенные бои продолжавшиеся до 8 декабря 1942 года. Большие потери несли мы, но и враг тоже истекал кровью.

И все же, не смотря ни на что, наши войска прорвали оборону противника и нанесли ему ощутимые потери.

Было это сделано, прежде всего, теми ротами (батареями), батальонами (дивизионами), что вели смертельные бои с проклятым врагом тогда под Ржевом.

Именно они выполнили приказ и честно исполнили солдатский долг перед Родиной.

Да, ржевские выступления войска Красной Армии захватить тогда не смогли, но значительная часть резервов противника была все же скована в районе Ржева, и не смогла быть переброшена под Сталинград.

Приятно было разъяснять это красноармейцам. Доказать, что дрались мы честно. И наши потери были не напрасны.

Окончательно обескровленная «Пролетарка» в ночь на 9 декабря 1942 года была выведена в армейский резерв.

Шестнадцатую годовщину существования дивизии и новый 1943, год гвардейцы–москвичи встретили на марше, при переходе с правого флага фронта на его центральный участок.

Преодолев пешим порядком без малого 200 км, части и подразделения к утру 4 января 1943 года сосредоточились в районе Бородино, Верхняя Ельня, Кромино (10-15 км западнее Можайска) **Московской области**.

Здесь дивизия перешла во фронтовой резерв, получила пополнение и начала заниматься боевой подготовкой.

В ходе учебы налегли на изучение уставов, наставлений.

Особо тщательно отработывали взаимодействие внутри батальона, а также с поддерживающими частями подразделениями.

С особой теплотой вспоминаю, что наш 2-й батальон разместился в лесу западнее исторического Бородинского поля.

Из новостей было одно — в конце января 1943 года Московская гвардейская мотострелковая дивизия была переведена на штат стрелковой дивизии.

Что это значило для нас?

Прежде всего начал формироваться в дивизии третий стрелковый полк, в артиллерийском полку появился третий дивизион. Автомобильный батальон изъяли из штаба дивизии.

Новость состояла и в том, что части начали укомплектовываться конским составом, обозным имуществом.

Полки дивизии вновь изменили свои номера: наш 1-й Гвардейский мотострелковый стал 167-м гвардейским стрелковым, 3-й — получил наименование 169-го гвардейского стрелкового полка.

Был сформирован новый 171-й гвардейский стрелковый полк.

В командование дивизией вступил полковник Крпотин Николай Александрович.

Совершенно неожиданно, новый комдив вызвал меня на беседу и предложил должность начальника штаба вновь формируемого 171-го полка.

Немного подумав, я поблагодарил полковника за доверие, но сославшись на слабое знание штабной работы, от предложения — отказался.

А зря. Но это я понял несколько позже.

Получив повышение и уехал к новому месту службы наш командир полка (теперь уже полковник) Балоян.

С одной стороны мы были рады за Балояна, а с другой — все же было немного жаль расставаться с ним.

На фронте один день, проведенный вместе с человеком, равен трем «мирным дням». Привыкаешь друг к другу.

Больше узнаешь человека.

Становишься, как бы роднее. А может быть и не так?

Новым командиром нашего полка был назначен подполковник Лисовский Иван Федорович.

Вроде мужик он был неплохой. Коллектив штаба и комбаты сработались с ним легко.

В середине февраля 1943 года дивизия поступила в распоряжение 10-й армии.

Опять новый «хозяин».

Сосредоточились части и подразделения юго-западнее Сухиничи в районе Новослободска.

Это была уже **Смоленская область**.

Наш батальон обосновался в лесу около железнодорожной станции Добужа. Эта станция находится на железнодорожной линии Сухиничи–Спас-Деменск.

На новом месте подразделения кое-как отдышавшись от прошлых боев под Ржевом, стали приводить себя в порядок, доукомплектовываться людьми и техникой.

Батальон получил пополнение — человек 25-40. Кроме того получили и новую радиостанцию.

Однако полностью доукомплектовывать батальоны так и не смогли.

Хорошо «сколотить» подразделения тоже не сумели. Не хватало времени.

Надо сказать, что противник в этот период особо активных действий на западном направлении не предпринимал, ограничиваясь только разведывательными поисками.

Правда, время от времени, он совершал огневое нападение по переднему краю наших войск.

При этом, понеся значительное поражение в августовском наступлении 1942 года, немцы перешли к обороне, и более полугода потратили на временное укрепление занимаемых рубежей.

Тогда комбату было понятно, что если противника устраивала оборона, то нас поджидало мало время. Мы не должны были допускать дальнейшего усиления вражеской обороны.

Вот какие мысли зачастую приходят в голову комбату.

Как бы в ответ на эти мысли комбата, 22 февраля 1943 года войска Западного и Брянского фронтов перешли в наступление.

28 февраля 1-я Московская гвардейская стрелковая дивизия была передана из состава 10-й армии в 16-ю армию.

И опять новый «хозяин», но теперь как будто надолго.

Дивизия передислоцировалась в район деревень Новослободск, Котовичи.

Это довольно крупные населенные пункты, что в 50 км юго-западнее Сухиничи, на шоссе Сухиничи–Брянск.

1 марта подполковник Лисовский И.Ф. на совещании в Котовичах ознакомил командиров с задачей дивизии и уточнил задачи полка и батальонов.

Нам предстояло прорвать вражескую оборону и взаимодействуя с 18-й стрелковой дивизией, уничтожить противника в населенном пункте Букань.

Как выяснилось, Букань — это небольшое село на шоссе Сухиничи–Брянск в 75 км юго-западнее Сухиничи. Это была уже **Калужская область**.

Иван Федорович доложил, что по данным разведки это село противник превратил в сильный опорный пункт.

Командир полка с большой озабоченностью подчеркнул, что нас ждут, до боли знакомые, сплошные болота на подходе к этой Букани. Движение вне дорог практически затруднено.

Восстанавливая в памяти давно прошедшие времена, мне — тогдашнему комбату становилось ясно, что у предстоящего наступления на эти самые Букань, успехов ожидать было вряд ли возможно.

Действительно, без серьезной подготовки, с необученным пополнением и наспех подобранными командирами, о каком успехе можно было говорить?

Но приказ есть приказ.

2 марта 1943 года в 9 часов утра полки дивизии пошли в наступление.

Несмотря на то, что был март месяц, то есть весна уже началась, глубина снежного покрова в лесу была еще большая.

Продвигаясь по глубокому снегу, преодолевая упорное сопротивление противника, наш полк все же сумел прорвать передний край вражеской обороны.

Поздно вечером батальон зацепился за восточную окраину Букань.

Нет, все таки, не зря носили мы гордое имя — **ГВАРДИЯ**.

Но все же условия обстановки были сильнее нас.

Немцы подтянули новые огневые средства и непрерывно контратаковали.

Не позавидуешь комбату. Не один раз повторяю одинаковую фразу: «Трудно, ох, как трудно в этих условиях поднимать людей в атаку».

Но я не жалуясь на свою судьбу.

И сто раз был прав Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, когда писал вещице слова: *«От поведения командира зависит очень многое. Он должен обладать большой силой воли и чувством ответственности, уметь преодолевать боязнь смерти, заставляя себя находиться там, где его присутствие необходимо для дела».*

Со всей ответственностью должен заметить, что всегда, в любых условиях стремился поступать именно так.

Стремился, очень хотел, делал так.

Но вместе с тем, скажу с большим сожалением, что далеко не всегда мне это удавалось.

В течении последующих трех дней в дивизии проходила частичная перегруппировка, уточнялось взаимодействие.

Еще и еще раз вместе с командирами рот, с командирами артиллерийского дивизиона проводили разведку местности, разбирались с противником.

Большую помощь нам оказали штабные командиры дивизии и полка.

7 марта наступление возобновилось.

После упорного, длительного боя батальоны продвинулись всего на 2 км.

Стало ясно, что развить наступление дальше не представляется возможным.

Сил просто недостаточно, да и внезапность была потеряна.

Не лучше обстояло дело и у наших соседей.

Обескровленные соседи справа и слева помочь москвичам не могли.

Таким образом, задачу — окружить и уничтожить противника в районе Букань оказалось для дивизии невыполнимой.

Сколько раз, автор использует фразу о жизни, которая летит стремительно вперед.

Получается какая-то «дежурная» фраза.

Ну, а что же делать? Если это действительно так, и различные события менялись с колоссальной быстротой.

Вот и в 1943 году мы так неудачно бились у Букани, а мне, комбату, казалось, что результаты этих боев — главное для всей Красной армии.

Наивные мысли «полководца» батальонного масштаба!!!

Но жизнь все события раскладывала по полочкам: безусловно Букань для батальона была важнейшим событием, а вместе с тем наряду с батальонными событиями, были и события мирового уровня. События, решающие и исход Великой Отечественной войны.

Каждому — свое!!!

Помню, как 5 июля 1943 года газеты, радио (прослушанное нами по боевой станции) сообщили, что немецко-фашистские войска перешли в наступление в районе Курского выступа.

Этот выступ был удален от нашего района примерно километров на 300.

И как ни странно, даже в наше время по прошествии стольких лет, по прежнему предельно рельефно звучит утверждение о том, что от результатов Курской битвы зависел дальнейший ход не только Великой Отечественной войны, но и всей Второй Мировой войны.

И вот в этой, поистине, битве гигантов приняла участие такая «песчинка» как 2-й гвардейский стрелковый батальон 167-го гвардейского стрелкового полка.

Собственно говоря, только после войны, участь в академии мы поняли, что Советское командование своевременно и точно вскрыло замысел противника и приняло единственно верное в той обстановке решение — в оборонительных боях обескровить ударную группировку врага, остановить его, а затем перейти в решительное контрнаступление на всем юго-западном направлении.

Это, так сказать, задним числом. Но и в том далеком 1943 году, у нас даже в тактическом звене был понятен стратегический замысел командования Красной Армии.

Как только противник втянул свои резервы на Курский выступ, в наступление севернее — на Орловском направлении, перешли войска Западного и Брянского фронтов.

А это уже касалось и «песчинки» — 2-го гвардейского батальона.

То есть в дело вступили мы.

Как тогда объяснили, в полосе Западного фронта, 11-я гвардейская армия наносила главный удар.

На то она и «гвардия».

Напомню, что наша «Пролетарка» вошла в состав 11-й гвардейской армии, еще в апреле 1943 года. В то время армию преобразовали в «гвардейскую» из 16-й армии.

В течение мая–июня 1943 года дивизия находилась в армейском резерве в районе Думиничи (юго-западнее Сухиничей) на берегу чудесной реки Жиздра.

Подразделения получали пополнение людьми, довооружались и успешно готовились к предстоящим боям.

В батальоне обращали особое внимание на организацию взаимодействия в звене рота–артиллерийская батарея, а также инженерной подготовке батальона.

На очередном совещании полковник Лисовский И.Ф. информировал нас о том, что согласно решения командира корпуса, наша дивизия должна будет наступать во втором эшелоне.

Развернувшись из-за левого фланга 31-й гвардейской дивизии на рубеже южнее Восты, дивизия имела задачу — нанести удар в направлении Медынцево (50 км юго-западнее Козельска на шоссе Козельск–Брянск).

Ход боевых действий показан на схему на стр. 115.

В ночь на 12 июля москвичи заняли исходное положение для наступления: наш полк — во втором эшелоне дивизии.

Что же касается двух полков, то они развернулись за 31-й гвардейской дивизией.

На командно-наблюдательный пункт батальона пришел начальник артиллерии полка — гвардии подполковник *Ильичев В.И.*, и он отлично прокомментировал действия артиллерии.

Нам прекрасно было слышно, как в 3 часа 12 июля воздух содрогнулся от небывалой до сих пор силы артиллерийского огня.

Какая это «веселая музыка» — звук нашей артподготовки.

Даже в батальоне второго эшелона полка было слышно, что огонь бушевал примерно пять минут, затем внезапно наступило 15-ти минутное затишье, которое предназначалось, видимо, для того, чтобы заставить врага выйти из укрытий.

Как нам стало известно, главная полоса обороны противника была преодолена за 2-3 часа. Почти без потерь наши войска разгромили основные силы двух немецких пехотных дивизий.

Только в глубине обороны, на промежуточном рубеже Дубна, Старица, Речица враг начал оказывать серьезное сопротивление.

Основой этого рубежа обороны был крупный населенный пункт — Ульяново.

Ход боевых действий за Ульяново показан на схеме на стр. 117.

Ульяново — это небольшое село южнее Сухиничей, на реке Вытебеть. Его старые каменные строения враг превратил в долговременные огневые точки.

Приятно было осознавать, что Московская дивизия вступила на этот раз имея хорошо обученный личный состав и слаженные подразделения.

Достаточно сказать, что в нашем батальоне численность стрелковых рот достигла 100 человек.

Вооружение тоже было доведено до положенного штата.

С большим удовольствием и нескрываемой гордостью вспоминаю слова замполита полка В.И. Вьюнкова о том, что лучшим полком в дивизии оставался наш 167-й гвардейский полк.

Конечно не случайно именно этот полк, командир дивизии оставил во втором эшелоне.

Это объяснялось тем, что в глубине вражеской обороны, дивизия могла встретить всякие неожиданности, а решить самое сложное и самое трудное лучше может лишь наиболее крепкое и устойчивое подразделение.

Штаб дивизии информировал батальоны, что к месту прорыва противник перебрасывает новые резервы, в том числе танки «тигры».

Одновременно до нас дошла информация о том, что и соседние соединения, под ударами противника, резко затормозили свое продвижение.

С наблюдательного пункта хорошо было видно, что 169-я и 171-я гвардейские полки в 15 часов развернулись для боя. До наступления темноты эти полки, преодолевая сильное огневое сопротивление противника, вышли на рубеж Дубны, севернее Старицы (схема на стр. 117).

С рассветом 13 июля подполковник Лисовский на своем наблюдательном пункте собрал комбатов и предупредил, что немцы предприняли сильную контратаку.

Наши два полка (169-й и 171-й) первого эшелона дивизии с трудом отбивали удары танков противника.

Видимо, подходило и наше время. Надо было помочь однополчанам.

Вот тогда и поступил приказ о вводе в бой 167-го гвардейского полка.

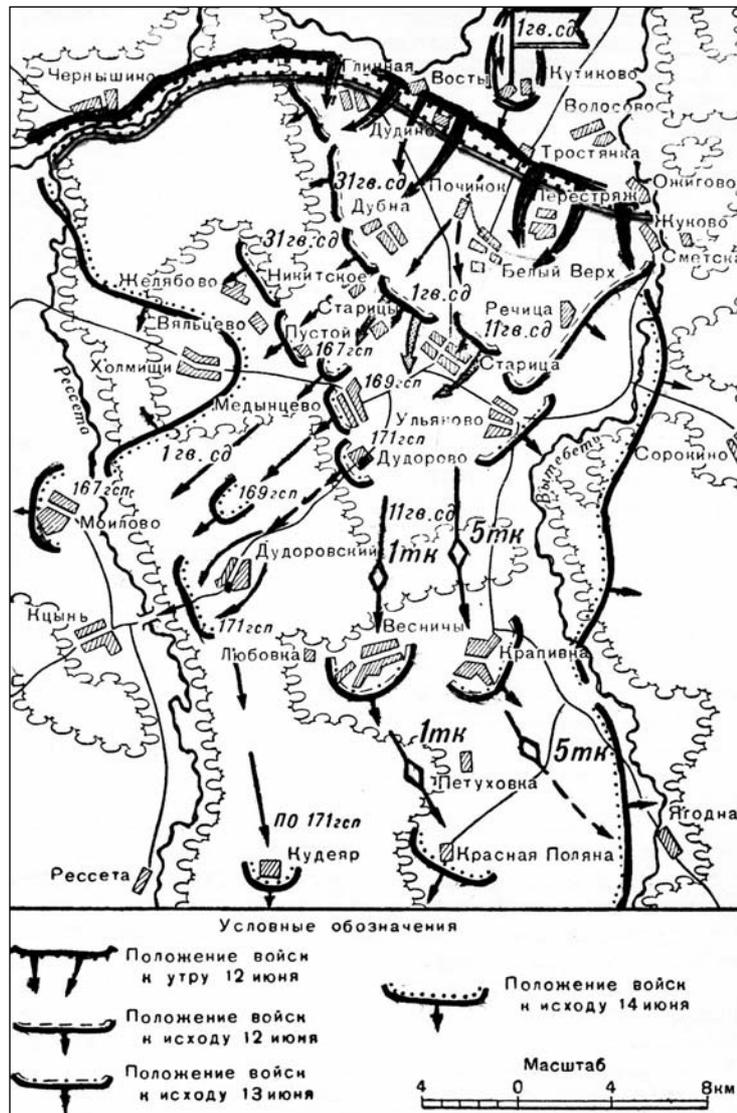
В первом эшелоне развернулся 2-й стрелковый батальон. Он атаковал небольшой опорный пункт врага — деревню Старица (чуть севернее Ульяново).

С гордостью вспоминаю, как красиво пошел в атаку батальон.

Именно — красиво! А вот как об этом написать, — не знаю.

Атака развернулась успешно, но вдруг с фланга в упор ударила вражеская батарея. Сплошная стена разрывов. И все — по батальону.

Даже сейчас, и то страшно вспоминать.

*Бои за населенные пункты Ульяново и Моисово.
июнь 1943 года.*

Только совместными усилиями, но теперь уже всех трех полков дивизии, противник в деревне Старица был разгромлен.

К вечеру полки Московской дивизии вышли на тыловой рубеж обороны противника и овладели Медынцево. Как я уже говорил, — это был укрепленный узел врага на шоссе Сухиничи—Хотынец.

Таким образом важный узел в междуречье Вытебеть, Рессета был наш.

Как стало нам известно, за день боя дивизия подбила 22 танка врага, захватила 150 его орудий, взяла в плен 13 солдат.

В ночь на 14 июля наша «Пролетарка» получила приказ: наступать строго на запад. Были уточнены задачи полкам и батальонам.

Хорошо помню, как наш 2-й батальон ночью пошел в направлении Дудоровского, Моилово, выполняя задачу отряда преследования.

Не ввязываясь в бой, батальон обошел Дудоровский.

В это же время весь 167-й гвардейский полк, используя успешные ночные действия нашего 2-го батальона, преодолел пятнадцати километровый участок лесного массива и на плечах отступающего врага захватил переправу через реку Рессета.

В дальнейшем, полк овладел укрепленным опорным пунктом Моилово на западном ее берегу.

Начальник штаба полка майор Голубев Ю.Н. довел до нас довольно приятную весть о том, что 171-й гвардейский полк — наш левый сосед, овладел Дудоровским, где захватил вещевой и продовольственный склады, а также хлебозавод немцев.

В памяти остались те ожесточенные бои на переправах через реку Ресета у деревень Клиницы, Хотьково, Моилово и Куцынь. Продолжались эти бои более пяти суток.

Начальник разведки полка майор Доля И.И. зашел ко мне в гости. Просто так.

Ваня сообщил о том, что опасаясь дальнейшего прорыва наших войск северо-западнее Брянска, противник бросил в бой все, что оказалось у него пол руками.

Тут немцам было не до жира, быть бы живыми. Шел то 1943 год

Как помниться особенно ожесточенные бои шли в Моилово. Этот поселок несколько раз переходил из рук в руки.

Очень неприятное, горькое чувство охватывает тебя в тот момент, когда вместе с подчиненными пятишься назад.

Сознавая полное бессилие, все же твердишь одно: «Держать! Держать! Ни шагу назад!»

Тогда немцы бросили против нашего полка, по-моему, отдельные части своей 5-й танковой дивизии.

Там на восточной окраине Моилово вспомнились далекие дни 1941 года.

Август месяц. Духовщину.

Вспомнил так дорогих мне сибиряков 517-го стрелкового полка.

Казалось вроде бы то, да и не то.

Сейчас был уже 1943 год. Разница почти в два года. Но какие два года.

Мы стали совсем другие.

Научились отражать удары врага, научились крепче стоять на ногах. По настоящему научились бить неприятеля.

Не могу не сказать о том, как умело, например, сражались в уличных боях в Моилово 4-я рота батальона во главе с гвардии старшим лейтенантом Платоновым. Это же совсем пацан, только что из училища.

Очищая дом за домом рота уничтожила более десятка гитлеровцев.

Мужественно дрались и артиллеристы.

Помню, как с южной окраины деревни выдвинулись 5-7 танков противника.

Навстречу им на руках выкатили свои орудия пушкари капитана Павла Богачева.

Танки врага, ведя непрерывный огонь, развернулись в боевую линию.

Идет танковая атака. Гудит земля.

Командовал гвардии капитан Богачев П полковой ИПТАБ — истребительно-противотанковой батареей.

Хороший был парень Паша. Смелый. Решительный.

Несколько метких выстрелов и головной танк врага замер на месте. Задымил.

Орудия продолжали бить в упор.

После первой атаки немцы недосчитались две или три машины.

Все же противника здесь было больше. Он был, в тот момент, сильнее нас.

Полк отошел от Моилово. Хотя с откровенной гордостью вспоминаю, что наш-то батальон сумел удержаться на каком-то последнем переулке Моилово.

После небольшой передышки бой за это самое Моилово продолжался с еще большей жесточенностью.

Наступила ночь. А утром полк все же выполнил задачу — овладел населенным пунктом. При чем не обошлось без рукопашной.

Даже сейчас, много лет спустя, становится страшна эта русская атака.

Ночью на наш командно-наблюдательный пункт пришел замполит полка подполковник Вьюнков В.И. Познакомился с обстановкой.

Он рассказал, что в те дни, когда дивизия вела напряженные бои за Моилово и за переправу на реке Рессета у Кцыни, ударная группировка 11-й гвардейской армии в составе 8-го гвардейского стрелкового, 1-го и 5-го танковых корпусов, продолжала продвигаться в южном и юго-восточном направлениях.

Для того чтобы обстановка была более понятной, следует вернуться опять к схеме на стр. 115.

Василий Иванович Вьюнков сообщил нам также, что к исходу четвертого дня нашего наступления, прорыв вражеской обороны достигал по глубине — более 60 км, а в сторону флангов 50 км. Это был уже успех.

Следует подчеркнуть, что немцы не остались безучастными к нашим успехам. Непрерывно к месту прорыва они подбрасывали свежие резервы.

Особенно, здесь, в батальонном звене было заметно, как противник использует условия местности, создает таковые барьеры, упорно и весьма эффективно противодействует наступлению наших войск.

20 июля 1943 года Юра Голубев довел до нас, что Московская дивизия получила новую задачу. Существо ее (задачи) заключалось в следующем: 171-й гвардейский полк должен удержать переправу через реку Рессета. Что же касалось 167-го полка, то он должен был совершив марш из-под Моисово, выйти на подступы к населенному пункту Кудрявец.

Этот населенный пункт расположен в 40 км северо-восточнее Брянска на железнодорожной линии связывающей поселок Дудоровский с Брянском.

Надо сказать, что Кудрявец прикрывал подступы к Карачеву и Брянску. В районе Кудрявец базировались тылы группировки немцев Брянского направления.

Хорошо помню, что попытки полка овладеть Кудрявцем сходу успеха не имели. Задача нам была явно непосильна.

Вполне понятно, здесь потребовалась тщательная разведка и качественная подготовка наступления силами всей дивизии.

Даже с позиции комбата было понятно, что такие действия малыми силами, без тщательной подготовки, успеха принести не могли.

Лишь с рассвета 24 июля наступление возобновилось и к исходу дня Кудрявец был все же взят.

С удовольствием вспоминаю, как в дальнейшем совершив, обходный маневр по лесу, полк выбил противника из второго опорного пункта — Гнезное, и вышел на линию железной дороги Дудоровский–Брянск.

Бой за Гнезное был скоротечным, но весьма кровопролитным для обеих сторон. Деревенка Гнездное, хотя и небольшая, но жизнью наших ребят забрала немало.

Согласно приказу, дивизия передала свой участок 4-й стрелковой дивизии, а сама продолжала развивать наступление в юго-западном направлении.

Разве можно забыть, как в ходе боев гвардейцы овладели разъездом Буки, Букинский завод, сходу выбили немцев из Тихеевского, перерезали большак из Карачева на Хвастовичи.

Все это небольшие населенные пункты. Расположены они в нескольких километрах южнее Кудрявца.

Ожесточенный бой, как помню, разгорелся на рубеже Тихвинский–Московский.

Из информации разведывательного отдела дивизии стало ясно, что на это направление немцы подтянули свежие силы пехоты с танками.

После мощной авиационной подготовки, противник в 6 часов утра 2 августа 1943 года перешел в контрнаступление.

С наблюдательного пункта мне очень хорошо видно, как выдвигается на рубеж атаки немецкая пехота, как десятка полтора танков подтягиваются к пехоте, а затем — обгоняют ее.

А мы лежим на чистом поле.

Поспешно окапываемся.

Надо сказать — положение крайне сложное. На душе как-то муторно и самое страшное, накатывается какое-то безразличие. Апатия.

Звоню Жорке Кравцову.

Капитан Георгий Алексеевич («в миру» просто «Кравец» — «Портной») — это командир поддерживающего наш батальон артиллерийского дивизиона 122 мм гаубиц.

Мы с ним вместе воюем не один месяц. Немало водки выпили. Знаем друг друга хорошо.

Звонить то Жорке, собственно говоря и не нужно, так как его наблюдательный пункт оборудован рядом с моим пунктом.

Но все же звоню: «Бог войны!!! Жорик!!! Помоги!!!»

В ответ слышу в трубке сиплый голос Жорки: «Вижу. Не колготи. Не дрожи!!! Пехота!!!»

Докладываю обстановку командиру полка.

Через пару-тройку минут наблюдаем, как перед цепью немцев взметнулись султанчики артиллерийских разрывов.

Потом еще и еще.

Чувствуем, как полковая и дивизионная артиллерийские группы ставят НЗО — неподвижный заградительный огонь.

Вижу — пехота противника залегла.

Танки его заелозили то вправо, то влево

Заволновались фрицы. Не нравится!!!

Это вам не 1941 год.

Вот так ведя бои в течении двух дней гвардейские батальоны сдерживали натиск превосходящие силы врага.

В ночь на 4 августа 1943 года Московская дивизия опять передала свой участок соседу. Совершила марш в район Бутырки, Нижняя Шкава, где была выведена в резерв 11-й Гвардейской армии.

Оба этих пункта находятся в 45 км северо-восточнее Брянска.

Здесь батальон немного передохнул.

Пополнил свой личный состав. Видимо Москва не забывала своих гвардейцев. Подбрасывала людей, помогала вооружением. Получили мы новые автоматы.

С радостью узнали, что 5 августа 1943 года войска Брянского фронта, при содействии войск Западного и Центрального фронтов, после ожесточенных боев, овладели городами Орел и Белгород.

Столица нашей Родины Москва впервые салютовала доблестным освободителям Орла и Белгорода.

С 31 июля по 5 августа дивизия, используя пополнение, готовилась к предстоящему наступлению.

По информации штаба дивизии стали известны, сугубо в общих чертах, наши предстоящие задачи.

Главные силы армии должны были обойти город Хотынец (юго-восточнее Брянска) с северо-запада и юго-востока, уничтожить обороняющегося противника, а затем развивать наступление на Карачев.

Наша гвардейская дивизия с выходом главных сил армии на рубеж реки Вытебеть (севернее Карачева), должна была нанести удар на Карачев.

Хорошо помню, что действия дивизии были безуспешными, так как противник подтянул в этот район новые силы пехоты, танков и даже два бронепоезда.

Поэтому решить поставленную задачу у нас просто не было сил.

Что же касается ударной группировки армии, то 10 августа она сумела очистить сначала железнодорожный узел, а затем и весь город Хотынец (15 км восточнее Карачева).

После перегруппировки наши войска возобновили продвижение в сторону Карачева.

Помню, числа 12 или 13 августа 1943 года, батальон в составе полка попытался овладеть командными высотами севернее Карачева.

Но безуспешно.

Главные же силы армии 15 августа 1943 года обошли город Карачев с севера, юга и заняли его.

Это все хорошо видно на схеме на стр. 115.

Таким образом, Карачев брали без участия «Пролетарки».

Но главное заключалось в том, что город снова стал наш.

Советский. Задача была выполнена.

В своей книге «Так шли мы к победе» Маршал Советского Союза И.Х. Багромьян, вспоминая те славные дни 11-й Гвардейской армии, писал: *«В один из дней наступления мне позвонил командующий фронтом генерал М.М. Попов и сказал; «Только что получил личное указание Сталина вывести вашу армию в резерв, сосредоточив в районе Брянска, заняться ее укомплектованием и вооружением. Верховный отметил отличные боевые действия войск армии в закончившейся операции и высказал мнение о целесообразности и впредь использовать одиннадцатую гвардейскую как ударную силу при решении наиболее важных оперативных задач.*

А пока пусть гвардейцы как следует отдохнут и готовятся к новым сражениям».

С тех пор прошло очень много лет, но я и сейчас искренне радуюсь и горжусь той высокой оценкой наших ратных трудов, которую дал И.В. Сталин.

Точно не помню — в последних числах августа, или в начале сентября, дивизию вывели из боя и затем начали выдвигать в леса южнее Брянска.

10 сентября 1943 года произошло то трагическое событие, которое во многом определило мою дальнейшую судьбу.

Полк, в составе дивизии, совершал марш, по-моему, куда-то в район Фроловки, что юго-восточнее Брянска.

Было по осеннему прохладно.

Батальон двигался в колонне за штабом полка. Шли очень медленно, так как вся местность оказалась просто нашпигована минами. Причем мины были и немецкие, были и наши, установленные еще в 1941 году.

Строжайше было запрещено с дороги, на обочину, заходить в населенные пункты.

Я ехал на повозке. Вздремнул, как говорят, «про-запас».

Проснулся и понял, что мы уже долго стоим на месте.

Пошел вперед, в голову колонны, посмотреть в чем дело, почему стоим. Вижу, что голова колонны вышла на большую поляну, на перекресток дорог.

Помню, правая дорога была перекрыта шлагбаумом. Видимо немецкого производства, с указкой — «мины».

Что касается левой дороги, то судя по сему ей долго не пользовались, так как она сильно заросла.

На перекрестке стояла группа командиров. О чем-то спорили.

На земле, согнувшись, что-то копал солдат. Наверное, это был полковой сапер.

Меня кто-то окликнул из штабников, и я остановился поговорить, поболтать.

Действительно, вот уже не знаешь — где найдешь, а где потеряешь.

Неизвестно чем бы для меня все кончилось, не задержись я на пару минут, просто потрепаться со знакомым штабником.

Возможно, что именно этот разговор спас мне жизнь, и я остался цел и невредим.

Вот она, — судьба человеческая.

До группы командиров я не дошел метров 50. Слышно было плохо, да и особенно не прислушивался.

Как будто говорил полковой инженер. Видимо шел разговор о том, что правая дорога заминирована нашими минами, еще в 1941 году.

Кто-то говорил, что мины в деревянном корпусе и разминированию не подлежат. Надо взрывать. Немцы этой дорогой не пользовались.

Кто-то предлагал новую дорогу искать в обход минного поля.

Не расслышал, кто кому возражал. Но кто-то говорил, что разыскивая новую дорогу, потеряем много времени.

Вдруг я увидел и одновременно почувствовал, как там — над группой людей, у перекрестка, взметнулся сильный огненный взрыв.

Даже ощутил на лице взрывную волну, почувствовал поток горячего воздуха.

Сразу бросились к перекрестку. И там представилась страшная картина — сразу же погиб подполковник Косухин И.И. (заместитель командира полка), погиб красноармеец-сапер, смертельно был ранен капитан Голубев Ю.И. (начальник штаба полка), получил контузию подполковник Вьюнков В.И. (замполит полка) и полковой инженер.

Подъехал командир полка — подполковник Лисовский И.Ф.

Было установлено, что в руках у сапера взорвалась противотанковый фугас.

Февраль 1942 года. Наро-Фоминск.

Штаб 167-го гвардейского мотострелкового полка.

В первом ряду, слева — начальник штаба полка — капитан Юра Голубев.

В третьем ряду — ПНШ полка по разведке — капитан Доля.

На войне я потерял много друзей, знакомых, просто хороших людей. Но пожалуй, ни кто не оставил такой глубокий след, такую горечь потерь, как гибель Юры Голубева.

Страшная штука — судьба.

Юра был на фронте с начала войны. Все время на «передке».

А погиб в глубоком тылу, далеко от фронта.

После освобождения Брянска наши товарищи были захоронены в центре города.

Ну а жизнь катилась вперед.

Сколько раз повторяю эту уже заезженную фразу.

Живым нужно было решать большие, сложные задачи.

Предстояли новые бои, а с ними и новые заботы.

Нужно было жить. Нужно бить врага.

Нужно было нам побеждать.

7. Вот она, служба штабная

Вслед за Хотынцем, Карачевым, 17 сентября 1943 года был освобожден узел шоссе и железнодорожных дорог, крупный административный центр – город Брянск.

Время не стояло на месте. События менялись с невероятной быстротой.

В середине сентября 1943 года наша «Пролетарка» сосредоточилась в районе 30 км юго-восточнее Брянска, где и проводилась большая организационная работа.

18 сентября 1943 года меня вызвал к себе на командный пункт командир полка.

Полковник Лисовский Н. Ф. предложил занять должность начальника штаба 167-го гвардейского стрелкового полка.

Немного задумавшись, ответил, что считаю для себя это назначение большой честью и приложу все силы, чтобы оправдать доверие командования.

Как я писал, мне уже раньше предлагали должность начальника штаба полка.

И тогда, я отказался.

Не помню, искренне ли я говорил тогда командиру полка. Так ли уж мне хотелось сменить должность комбата?

Или я немного лукавил?

Просто не помню.

Но в общем, все же, сейчас я дал согласие.

Так на многие годы началась моя штабная служба.

Нужно сказать, что штабная служба для меня не была совершенно незнакома, неизведанна.

Нет и еще раз, нет.

Знал я ее достаточно полно.

Твердо знал и понимал, что начальник штаба имеет скромную задачу — всеми мерами обеспечить командиру успешное управление подразделениями и частями, как в бою, так и в мирных условиях.

Он — начальник штаба, в какой-то степени, должен влиять на принятые командиром правильно, наиболее целесообразного решения.

Была твердая уверенность в том, что начальник штаба обязан предложить командиру вариант решения, который бы соответствовал конкретной обстановке.

Вместе с тем, я никогда не сомневался в том, что только командир имеет право принять решение, в соответствии с которым и будет действовать войска.

И никому другому, а только командиру принадлежит право принимать решение.

На ряду с этим хорошо усвоил круг задач, решаемых начальником штаба.

Здесь, позволю себе привести мое письмо, написанное, еще в 1943 году, отцу.

После смерти отца сестра переслала мне письма, написанные мною с фронта.

«Дорогой папа!

Большое тебе спасибо за твое поздравление. Теперь я не командую батальоном, а что-то в роде мирового судьи.

Приходят ко мне люди и днем и ночью, в любое время суток, по всем вопросам.

Хозяйство полка громадное и все дела решаются через начальника штаба.

Идут по личным вопросам. Все время звонки. Даже голова идет кругом.

То нужно решить вопрос с горючем. То замполит беспокоится об организации праздника. То два командира повздорили — надо мирить. Кому-то не дали новый полушубок, а другому — дали. И так целый день — вопросы, вопросы... Все нужно решать.

А сейчас, только сел ужинать, приходит радистка. Плачет. Говорит: «нужно поговорить».

Оказывается уже три месяца — беременна, а отец ребенка — отказывается.

Пришлось помочь и здесь.

И вот этими вопросами приходится заниматься мне — человеку всю войну проведенному в батальоне.

С завистью смотрю на комбатов. Скоро в бой. Опять тяжелые минуты, часы. Но как это интересно, все в движении. А у меня сейчас бумаги, бумаги, карты, схемы...»

Перечитывая эти старые письма, видишь много, напускного.

Но что же делать? Эта честная правда и называется одним словом — *жизнь*.

В штабе полка встретили мое назначение как должное, так как многие командиры знали меня хорошо. Да и я знал практически многих.

Представлять было ненужно.

С полковником *Лисовским И.Ф.* у меня еще раньше сложились хорошие, деловые отношения. Он мне доверял полностью.

Я же старался ему помогать.

Находясь южнее Брянска, полк получил значительное пополнение, главным образом за счет вышедших из вражеского тыла партизан и местного населения, призванного в Красную армию из освобожденных районов.

За сравнительно короткий срок дивизия была доукомплектована личным составом и получила новое вооружение.

По имеющимся у нас данным, в дивизии было примерно восемь с половиной тысяч человек. Следовательно и батальоны и полки были тоже полностью укомплектованы.

Это было хорошо. Но при укомплектовании подразделений мы столкнулись с определенными трудностями.

Дело в том, что большинство призываемых в армию лиц нуждались в серьезном боевом, моральном, да и в политическом воспитании.

Это нельзя было недоучитывать.

С новым пополнением требовались иные методы воспитания, иной метод работы.

Политорганы, командиры, штабы должны были перестроить свои методы работы.

А это не так просто, как кажется сначала.

Вновь прибывающих распределили по частям и подразделениям.

«Разбавляли» среди бывалых в боях, закаленных бойцов.

Штаб полка совместно с партийным и политическим аппаратом разработали план, целью которого заключалась в сколачивании, в кратчайшие сроки, крепких, устойчивых в бою подразделений.

Главное было в подготовке людей, в качественной, результативной работе с ними.

Здесь я, пожалуй, впервые по настоящему понял роль политической подготовки бойца, усвоил роль политической работы с людьми, целенаправленность такой работы.

В ходе занятий занятий рискнули проводить учения с боевой стрельбой.

Надо отметить — занятия прошли нормально, без происшествий.

Молодых бойцов обучали преодолению инженерных заграждений противника, тренировали преодоления водных преград, смело продвигаться вперед, вплотную за разрывами своей артиллерии.

Особое внимание пришлось уделять преодолению «танкобозни».

Для того, чтобы самому «быть на высоте» при решении этих вопросов, мне потребовалось вспомнить учебу в Ленинградском училище; вспомнить как обучали нас очень опытные командиры в Томске, в Юргинских лагерях.

Немало забот доставляло решение, казалось бы сугубо практических вопросов: как изготовление мишеней, оборудование стрельбищ, изготовление спортивного инвентаря и других проблем.

Попытался организовать в полку даже футбольную команду. Получилось неплохо.

В подразделения, на склады подвозили боеприпасы, везли запасы продовольствия (Н.З.)

И опять не обошлось без активной работы штаба полка.

Люди понимали, что передышка не могла быть долгой. Хотя, надо сказать, что к началу октября 1943 года обстановка для Красной Армии складывалась благоприятной.

С большой радостью воспринимались в войсках сообщения о том, что наши войска вошли на подступы к городам Витебск, Орша, Могилев.

Что же касается войск нашего Брянского фронта, то они, разгромив крупную группировку врага, продвинулись на запад на 250 км.

Менялась жизнь в войсках, шла большая реорганизация и в стратегическом звене: 1-го октября 1943 года Брянский фронт был расформирован. Вместо него южнее Великих

Лук был развернут 1-й Прибалтийский фронт.

«Солдатское радио» упорно «сообщало», что наша 11-я Гвардейская армия должна куда-то перегруппироваться, а затем войти в состав 1-го Прибалтийского фронта.

Чтобы понять эти организационные мероприятия стратегического масштаба, нужно вернуться по времени немного назад, и хотя бы коротко рассмотреть те события, которые разворачивались в районе Великих Лук.

Современные историки вспоминают, что еще, в период с 6 по 10 октября 1943 года, войска Калининского фронта провели Невельскую наступательную операцию с целью освобождения города Невель и благоприятных условий для последующего наступления в Белоруссии и Прибалтике.

Как известно, **Невель** — важнейший узел железных и шоссейных дорог. Город был превращен врагом в мощный опорный пункт.

Общий замысел Городокской операции.

Противник, используя лесисто-болотистую местность с большим количеством озер, построил на межозерных дефилах сильную, глубоко эшелонированную оборону.

Как следовало из информации штаба дивизии, а также скудного сообщения радио и газет, операция началась 6 октября 1943 года.

Бой сразу же принял ожесточеннейший характер. Уничтожая один за другим опорные пункты врага на подступах к Невелю, наши войска к утру 7 октября ворвались в город и заняли его.

К утру 10 октября 1943 года войска Калининского фронта продвинулись на 25-30 км севернее и южнее города.

Немцы перебросили в этот район свои свежие резервы.

Накал боя нарастал.

Наступление войск было приостановлено и они вынуждены были перейти к обороне.

При этом воска оказались в очень трудном положении.

Как это видно из схемы на стр. 127, горловина прорыва шириной 10-15 км, через которую прошли наши части, не была своевременно расширена.

Как видно из схемы, 3-я и 4-я ударные армии попали в огромный мешок, втянутый на 100 км с севера на юг и на 55 км — с запада на восток.

В исторической литературе мы видим, что разведка сообщила об усиленной подготовке противника к наступлению севернее Витебска.

Таким образом, нависла реальная угроза окружения войск Красной Армии юго-западнее Невеля.

Такова была предыстория наших конкретных действий.

Вполне естественно, но полковое звено тогда в октябре не было в курсе складывающейся обстановки.

Все приведенные выше события происходили далеко от нас.

Нам с лихвой хватало и своих забот.

Но как вы помните, 11-я Гвардейская армия приводила свои части, подразделения и соединения в порядок в лесах южнее Брянска.

Помнится, что 20 сентября 1943 года, начальник штаба 1-й Гвардейской стрелковой дивизии вызвал меня для знакомства.

Полковник Пальчиков П.И. встретил меня очень дружелюбно, помог практическими советами. Он предупредил о нашей предстоящей передислокации в район Великих Лук.

Павел Иванович порекомендовал, как спланировать передвижение полка, как лучше организовать работу штаба, какие документы нужно разработать.

Для погрузки полка намечалась железнодорожная станция Почеп (80 км южнее Брянска).

Время для разработки у нас было немного — всего два дня. Дел было много.

Штаб полка работал дружно.

По мнению командира полка полковника И.Ф. Лисовского, штаб со своими обязанностями справился.

23 сентября 1943 года полк двинулся двумя переходами вышел на станцию погрузки — Почеп.

15 октября подразделения полка начали погрузку в железнодорожные эшелоны.

А затем — в путь. Миновали Орел, Сухиничи, Москву, Ржев.

25 октября 1943 года 167-й Гвардейский стрелковый полк прибыл в район города Великие Луки, где разгрузился на станции Кунья в разъезде Таборы.

Район Великих Лук. Октябрь 1943 года.

Первый ряд: ст.лейтенант Сульман, капитан Сольский, ст.лейтенант Арест – переводчик.

Второй ряд: капитан Штрик С.В., подполковник Вьюнков В.И., полковник Лисовский В.Н., подполковник Ильичев В.И., майор Могильницкий.

Командир дивизии ознакомил присутствующих с задачей 11-й Гвардейской армии.

Генерал сказал, что армия должна нанести главный удар в направлении Кудень, станция Бычиха, Городок.

Навстречу 11-й Гвардейской армии из мешка — 4-я ударная армия, в свою очередь должна наступать в направлении той же станции Бычиха.

В результате этих ударов предполагалось окружить шесть дивизий противника, обороняющихся в выступе севернее Городка, а затем — уничтожить их.

В дальнейшем армия должна была овладеть Городком и наступать на Витебск.

Комдив подчеркнул, что наша дивизия составляет второй эшелон 16-го Гвардейского стрелкового корпуса.

В первом эшелоне корпуса наступали 11-я и 31-я Гвардейские дивизии.

Далее генерал отметил весьма приятную новость — в полосе нашего корпуса планируется ввести 1-й танковый корпус.

Сейчас вспоминается прошлое, невольно приходит мысль о том, что не слишком ли большую информацию доводил до полка командир дивизии?

Но учитывая особенности конкретной обстановки для командиров тактического звена такой объем информации был весьма полезен.

Надо подчеркнуть, что подобная постановка вопроса об необходимости ориентирования подчиненных, была характерна для порядка существовавшего в «Пролетарке».

Нужно было иметь в виду, что полоса предстоящего наступления проходила по лесисто-болотистой местности.

Стояла оттепель. Болота и многочисленные ручьи и речки не замерзали.

Противник предусмотрел эти особенности местности, умело использовал их для своей обороны.

Совершив марш, подразделения полка сосредоточились вблизи озера Езерище.

В этом же районе, позже, прибывали и другие части нашей дивизии.

В одном из дней комдив Н.А. Крапотин, где-то на хуторе у озера Езерище, собрал командиров частей, их начальников штабов.

Помню, на стене висела карта с нанесенной обстановкой.

Линия обороны, впереди действующих войск, напоминала большие клещи, концы которых сходились к Невелю — с севера, а к Езерищам — с юга (см. схему на стр. 126 «Городокская операция». Декабрь 1943 года.)

В связи с переносом срока наступления, у штаба полка появлялась дополнительная возможность для более тщательного обеспечения подготовки к предстоящим боям.

В соответствии с планом, разработанным штабом армии, мы должны были в сжатые сроки организовать боевую учебу полка.

Занятия проводились с учетом требований Боевого устава пехоты 1942 года и проекта Полевого устава 1943 года.

Особое внимание уделялось организации атаки вражеских траншей, усиленных системой дзотов. Отрабатывалась техника закрепления достигнутых рубежей.

Помню, что стрелковые роты тренировались также и в развертывании боевых порядков для атаки, ведении залпового огня и т.д.

Широко использовались учения с боевой стрельбой.

Пехоту учили «приживаться» к разрывам снарядов своей артиллерии.

Для штаба полка нагрузка была большая. Со временем не считались. Отдыхать было некогда.

После первых заморозков и снегопада, утром 13 декабря 1943 года, прорывом сильно укрепленной обороны противника южнее Невеля, началась Городокская наступательная операция.

Накануне было приказано создавать оперативную группу для поддержания взаимодействия при вводе нашей дивизии в бой.

Группу возглавлял начальник штаба дивизии полковник Пальчиков П.И.

В группу вошли начальники штабов двух полков. В том числе — и я.

На стыке армейских корпусов (южнее Кудены) для групп был оборудован наблюдательный пункт.

Обзор за полем боя был отличный.

Рубеж ввода нашей дивизии, на стыке смежных соединений, просматривался хорошо.

По звукам разрывов было четко слышно, что артподготовка длилась уже около двух часов.

Что же касается авиации, то из-за плохой видимости, ее действия были ограничены.

Информацию о ходе боевых действиях штаб армейского корпуса организовал четко и своевременно.

После артподготовки, пехота, танки атаквали противника, и быстро захватили ряд опорных пунктов на его первой позиции.

Но дальше продвинуться не смогли.

Пехота из-за сильного огня врага — залегла. Танки тоже были остановлены.

Но все же не все было так плохо.

На другом участке наступления, сравнительно успешнее продвигались батальоны 84-й Гвардейской стрелковой дивизии. Это было севернее нашей полосы наступления.

В середине дня мы получили информацию о том, что учитывая неравномерное продвижение частей первого эшелона армии, командарм перенес главный удар в полосу успешно наступающей 84-й дивизии.

Нашу же дивизию командующий вывел в свой резерв.

Нам были уточнены новые задачи, рубеж ввода в сражении, а также намечены средства усиления.

По новому решению, «Пролетарка» вводилась в бой на стыке двух дивизий: 84-й и 83-й Гвардейских.

В соответствии с изменившейся обстановкой была уточнена и задача нашего полка.

В крайне сжатые сроки штаб полка сумел организовать рекогносцировку маршрута выдвижения на новый рубеж ввода, смогли уточнить сам рубеж; уточнить взаимодействие с соседями, особенно с танкистами.

Нужно отметить, что штаб полка работал дружно, слажено.

В соответствии с новой задачей наш полк, как передовой отряд дивизии, 14 декабря 1943 года был введен в бой в районе деревни Лахи — это на дороге Невель–Городок (см. схему на стр. 129).

С наблюдательного пункта приятно было наблюдать, как стремительно развернулись в боевую линию батальоны полка и дружно пошли в атаку.

Вместе с нами действовала танковая бригада 1-го танкового корпуса.

Развивая наступление полк, несмотря на очень сложную местность, упорное сопротивление противника, все же перерезал железную дорогу Невель–Витебск севернее станции Бычиха.

Было это утром 16 декабря 1943 года.

Декабрь 1943 года. НП 247-го гвардейского стрелкового полка. Железнодорожный переезд Невель-Витебск. Слева: майор Богачев Н.И. – начальник артиллерии полка, командир полка – полковник Лисовский Н.Ф., начальник штаба полка – Штрик С.В.

Туда же, в Бычиху, перенесли мы наблюдательный пункт полка.

Вслед за нашим полком в район станции Бычиха подошли остальные части 1-й Гвардейской дивизии, а также танковые бригады 1-го танкового корпуса.

В тот же день к станции подошли части 4-й Ударной армии, наступающей навстречу нам с юга. За ними прорвались сюда и другие части.

Таким образом, кольцо вокруг вражеской группировки замкнулось.

В окружении оказались части пяти дивизий противника.

Говоря откровенно, с тяжелым чувством вспомнил окружение моей Сибирской дивизии в районе Вязьмы в октябре 1941 года.

А вот сейчас, в 1943 году, теперь уже сами немцы почувствовали, что такое окружение, как из него вырваться.

Наши войска без всякой паузы приступили к разгрому окруженной группировки противника.

Нужно было в сжатые сроки рассечь окруженного противника и одновременно развернуть наступление на Городок.

С целью недопущения прорыва противника «Пролетарка» продолжала наступление в северо-западном направлении.

Навстречу нашей дивизии наносила удар 16-я Гвардейская стрелковая дивизия.

Больших трудов штабу полка стоила организация по новому взаимодействию и его непрерывное поддержание.

И надо сказать, что хорошо организованное взаимодействие между частями, наносящими удар по сходящимся направлениям, привело к тому, что 16 и 17 декабря 1943 года с окруженной вражеской группировкой было покончено.

Большая заслуга в этом принадлежит штабу 11-й Гвардейской армии.

Войска же наступавшие на внешнем кольце окружения 24 декабря 1943 года овладели городом Городок.

По прошествии многих лет современные историки считают, что в ходе Городокской наступательной операции, проходящей с 13 по 31 декабря 1943 года, наши войска продвинулись в глубь до 60 км, и нанесли поражение сильной группировки немцев.

Далее, как это оценивается сейчас, цель операции была в основном выполнена — Городокский выступ был ликвидирован.

Однако задача по овладению Витебском в 1943 году все же решена не была.

Но для противника на этом направлении сложилась острая, весьма критическая, обстановка.

Враг вынужден был начать отвод своих войск от Невеля. Отход группировки противника продолжался с декабря 1943 года по январь 1944 года.

*Капитан Штрик —
начальник штаба полка,
Подполковник Савкович —
зам. по полит части,
Полковник Лисовский —
командир полка,
Подполковник Ильичев —
зам. командира полка,
Подполковник Зюда —
артиллерист,
Рядовой Богомаз,
Подполковник Чойко —
артиллерист,
Капитан Желяев
начальник тыла полка.*

*Сегодня мы встречаем Новый Год.
1944 год. Январь. Деревня Сывлротка
(где-то южнее Невеля).*

Ну а мы, непосредственные участники тех событий встречали новый 1944 год.

Невольно задумывались тогда о том, что же ждет нас в новом году?

В третий раз встречает наш народ новый год в условиях войны.

И хотя на фронте все еще продолжались упорные бои, всем было предельно ясно, война идет уже к своему естественному концу — к нашей победе.

Что же касается дивизии нашего полка, то мы продолжали вести боевые действия на Витебском направлении.

Теперь уже основная задача состояла в преследовании отходящего противника.

Необходимо отметить, что враг вел боевые действия грамотно и целеустремленно.

Искусно используя тяжелые условия местности (в который раз приходится говорить об этом), противник непрерывными контратаками сдерживал наступления нашей дивизии.

Бывали отдельные дни, когда дивизия продвигалась в день не более одного–двух километров.

Что же касается нашего 167-го Гвардейского стрелкового полка, то он как и другие полки, вел тяжелые затяжные бои с непрерывно контратакующим противником.

На память приходят дни когда полк вынужден был наступать по железнодорожному полотну, но на нем были сняты рельсы немцами.

Таким образом высокая насыпь, по которой наступал полк, сплошные болота вокруг, исключали проведение батальонами какого-либо маневра.

Полк мог вести только фронтальные наступления.

Подразделения полка несли при этом потери.

Каждый вечер меня ожидала тяжелая, очень горькая обязанность – подписывать «похоронки» на погибших бойцов.

В довершении ко всему в середине января был ранен командир полка полковник Лисовский И.Ф.

Лично я сработался с Иваном Федоровичем и его уход из полка искренне переживал.

С ним было Легко работать.

К штабу он относился с уважением, прислушивался к советам и рекомендациям.

Во второй половине января в полк пришел приказ о присвоении мне очередного воинского звания — «майор».

Воспринял это нормально, как что-то вполне заслуженное.

Это звание, как мне казалось, — я заслужил. Но особого ликования не испытывал.

Дело в том, что со здоровьем у меня не все было в порядке — «подал о себе голос» шов, оставшийся у меня после ранения под Вереей.

Но пока я тянул.

К врачам особенно не спешил.

Ограничивался пластырем, заклеивая злосчастный шов.

Штабная служба текла размеренно, без особых колебаний.

Временно полком командовал *В.И. Ильичев*.

Надо сказать, что с ним мы дружили еще со времен боев в Наро–Фоминске.

В конце января обстановка на фронте несколько стабилизировалась.

Как-то вечером позвонил командир дивизии генерал-майор *Кропотин Н.А.*

Звонил он почему-то не полковнику Ильичеву В.И., а мне.

Помню, дословно его слова. Он сказал: *«Вот тут сверху, вам «сосватали» нового командира полка. Постарайтесь найти с ним общий язык»*. И все.

Сначала я ничего не понял.

Почему «сосватали» нам нового командира полка?

Почему мы должны искать с ним общий язык?

Кто он вообще такой, что за человек?

Было много «почему»?

Но в армии не любят, когда задают вопросы, даже если они и не лишние.

Нужно было ждать. И мы ждали.

Было начало февраля 1944 года.

Вечер выдался на редкость спокойным. Падал снежок. Было непривычно тихо.

Противник вел себя мирно. Редко побрасывал куда-то далеко снаряды.

Мы сидели с Василием Ивановичем Ильичевым в моей палатке. Беседовали. Пили чай с вареньем, которое получил Василий Иванович из дома.

Вдруг к нам влетел в палатку какой-то человек. Он очень запыхался, видимо шел быстро, или бежал.

Судя по новому полушубку, ремням и планшету, это был командир.

На голове у него была каска, на плече – автомат. Он отдышался и сказал: «Вот дает. Кладет и кладет снаряды рядом».

Надо сказать, что ни я ни Василий Иванович никогда не носили каски. Ограничивались пилотками или шапками, в зависимости от погоды.

Взрывы противника слышались где-то далеко.

Видимо, что-то нас немного удивило, мы переглянулись, а потом одновременно расхохотались.

Было действительно смешно.

Вошедший представился, что он новый командир полка.

Наш смех, очевидно, обидел его.

Сейчас, по прошествии многих лет, я совершенно не помню нового командира полка.

Не запомнил ни его фамилии, ни его имени. Не помню, даже, как он внешне выглядел.

С первых дней совместной службы, мне стало ясно, что полного согласия и доверия у нас не будет.

Почему появилась такая уверенность, я не знаю.

Перебирая в памяти свои 50 лет, отданных службе в армии, прихожу к определенному выводу.

За эти прожитые полувека у меня были самые различные начальники, командиры.

Были добрые, добродушные, покладистые. Но были и злые, злопамятные.

В своем большинстве это были умные, опытные начальники.

У многих из них можно было поучиться, кое-что перенять.

Правда, иногда встречались и иные начальники. Всякое бывало.

С иными служба шла хорошо, легко, интересно; с другими — тяжело, нудно.

Но всегда, со всеми командирами находился общий язык.

Иногда это удавалось просто, иногда сложно, с трудом.

Но ни разу я не мог допустить мысли, о том, что с командиром, начальником можно «не сработаться».

По моему твердому утверждению, основная задача начальника штаба именно и состоит в том, чтобы найти такие методы и способы работы, при которых командир, весь штаб, работали бы как единый коллектив.

И я хорошо помню, что именно так и было в моей жизни довольно часто.

Хотя зачастую командиры и штабы были не похожи один на другого.

Так было. Но вот в этой конкретной обстановке, впервые произошел, почему-то, сбой. Где-то была обоюдная взаимная ошибка.

На мой взгляд, видимо, виноваты были обе стороны.

Началось с мелких недомолвок, претензий, придировок, мелких обид.

Как мне помнится, новый командир полка до нас был политрабатником. При чем служил он не в боевых частях, а где-то в тыловом учреждении.

Я же за всю войну дальше батальона, дальше полка, не подымался.

Видимо, свой боевой опят, свою фронтовую жизнь оценивал слишком высоко.

Безусловно это была моя ошибка.

Надо было учитывать (а не прощать) тогдашний мой возраст, мой в общем-то небольшой жизненный опыт.

Так или иначе, разрыв во взаимоотношениях командира полка и начальника штаба нарастался.

Толчком конфликта послужило происшествие, которое произошло, по-моему, 6 февраля 1944 года.

Полк очень медленно продвигался вперед.

Шли (точнее наступали, преследуя отходящего противника) мы по железнодорожному полотну, на котором рельсы были немцами сняты и вывезены в Германию.

Об этом я писал выше.

По сложившиеся традиции с передовым отрядом шел или начальник штаба, или один из заместителей командира полка.

В этот же день, с передовым батальоном шел сам командир полка.

Часам к 10–11 батальон прошел виадук железной дороги, пересекающий наш маршрут.

Другие подразделения полка только что подходили к виадуку.

В этот момент немцы атаковали батальон. Начали его расстреливать.

Роты батальона заметались, прижатые к железнодорожному полотну. Как я потом узнал, никто практически не организовал управление батальоном. Ни кто не отражал атаки врага.

Только принятыми решительными мерами нам удалось отбить атаку врага, помочь батальону.

Большая заслуга в этом принадлежит подполковнику Ильичеву В.И. и офицерам штаба полка.

Полк понес значительные потери.

Среди взрослых погиб и «сын полка» Витя Кусков. «Старики полка» хорошо помнят, что еще во время боев в Наро-Фоминске к полку пристал мальчик 12-13 лет — *Витя Кусков*. Родители его погибли в Наро-Фоминске. Мальчика одели, обули. Он пользовался всеобщим вниманием.

О нем заботились всем полком.

И вот «Витька Кусок» — погиб.

Не уберегли. Не досмотрели.

В горечах, явно не продумав, я высказал командиру полка все, что о нем думал.

Видимо сделал это зря. Хотя вина его была явная.

Результат разговора последовал незамедлительно.

Спустя несколько дней к нам в полк приехал заместитель начальника отдела кадров 11-й Гвардейской армии.

Он очень долго беседовал сначала с командиром, а затем со мной.

В конце разговора кадровик сказал: *«Хорошие вы ребята. Но лучше вас развести».*

Я понял, что «разведут» меня.

Что же дальше нужно было делать?

Ждать когда меня уберут «по собственному желанию»?

Нет, этого я не хотел. Не в моем это было характере.

И вот совсем неожиданно пришло решение такой непростой для меня проблемы.

Вдруг в полк приехала группа медиков из медсанбата дивизии.

Ох, уж это слово — «вдруг».

Сколько раз вслед за этим возгласом менялась окружающая обстановка, а то и менялись сами события.

Возглавляла группу медиков, по-моему, врач дивизионного медсанбата Валентина Тарасова.

Занималась группа чем-то вроде диспансеризации недавно вернувшихся из госпиталей офицеров. По-русски говоря, просто медицинский осмотр.

Старшая группы осмотрела меня и тоном, недопускающим возражения, сказала примерно так: «Вот что майор!!! Отправлю-ка я вас в госпиталь на недельку, другую. И не возражайте!!!»

Проверят вас как следует.

Поспите в чистой постели.

Поспите в кальсонах, а не в стеганных штанах.

Поезжайте».

Немного подумав, уехал в госпиталь.

Госпиталь располагался где-то в районе Невеля.

Пробыл там с 1 по 15 марта.

Немного меня действительно подремонтировали. Хорошо отдохнул.

Погода стояла еще зимняя.

Но все же чувствовалось, что весна потихоньку, потихоньку подходила и в эти, в общем-то, суровые края.

Однако весна весной, а проблема моей дальнейшей жизни, так и не была решена.

Нужно было решить – куда же ехать?

Девчата из госпитальной канцелярии пообещали оформить документы на выбор — или назад в мой славный 167-й Гвардейский полк, в распоряжение его командира, или в отдел кадров 11-й Гвардейской армии.

Думал накануне целую ночь.

Взвесил все «за» и «против».

И се же колеблясь до последней минуты. Решил в полк не ездить.

Так на этом решение фактически закончилась моя служба в «Пролетарке».

Решение было для меня очень и очень нелегким.

Слишком многое связывало меня с людьми из этой дивизии, с ребятами моего полка.

Многому, они эти люди научили меня, здорово помогли.

Во многом обязан им даже своей жизнью.

Поэтому в последующие годы, где бы я не служил, всегда с величайшей любовью и уважением вспоминал время и события, связанные с «Пролетаркой».

Памятная стелла в честь Боевых подвигов Пролетарской 1-й Гвардейской Московско-Минской стрелквльй дивизии, орденов Ленина, Краснознаменной, Суворова II степени, Кутузова II степени.

С тех пор, как я обосновался в Москве, каждый год, во второй половине дня 9 мая, в день Победы, приезжаю на станцию метро «Филевский Парк».

Недалеко от станции метро стоит стелла в честь нашей «Пролетарки».

Там встречаются однополчане прославленной дивизии.

Как не горько отмечать, но с каждым годом все меньше и меньше однополчан приходят на встречу.

Живые вспоминают прошлые события, поминают тех, кто ушел из жизни, тех кого нет с нами.

Вечная им память, вечная слава.

Но вернемся к событиям 1944 года.

Решение было принято 15 марта распрощался с госпиталем и на попутной машине уехал в отдел кадров 11-й Гвардейской армии.

Отдел кадров размещался в лесу севернее деревни Белянка, что юго-западнее Городока.

В течении трех дней никто из кадрового начальства разговаривать о моей дальнейшей судьбе не захотел.

Коротал эти дни в резерве офицерского состава, иначе в «отстойнике».

За какие-то полумесяца погода неожиданно изменилась к лучшему. Стало по весеннему тепло.

Много спал – «в запас». Фронт был далеко. Очень редко в небе на большой высоте появлялись вражеские самолеты.

Не бомбили.

Кормили в «отстойнике» сносно. В сельском магазине даже можно было купить водку.

18 марта меня наконец-то пригласили на собеседование.

Собеседование проходило весьма бурно.

Или у меня окончательно испортился характер, или кадровики, как всегда, чувствовали себя вершителями судеб человеческих.

Вспомнили мне старые грехи — самовольное возвращение в «Пролетарку» из госпиталя в 1943 году.

Напомнили мне о взаимоотношениях с командиром 167-го Гвардейского полка.

Вспомнили еще кое-что другое.

Благо, «вспоминать» было что.

Упреков было много.

Надо сказать, что и я в долгу не оставался.

Предложили мне должность начальника штаба 247-го Гвардейского полка 84-й Гвардейской стрелковой дивизии.

Я почему-то встретил это предложение без особого энтузиазма.

Почему-то возражал. Даже немного обиделся. Почему?

Но, дело прошлое, на большую должность тогда не претендовал. Видимо, сердце у меня все еще принадлежало «Пролетарке».

В момент нашего разговора, дверь открылась и в комнату вошел высокий, бравый полковник, который представился: «Бывший командир 247-го Гвардейского стрелкового полка — Василенко И.И.»

Из дальнейшего разговора стало ясно, что он получил повышение по должности и сейчас отправляется к новому месту службы.

Полковник спросил: «Это кто же тут не хочет служить в 247-м Гвардейском? Жаль! Полк отличный».

Затем, много лесного, хорошего о дивизии, о полку сказал тогда полковник *Василенко И.И.*

Слушал я его внимательно, с интересом.

И моя судьба была решена.

Вышел из отдела кадров с направлением в 247-й Гвардейский стрелковый полк 84-й Гвардейской стрелковой дивизии на должность начальника штаба полка.

Что же я знал тогда об этом гвардейском соединении?

Пожалуй не так уже и мало.

Напомню, что война несколько раз сводила мою судьбу с судьбой новой для меня дивизии.

Так было в июле 1941 года под Смоленском, было это и в Наро-Фоминске в 1941-42 годах, встречались мы и в боях за Городок и под Витебском.

Но то были все «шапочное знакомство». Подробно, досконально изучил эту дивизию, познал свой полк в последующих боях.

В книге Ю.В. Виноградова, С.М. Широкова «По призыву Родины» сказано, что *84-я Гвардейская стрелковая дивизия* формировалась в Куйбышевском районе Москвы, как 4-я Московская дивизия народного ополчения.

Вступила дивизия в бой в июле 1941 года и на фронте получила общевойсковую нумерацию. Стала 110-й стрелковой дивизией. Бойцы этого соединения сражались за Наро-Фоминск — на Киевском шоссе.

Здесь, на этом направлении, дивизия не допустила врага к Москве.

Потом дивизия освобождала Наро-Фоминск, Боровск, Верею.

10 апреля 1943 года 110-я стрелковая дивизия была преобразована в 84-ю Гвардейскую.

Забегая вперед, скажу, что гвардейцы дрались в составе 24-й, 49-й, 31-й 33-й армий, а в мае 1943 года вошла в состав 11-й Гвардейской армии.

Дивизия участвовала в Московской битве, в Ржевско-Вязьменской, Орловской Гумбининской и Восточно-Прусской наступательных операциях, а также в освобождении Белоруссии.

За боевые заслуги соединение было удостоено почетного наименования «Карачевская» (август 1943 года), награждено орденами Красного Знамени, Суворова второй степени.

Да, что там говорить, прославленная была дивизия.

Командовал дивизией гвардии генерал-майор *Петерс Георгий Борисович*.

Было ему в ту пору 47 лет. В моем понятии (двадцати двух летнего парня) казался он «пожилым».

Подтверждало это понятие — его борода.

Прожил Георгий Борисович долгую жизнь. Служил еще в царской армии. Воевал в Гражданскую войну.

Под его командованием, дивизия прошла славный боевой путь, одержала немало побед.

Был генерал Петерс Г.Б. неоднозначным человеком. Его действия трудно было предсказать, предвидеть. Трудно оценить одним словом.

Отличался генерал незаурядной храбростью, выносливостью. Славился Георгий Борисович высокой требовательностью, подчас жестокостью к подчиненным.

*Герой Советского
Союза генерал-майор
Г.Б. Петерс*

В той же книге — «По призыву Родины» о генерале-майоре Петерсе Г.Б. сказано: «...*Видя уверенные действия любимого генерала, вслед за ним устремились бойцы...*»

Эти слова (особенно о любви) вызвали у меня удивление и, больше того несогласие. Из своих наблюдений за генералом Петерсом Г.Б., я приходил к заключению, что его действия могли вызвать у подчиненных уважение, страх, подражание, но вряд ли — любовь.

Но это лично мое мнение.

Надо сказать, что у меня с командиром дивизии сложилось довольно странные отношения. Отстранял он меня от занимаемой должности, как минимум два-три раза.

Каждый раз, на следующее утро лично приезжал ко мне сам (не вызывал, а приезжал).

Вел длительный разговор. Потом я возвращался к исполнению своих обязанностей.

Пришло время аттестации, Георгий Борисович добавил весьма лестные для меня выводы.

Мне очень трудно, да и не хочется давать оценку поступка генерал-майора Петерса Г.Б., в результате которого он 27 октября 1944 года был отозван из нашей дивизии в распоряжение 11-й Гвардейской армии.

Начальник штаба 84-й Гвардейской стрелковой дивизии гвардии подполковник *Виноградов А.П.*

В ходе совместной службы я увидел в нем хорошего наставника, обладающего высоким опытом высококвалифицированного офицера.

На мой взгляд, он обладал знанием штабной работы, твердым характером и твердым мышлением.

От подполковника Виноградова А.П. я получил много полезных советов по руководству штабом полка.

Начальник оперативного отдела штаба дивизии гвардии майор *Капитонов А.М.* был молодым, но хорошо подготовленным офицером штаба. Долгие годы мы были добрыми друзьями, взаимно поддерживающими друг друга. Саша помог мне быстро освоиться с новым для меня коллективом штаба 247-го полка.

*Начальник штаба
84-й Гвардейской
стрелковой дивизии
гвардии-полковник
Виноградов А.П.*

*Нач.разведки дивизии
гвардии майор
Андреев А.Г.*

Начальник разведки дивизии гвардии майор *Андреев А.Г.* Хорошо помог мне разобраться в той сложной обстановке, которая сложилась в полосе нашей дивизии.

Он был отличным профессиональным разведчиком. Остались мы с ним хорошими друзьями до конца войны.

Таков был, далеко неполный круг должностных лиц штаба дивизии, который способствовал мне осваивать нелегкий труд начальника штаба полка в бою.

Ну а теперь необходимо вспомнить и то, как я «входил» в 247-й Гвардейский стрелковый полк.

К концу дня 19 марта добрался до командного пункта полка.

Располагался пункт в лесу юго-восточнее Городища (северо-восточнее Витебска).

Еще в отделе кадров 11-й Гвардейской армии узнал, что полком командует гвардии полковник *Сахаров Н.И.*

На командном пункте застал заместителя командира полка по политчасти гвардии майора Богач А.Я. и двух моих будущих заместителей — гвардии капитана *Болтарева Семена Захаровича* и шифровальщика гвардии капитана *Ломанова М.Н.*

Позже подъехал начальник тыла полка гвардии капитан *Никольский А.Ф.* и начальник продовольственной службы гвардии капитан *Будман И.Э.*

Командир полка находился на наблюдательном пункте.

По телефону доложил ему о прибытии.

Гвардии полковник Сахаров Н.И. о моем назначении знал заранее. Он попросил пока сегодня остаться на командном пункте, ознакомиться с обстановкой, а на наблюдательный пункт прибыть завтра — 20 марта.

Вечером на командном пункте гвардии майора Богач А.Я. подробно рассказал мне о той обстановке, которая сложилась в последнее время.

Смотри схему на стр. 142.

Помнится у Александра Яковлевича был свой самовар и мы за чаем, за разговорами прокоротали мою первую ночь в новых для меня условиях.

Богач А.Я. хорошо знал обстановку. Он рассказал, как после овладения Городоком, войска дивизия продолжала наступление на Витебск.

По мере подхода к городу сопротивление противника возрастало, а тема нашего продвижения — падал.

В начале февраля дивизия с большим трудом вышла к озеру Лосвида (южнее Городока).

В дальнейшем полк смог продвигаться в сутки не более двух-трех километров.

Из очень интересного рассказа я понял, что весь февраль месяц полки дивизии вели ожесточенные бои за населенные пункты: Подборье, Прудино, что севернее Витебска.

Богач А.Я. заметил, что в середине марта наш полк с большим трудом зацепился на северной окраине Лотовщины, это 15 км севернее Витебска.

К сожалению, все попытки дивизии развить успех полка ни к чему не привели.

Александр Яковлевич с большой тревогой сказал, что сил у нас было маловато. В ходе боев полк понес большие потери.

Состав стрелковых рот, например, стал столь малочислен, что пришлось расформировать вторые и третьи роты батальонов.

Но надо заметить, это дало незначительные результаты.

Замполит, видимо, хорошо разбирался в обстановке, потому что обратил внимание на то, как противник резко активизировал свои действия.

При этом, подчеркнул Богач А.Я., резко усилилась деятельность вражеской авиации.

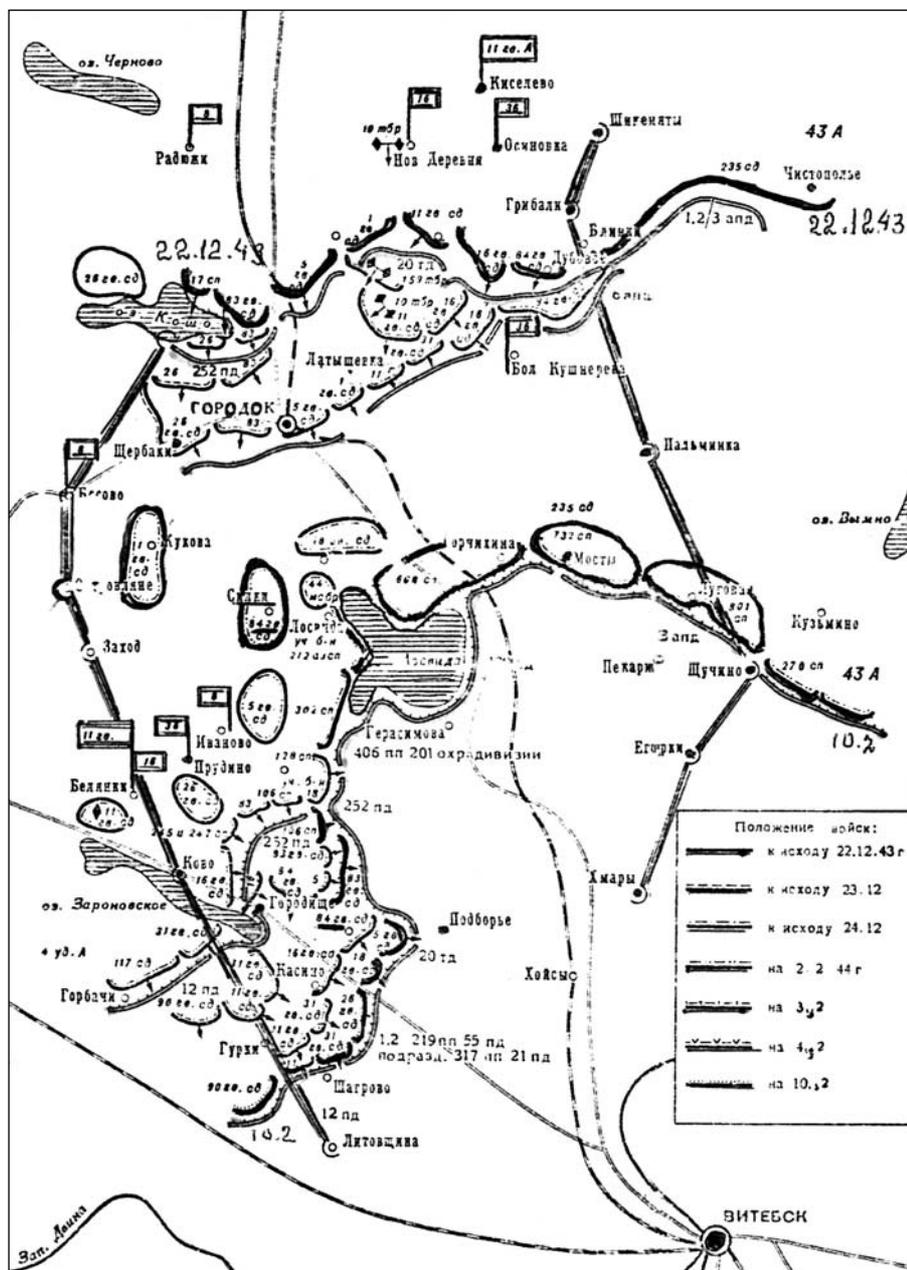
Группами по 12-18 самолетов немцы многократно наносили удары по боевым порядкам полка.

Александр Яковлевич верно заметил, о том как приходилось думать не о том, как наступать на Витебск, а о том как удержать занимаемые рубежи.

Все это подробно рассказал в ту ночь гвардии майор Богач А.Я.

Естественно, радоваться было нечему.

С утра 20 марта 1944 года добрался до наблюдательного пункта, где и представился командиру полка.

Наступление войск 11-й гвардейской армии к Витебску.

Насколько мне сейчас помнится, о гвардии полковнике Сахарове Н.И. у меня, как-то сразу, сложилось очень хорошее, теплое впечатление.

Чувствовалось, что он держит события в руках, управляет боем спокойно и уверенно. С уважением относиться к людям.

Единственно, что меня тревожило, то это его внешний вид.

Вид больного человека.

Как выяснилось, уже третий день его терзает ангина.

На наблюдательном пункте познакомился с начальником связи полка — гвардии капитаном Раппопортом. Он быстро и весьма толково доложил конкретную обстановку.

А обстановка, надо сказать, складывалась довольно непростая: к часам 10–11 утра немецкая пехота, поддерживаемая танками, после артиллерийского налета, перешла в атаку по всей полосе дивизии.

В результате непрекращающихся налетов немецкой авиации, у нас появились убитые и раненые.

Доложили, что был ранен Комбат-1 гвардии капитан Евменов В.М. Якобы ему оказывают медицинскую помощь на полковом медицинском пункте. Заменить комбата было нечем.

Нажим противника на наши войска усилился.

С наблюдательного пункта хорошо просматривалось то, что происходило в полосе правофлангово батальона, непосредственно действующего перед нашим наблюдательным пунктом.

Чувствовалось, что батальон дрогнул.

Было хорошо видно, как роты батальона медленно отходят.

Нужно было что-то делать.

Полковник Сахаров Н.И. с большим трудом почти что шепотом приказал мне: «Задержать!!! Любой ценой задержать батальон. Артиллерией сейчас помогу».

Хотя время было в обрез, но все же как-то мелькнула в памяти Духовщина, Вязьма, Наро-Фоминск. Не раздумывая побежал...

Побежал вперед, к оврагу куда отходит батальон.

Неожиданно в овраге встретил капитана.

Голова его была перевязана. На перевязи была и рука.

С радостью узнал, что это был Комбат-1 Евменов Валентин Михайлович.

Как мне раньше сказали, был он ранен, но сейчас прибежал в свой батальон из полкового медпункта.

Надо сказать, что появился Валентин очень и очень кстати. Был этому я несказуемо рад, так как мне новому человеку вписаться в обстановку было очень и очень сложно.

Прежде всего мы вместе с Евменовым В.М. остановили два пулеметных расчета. Заставили занять огневые позиции на краю оврага и через головы отходящих рот открыть огонь.

И как ни странно, но тут вспомнил пулеметчика Сигматулина, Юргинские лагеря, бои в окружении.

И верьте ли – на душе стало легче.

Так общими усилиями остановили батальон.

Навели порядок. Немного разрядили обстановку.

Туда же, в овраг, примчался (именно примчался) начальник артиллерии полка майор *Фурман А.Л.*

Да не один, а со взводом истребительно-противотанковой батареи дивизии.

Как-то немного полегчало. Но все же сильно беспокоила нас обстановка на левом фланге полка. Там, второй батальон нашего полка, медленно пятился от наседавшего на него танков противника.

С наблюдательного пункта это хорошо было видно и невооруженным взглядом.

А в бинокль я рассмотрел интересную картину.

Из леса вылетала, и надо сказать на большой скорости, батарея 45 мм пушек.

Судя по тому, что она была на конной тяге, это была наша полковая батарея.

Видимо батарея отходила вместе с батальоном.

Мне было хорошо видно, как наперерез батареи, прямо под копыта первой упряжи бросился какой-то командир.

Он оставил пушкарей.

Было видно, как он заставил их развернуть орудия и открыть огонь. Нам это было хорошо видно и слышно.

Сделано это было очень своевременно, так как из леса медленно выползали 5-8 танков противника.

В окуляры бинокля увидел своеобразную фигуру командира, остановившего артиллеристов.

Был он в очень длинной шинели, перепоясанной ремнями.

В руках держал костыль.

Капитан Раппопорт, который прибежал вместе со мной, безошибочно определил — это заместитель командира полка майор *Кобалия Б.М.*

К середине дня 20 марта обстановка в полосе полка стабилизировалась. Даже сумели подбить два немецких танка.

Потом собрались на наблюдательный пункт.

Командир полка поблагодарил всех за восстановление положения. Он сказал, что в связи со значительными потерями, командование армии приняло решение вывести нашу 84-ю Гвардейскую дивизию в свой резерв.

Полковник Сахаров Н.И. также сказал, что в ночь на 22 марта мы должны сдать свой участок и вывести подразделения полка из боя.

Мне была поставлена задача организовать оформление сдачи нашего участка 19-й Гвардейской стрелковой дивизии, составить план выдвижения полка в новый район, проверить все вопросы обеспечения подразделений.

Здесь же на наблюдательном пункте познакомился с теми, кто совместно со мной приняли участие в восстановлении порядка.

Какое мнение о них сложилось у меня?

Считаю, что в этой сложной обстановке, все должностные лица действовали довольно организованно и профессионально. Вот такими они запомнились мне на долгие годы моей жизни.

Заместитель командира полка по политической части гвардии майор *Богач Александр Яковлевич*. С ним прошагали мы вместе до конца войны. Много спорили о роли политсостава, его задачах, о качестве работы политработников. Во многом наши взгляды расходились.

Иногда ругались. Но никогда Александр Яковлевич не допускал в мой адрес клеуз, неправды. По отношению ко мне он всегда был честным и искренним.

Начальник артиллерии полка гвардии майор *Фурман Андрей Лукьянович*. На фронте вместе провели многие дни и недели. Многие пережили, многое перевидали.

Андрей был фанатично предан своей артиллерии. Мечтал об учебе в академии. К сожалению в академию он не поступил. После войны жил в Сталинграде, где и умер.

*Гвардии-майор
Богач Александр
Яковлевич.
Заместитель командира
полка по политчасти.*

Заместитель командира полка гвардии майор *Кобалия Бограт Мурзаич*. Воевали мы с ним немного. Через пару месяцев он уехал учиться. Бограт был смелым и решительным командиром. Кто-то про него весьма точно сказал: на сто процентов грузин — веселый, добрый и отзывчивый к людям.

Командир первого батальона гвардии капитан *Евменов Валентин Михайлович* был тем человеком, к которому я относился с особой теплотой.

Видимо вспоминалась моя собственная жизнь в «шкуре» комбата. Всегда сочувствовал Валентину Михайловичу.

Валентин был смелым и рассудительным командиром. Хорошо, разумно руководил подчиненными, никогда не прятался за их спинами.

После войны окончил академию.

В последние годы жил в Орле, где и скончался.

Хорошо знал его жену — Лидию Ивановну и двух дочерей.

Вот это были те люди, с которыми я познакомился в первые дни на новом месте службы — 247-м Гвардейском стрелковом полку. С этим полком и прошел до конца войны.

Много пережил, многое перенес.

И не зависимо от того, как я жил, что делал эти месяцы, вокруг меня всегда много различных людей.

Всяких людей. Больше — хороших.

Вполне понятно, рассказать о всех с кем я совместно воевал в 247-м полку невозможно.

Но обязательно нужно постараться вспомнить о них. Хотя бы просто перечислить: *Панин Николай Тимофеевич* — командир батареи 76 мм пушек (скоропостижно скончался в июне 2001 года); *Дрянных Петр Григорьевич* — командир стрелковой роты; *Орлов И.И.* — мой помощник по строевой части; *Овчинников Александр Никифорович* — комсорг стрелкового батальона; *Старостенков Николай Яковлевич* — командир минометного расчета; *Козлов Михаил Яковлевич* — командир батареи 45 мм орудий; *Болтарев Семен Захарович* — мой заместитель по учету личного состава; *Пшеничный И.Н.* — парторг полка; *Дружинин А.И.* — командир 3-го батальона; *Бердников Евгений Степанович* — комбат; *Бойко Михаил Степанович* — автоматчик, мой ординарец; *Кузьмина Анна Сергеевна* — старшина медицинской службы; *Теплякова Александра Михайловна* — сержант, радистка; *Семонов Н.Ф.* — командир саперной роты; *Студзинский А.Н.* — командир минометной роты; *Юрысов А.П.* — командир пулеметной роты. Естественно, всех запомнить не смог.

Пусть на меня не обижаются те, кого я упустил, не упомянул.

Время берет свое. Память подводит.

А весна медленно, но верно, отвоевывало свое место в природе. Снег под лучами пока еще тусклого солнца не спеша превращался в ручейки, лужи.

Не стояли на месте и люди.

Правда, в начале апреля ничто еще не предвещало о коренном изменении обстановки.

Но в ротах, батальонах, полках шли упорные слухи о грядущих событиях на фронте.

*Гвардии-майор
Кобалия Бограт
Мурзаевич.
Заместитель командира
полка.*

Говорили пехотинцы на маршах, подминая сапогами весеннюю грязь.

Говорили артиллиристы, тресаясь на снаряжных передках орудий.

Говорили танкисты, укладываясь спать на разосланном брезенте, под днищем дорогой «тридцатичетверки».

Осуждали один вопрос: «А что же дальше? Как ни печально, но наши войска все таки не решили очень важную задачу — Витебск все еще был у немцев».

Вспоминали старую песню — «Украина золотая, Белоруссия родная».

Ну, Украина — далеко, а вот Белоруссия — совсем рядом. За углом.

Думал Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, думал и солдат в стрелковом батальоне.

8. Война катилась на запад. Мы наступали.

Напомню, что в ночь на 22 марта 1944 года наша дивизия должна была сдать свой боевой участок, вывести части и подразделения из боя и сосредоточиться в новом районе.

Штаб 247-го гвардейского полка получил задачу: оформить сдачу нашего участка, составить план выведения полка в новый район и организовать все вопросы обеспечения подразделений.

21 марта день прошел в заботах о подготовке к сдаче участка полка, в организации марша в район сосредоточения.

Работы хватало всем.

Лично для меня сложность заключалась в том, что еще до моего прибытия в полк, помощник начальника штаба по оперативной работе – ПНШ-1, был ранен.

А как известно, ПНШ-1 это второе лицо в штабе полка.

Приходилось решать массу вопросов самому.

Противник особой активности не проявлял, хотя его авиация периодически осуществляла налеты на наши войска.

К концу дня произошло трагическое событие.

Где-то часов 15–16 небольшая группа немецких самолетов нанесла удар по району, где размещался наблюдательный пункт полка.

Были убитые и раненные.

С тревогой и искренним сожалением выслушал доклад о том, что тяжело ранен во время налета немецких самолетов, командир нашего полка гвардии полковник Сахаров Н.И.

Я не смог с ним проститься, так как он сразу же был эвакуирован в госпиталь.

Часто задумывался о том, что как в нашей жизни происходит странное и не всегда понятное.

Например, с Николаем Ивановичем Сахаровым был знаком всего два дня.

Да и то так – с урывками.

Но я искренне переживал его ранение.

Мне казалось, что мы хорошо и давно знаем друг друга.

Полком временно стал командовать майор *Кобалия Б.М.*

Выполняя приказ армии, в ночь на 22 марта 1944 года, дивизия вышла из боя и передала участок обороны 18-й гвардейской дивизии.

К 4 часам утра подразделения полка сосредоточились в лесу, что юго–восточнее небольшого городка Городище (севернее Витебска).

В этом лесу полк находился до 27 марта.

Здесь наши подразделения были доукомплектованы личным составом.

Во время приема пополнения к нам в полк прибыл новый командир – гвардии подполковник *Лохмалов И.В.*

Надо сказать, что он прошел как-то незаметно через жизнь полка, через те события, в которых мы все участвовали.

Иван Васильевич часто болел.

Хочу отметить, что у меня с Лохматовым сложились нормальные отношения.

Со штабом командир полка считался, относился с уважением.

При спорах, которые возникали у меня с гвардии майором Богачем А.М., Иван Васильевич чаще поддерживал меня.

Продолжая движение на север, полк к исходу 5 апреля вышел в район севернее деревни Пугачиха. Это село расположено у большого лесного озера, что южнее Невеля.

Здесь подразделения полка приступили к оборудованию лагеря.

В ходе работы должил командиру полка программу боевой подготовки, ознакомил его с предлагаемой программой предстоящих занятий.

Одновременно утвердил у него строгий распорядок дня всего личного состава.

23 апреля 1944 года распоряжением Генерального штаба 11-я Гвардейская армия была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования.

Было приказано полностью восстановить боевособность части и начать подготовку к летней компании.

25 апреля 1944 года в дивизию прибыло новое пополнение.

Пополнился и наш полк. Всего к нам поступили 8 офицеров и 40 человек рядового и сержантского состава.

Панин Николай Тимофеевич. 2000 г. г. Москва.

Среди прибывших был старший лейтенант Панин Николай Тимофеевич.

Прибыл он на должность командира взвода истребительно-противотанковой батареи полка.

О дальнейшей судьбе Николая Тимофеевича, о наших дружеских отношениях на войне и после, я позволю себе подробно рассказать несколько позже.

Мы же вернемся к тем далеким и славным годам.

Близилась первомайские праздники.

С радостью вспоминаю, что празднование этих праздников в лагерных условиях военного времени мало чем отличались от довоенных лет.

Зеленый городок, с правильно расчерченными дорожками, украсились кумачом и цветами.

Как-то празднично менялись и люди. Аккуратно постриженные, побритые, хорошо пропарившиеся в бане, гвардейцы приобретали праздничный вид.

Не ударили лицом в грязь и наши хозяйственники. Повара солдатских кухонь готовили много вкусных вещей.

По возможности было улучшено питание.

Не забывали поздравить гвардейцев с праздником и наши шефы: «Прородители» 4-й дивизии народного ополчения — Куйбышевский район города Москвы.

Получили к празднику подарки солдаты и командиры от шефов.

На душе становилось теплее и радостнее.

Утром 1 мая до личного состава был доведен приказ Иосифа Виссарионовича Сталина ном. 70.

В приказе, наряду с поздравлением, были подведены итоги зимней компании 1943-44 годов, содержался призыв Верховного Главнокомандующего о полном освобождении Советской земли от фашистских захватчиков.

Внушительный был парад частей и подразделений 84-й гвардейской дивизии.

Проводился парад на территории, где располагался наш полк.

Поэтому все организационные, хозяйственные вопросы подготовки и проведения парада было возложено на нас.

Пришлось вертеться штабу полка во всю силу. Но труд офицеров штаба полка не пропал даром.

Судя по отзыву руководства, да и об этом говорили сами участники парада — все прошло нормально.

Переходя на лагерную жизнь, основное внимание штаба полка было обращено на организацию боевой и политической подготовки частей и подразделений.

Одновременно с учебой 7 мая закончилось доукомплектовывание личного состава; претерпели изменения техника и вооружение полка.

Так, например, численность дивизии превысила 7 тысяч человек.

Каждая стрелковая рота теперь насчитывала не менее ста бойцов.

В своем составе теперь дивизия имела дивизион самоходно-артиллерийских установок — 13 машин САУ-76.

Как помнится, всего артиллерия дивизии нового состава насчитывала 91 орудий и 75 минометов.

Увеличилось и число автоматов. В стрелковых батальонах дивизий их стало 1800 штук.

Что касается учебы личного состава полка, то программа боевой подготовки непрерывно совершенствовалась и усложнялась.

Все занятия старались проводить в условиях близких к боевым. Причем, занятия длились не менее 10 часов в сутки.

В дальнейшем мы стали проводить и батальонные занятия с боевой стрельбой, с форсированием водных преград.

Сложность заключалась в том, что командиров, которые знали как проводить эти занятия было маловато.

Недостаточным был еще у нас методический опыт подготовки и проведения подобных занятий.

Приходилось трудиться очень много.

Большую помощь оказывали командиры из оперативного отдела штаба 11-й Гвардейской армии.

Хотелось бы отметить полезные советы и практические рекомендации полковника Лебедева И.Н., майоров Данилевича А.А., Плотникова Ю.В. и других офицеров штаба армии.

Их советы, практические показы приемов обучения на местности во многом облегчили нам подготовку и проведения тактических занятий в ротах и батальонах.

Помогали эти командиры и в планировании боевой подготовки полка.

Не могу не забежать немного вперед.

Уже через много, много лет спустя, в шестидесятых годах, служба забросила меня в Польскую Народную республику.

Служил я в Северной группе войск на должности начальника оперативного управления штаба группы.

Полковник *Данилевич Андреан Александрович* прибыл тогда ко мне в Управление старшим офицером отдела оперативной подготовки.

Затем он был назначен начальником этого отдела.

С моей легкой руки и по моей рекомендации Андреан Александрович был переведен для дальнейшего прохождения службы в Главное Оперативное Управление Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

Там Данилевич А.А. дослужился с офицера Управления до помощника Начальника Генерального штаба ВС СССР.

Это очень большая должность.

Получил звание «генерал-полковник».

Андреан Александрович скоропостижно скончался несколько лет тому назад.

Умнейший был человек.

Но главное его качество заключалось в том, что это был чудесный, исключительно отзывчивый человек.

Не могу сказать о том, что когда у меня произошла личная страшная трагедия — погиб мой сын Саша, первым кто пришел ко мне на помощь, кто подставил свое плечо, был Андриян Данилевич.

Пусть земля будет ему пухом.

Пока я жив, никогда не забуду светлый образ Андреяна Александровича Данилевича.

Что же касается Ю.В. Плотникова, то с Юрой мы вместе в 1948 году, заканчивали академию имени М.В. Фрунзе.

Возвращаясь к 1944 году, вспоминаю, что наравне со штабом 11-й Гвардейской армии, большую помощь оказывал нам и штаб 84-й гвардейской дивизии.

Да и сам гвардии генерал-майор Петерс Г.П. много уделял внимание нашей учебе.

Он много беседовал со мной.

«Нажимал» на методику проведения батальонных учений с боевой стрельбой.

«Гонял» меня сильно, не стеснясь в выражениях.

На эту же тему сам генерал провел показное занятие с батальоном гвардии капитана Евменова В.М.

Сначала я не понял в чем тут дело.

Невольно возникали вопросы — почему такая заинтересованность комдива именно этой темой, именно батальоном капитана Евменова и особенная заинтересованность моей персоной?

Ответы на эти вопросы получили мы несколько позже.

Время шло неукоснительно.

27 мая поступило распоряжение штаба армии: занятия прекратить и быть готовыми к совершению длительного марша.

Опять завертелась работа штаба: нужно было организовать контроль за подготовкой автотранспорта; необходимо продумать осуществление перековки конского состава, загрузить повозки.

Требовалось готовить к маршу и самих людей — подогнать и отремонтировать обувь и снаряжение.

*Подполковник
А.А. Данилевич*

И по всем вопросам нужно было организовать контроль и, еще раз контроль, оказать необходимую помощь подразделениям со стороны штаба полка.

В тот же день поступило распоряжение штаба дивизии о передислокации в район Лиозно.

Лиозно — это небольшой город северо-западнее Смоленска. Он удален, по прямой от района размещения подразделений нашей дивизии, в общем на небольшое расстояние.

Но это — по прямой.

Как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

Дело заключалось в том, что город Витебск был еще в руках немцев. Нужно было совершить большой обходной маневр, обойти территорию занятую врагом.

Таким образом нам предстояло преодолеть 300 км. в крайне сжатые сроки. При этом марш войска должны были осуществлять только в темное время суток.

Громадный объем работы потребовалось выполнить всем штабом, начиная от штаба армии, кончая штабами полков.

Например, полк получил точный расчет движения колонн.

В предвидении марша организовали практически у всех бойцов проверку состояния обуви и обмундирования. Организовали их необходимый ремонт, тщательную подготовку.

Не забыли при этом проверить и такую «мелочь», как портянки, их состояние и, главное умение ими пользоваться.

Много труда, заботы было уделено ремонту гужевого транспорта. Еще и еще раз командиры штаба полка проверяли, как производится перековка лошадей, хватает ли кузнецов, каково состояние ротных, батальонных кузниц.

Была организована подготовка упряжи, ремонт повозок. Готовили, а точнее — с величайшим трудом «добывали» брезент, веревки для крепления грузов.

С особой заботой организовывали ремонт ротных кухонь.

Пришлось мобилизовать весь опыт штабников, сноровку, а при необходимости, засучив рукава, и выполнять самую черновую работу.

Согласно приказу, по своему маршруту, выслали рекогносцированную группу.

В ее состав должны были войти: мой помощник (ПНШ-1), представитель от начальника артиллерии полка, от полкового инженера и от начальника связи.

Все упомянутые должностные лица были на месте. Отсутствовал лишь помощник начальника штаба — ПНШ. Об этом я писал раньше.

Неоднократно просил кадровиков дивизии заполнить вакансию ПНШ.

Но все было безрезультативно. Отвечали, что нет подходящей кандидатуры.

Как это часто бывает, вопрос решился сам собой.

Помнится, где-то в конце апреля месяца в полк прибыло не совсем обычное пополнение. Это были рядовые штрафной роты, в недалеком прошлом командиры.

Нам порекомендовали взять в штаб писарем, бывшего штрафника, рядового *Алексея Викторова*.

В прошлом он имел звание «капитан».

Окончил ускоренный курс академии имени М.В. Фрунзе.

Согласно выписке из судебного дела, капитан А. Викторов, в нетрезвом состоянии тяжело ранил лейтенанта милиции.

Был суд. Викторов получил 10 лет тюрьмы с отправкой на фронт, в штрафную роту. В бою вел себя смело, решительно. Был ранен. Судимость после ранения сняли, но звание «капитан» так и не восстановили.

При первом разговоре мне Виктор понравился.

Понравился его открытый взгляд, откровенная оценка своего поступка.

Но самое главное, это то, что Викторов учился в академии имени М.В. Фрунзе.

А это был предел моих мечтаний.

Решил взять рядового А. Викторова в штаб для прохождения службы писарем.

Доложил командиру полка, два раза беседовал с начальником штаба дивизии.

Меня поддержали. Викторова сначала утвердили «писарем», затем допустили к исполнению обязанности ПНШ-1.

По ходатайству командира дивизии, А. Викторову было присвоено звание «лейтенант», затем «старший лейтенант», а в конце войны – «капитан».

Никогда я не пожалел о своем решении.

С Алексеем до конца войны работали мы дружно. В штабе полка он пользовался уважением.

Война, а с ней и сама жизнь продолжалась.

Подготовка к маршу шла полным ходом и, вот в ночь на 28 мая 1944 года, полк выступил из района расположения.

Двигались на север по маршруту: Усть-Долыссы, Пустоново, Синельниково. Пока мы проходили по Белоруссии в сторону Невеля.

В ночь на 30 мая было пройдено еще более 40 км.

В дальнейшем изменили направление движения. Теперь пошли на юго-восток.

Позади остались населенные пункты: Косенки, Лехово (10 км. Юго-восточнее Невеля), Чурилово.

С наступлением рассвета подразделения полка укрылись в лесу неподалеку от деревни Знахарки.

Здесь, в течение двух дней, ремонтировали обувь, подгоняли снаряжение, проводили в порядок оружие и материальную часть.

Наконец – просто отдыхали.

Что же касается штаба полка, то он занимался своим обычным делом – уточнял вопросы, связанные с дальнейшими действиями, обеспечивал управление подразделениями. Позже, вечером 31 мая, полк двигаясь по маршруту: Чурилово, Ушит, Усвяты, Козлово, к утру 1 июня достиг леса, что юго-восточнее деревни Козлово.

Это была уже Смоленская область.

Молодая листва надежно укрывала подразделения полка от авиации противника.

Выставленные караулы охраняли подходы к их размещению.

Вспоминается, что старшие штабы поддерживали с нами связь только подвижными средствами – автомашинами, мотоциклами, конными посыльными.

Нам радиосвязью разрешали пользоваться только на прием.

Запрещалось применять осветительные приборы, разводить ночью костры.

Ротные кухни топились лишь сухими дровами, дающие мало дыма.

И так, ночь за ночь войска двигались вперед, подминая километры маршрута.

Полк, в составе дивизии, прошел Велиж (севернее Смоленска), Демидов, Рудня.

7 июня мы вышли к Днепру в районе села Красное. Это ничем не примечательный населенный пункт, расположен на северном берегу Днепра, на шоссе и железной дороге Смоленск – Орша.

Кончились сплошные густые леса, по которым проходили наш маршрут.

Впереди лежала открытая местность. Усложнились вопросы маскировки, возросла задача обеспечения скрытности движения частей и подразделений.

Повысилась роль организации противовоздушной обороны войск.

На мосту, южнее села Красное, нас встретил гвардии генерал-майор Петерс Г.Б. и приказал мне лично убыть в район села Марково.

Он ориентировал нас о том, что в районе Марково предстояло готовить показное батальонное учение с боевой стрельбой.

Село Марково находится в 35 км южнее Днепра и было конечным пунктом нашего многокилометрового маршрута.

Если память мне не изменяет, тема учения, которое предстояло провести, именовалось так: «Прорыв усиленным стрелковым батальоном подготовленного района обороны противника».

Надо сказать, что тема учения, объявленная комдивом, была мне знакома еще по занятиям, проведенных в районе Пугачихи в мае месяце.

Не забыл я и порядок проведения подобного учения, хорошо помнил детали его обеспечения.

Тем более на учении привлекался батальон капитана Евменова В.М., ранее тоже участвовавшего в подобных занятиях.

Гвардии генерал-майор Петерс Г.Б. подчеркнул, что штаб дивизии должен уточнить замысел учения, оформить его документально.

Оказывается, что офицеры штаба дивизии уже отрекогноцировали район предстоящего учения и в данный момент работают над вопросами материального обеспечения учения.

Это во многом облегчило мне, капитану Евменову В.М., да и всему штабу нашего полка подготовку учения.

Комдив установил также время проведения учения — 9 июня 1944 года. Он неоднократно предупреждал, что на учении возможно будут присутствовать «очень высокие гости».

Во время разговора комдив сказал, что командир полка подполковник Лохматов болел и, наверное, учением буду руководить я — начальник штаба полка.

И вот, только теперь до меня дошло — почему комдив в свое время, еще в районе деревни Пугачиха, так много уделял мне, комбату Евменову и всем вопросам подготовки этого учения.

Стало понятно, что практически Георгий Борисович и только он, заранее знал и готовил занятия, на котором точно будут присутствовать военные руководители очень высокого ранга.

*Где-то на марше
Городок – Леозно*

Надо было понять, что на этом занятии, видимо, будет дана оценка прежде всего самому генерал-майору Петерсу Г.Б. и 84-й гвардейской дивизии в целом.

По-моему, на учении, помимо высокой боевой готовности стрелкового батальона, нужно было показать хорошую тактическую и мелодическую подготовку многих командиров тактического звена. Показать их умение и способность проводить такие, далеко не простые, батальонные учения с боевой стрельбой.

Наконец, нужно было на их фоне, подчеркнуть заслуги в этом командира дивизии.

Вот почему учение и доверялось провести не командиру полка, не заместителю командира дивизии, а обычному начальнику штаба полка.

При этом, подчеркивалась мысль о том, что при соответствующей помощи, проводить такие учения у нас в дивизии могут многие командиры тактического звена.

После того как все исходные данные о сроках проведения, о конкретных исполнителях были определены, подготовка к учению закипела и, к исходу 8 июня, в основном была закончена.

Много напряженного труда, большой нервозности стоило нам это.

Переволновались все очень.

**Председатель Верховного
Главнокомандования
Начальник Генерального
Штаба
Маршал Советского Союза
А.М. Василевский**

Во второй половине дня 9 июня в дивизию приехали: представитель Ставки Верховного Главнокомандования – начальник Генерального штаба Маршал Советского союза *Василевский А.М.*, командующий 3-м Белорусским фронтом – генерал-полковник *Черняховский Н.Д.*, командующий 11-й Гвардейской армией – генерал-лейтенант *Галицкий Н.К.* и командующий 36-м гвардейским корпусом – гвардии генерал-майор *Шафранов П.Г.*

Гостей встретил командир дивизии гвардии генерал-майор Петерс Г.П. Он доложил прибывшим о ходе боевой подготовки.

Потом все отправились смотреть батальонное учение с боевой стрельбой.

За свои пятьдесят лет армейской службы сам много проверял различные учения.

На многих учениях довелось мне участвовать, как в роли статиста, так и на ответственных должностях.

Но надо сказать, что такого волнения, какое я испытывал в тот летний июльский день, никогда не переживал.

Этот день остался в моей памяти на долгие годы.

Но славу богу, все прошло нормально.

Учение понравилось Маршалу Советского союза А.М. Василевскому. Он посоветовал такие учения провести и в других соединениях.

В заключение Маршал объявил благодарность всему личному составу, принимавшему участие в показательном учении.

Командира батальона гвардии капитана Евменова В.М. и руководителя учением, Маршал награждал часами.

Казалось бы, можно было и не поднимать вопрос о том, кто был руководителем учения того показательного учения.

Действительно, не все ли равно? Главное, учение прошло хорошо.

Все довольны и дело сделано.

Но дело заключается в том, что в различных источниках, руководителем называют различные должностные лица.

Так, например, в книге «Годы суровых испытаний» автор генерал армии К.Н. Галицкий на стр. 473 сказано, что руководил учением командир полка майор Демченко Я.М.

С этим нельзя согласиться, так как Демченко прибыл в 247-й Гвардейский стрелковый полк только в ходе боевых действий на Оршанском направлении, то есть где-то 27 июня. А учение, как известно, проводилось 9 июня.

В книге «По призыву Родины» (авторы Ю.В. Виноградов и С.М. Широков) на стр. 300 записано, что учением руководил командир полка. И все. Ни звания, ни фамилии.

А как помнится, в первой половине июня полком командовал подполковник Лохматов. Но дело заключается в том, что тогда гвардии подполковник Лохматов болел и руководит учением не мог.

В итоге можно сказать, что часы, подаренные мне Маршалом, я с гордостью храню дома — на законном основании.

Возвращаясь к событиям тех дней, вспоминаю, что как нам стало известно: в штабе 11-й гвардейской армии состоялось совещание, на котором А.М. Василевский ознакомил командиров корпусов и дивизий с положением дел и теми задачами, которые стоят перед армией.

На другой день, точнее, 10 июня, гвардии генерал-майор Г.П. Петерс собрал командиров частей нашей дивизии, их начальников штабов, и в общих чертах доложил о предстоящих задачах.

Интересно, но даже сейчас, во всех деталях помню слова комдива.

Видимо, уже очень долго все мы ждали этого решающего наступления наших войск. Это же был еще один шаг к победе. Мы наступали.

Генерал доложил, что 11-я Гвардейская армия в составе 3-го Белорусского фронта предназначалась для разгрома центральной группировки фашистских войск, выдвинутой далеко на восток и перекрывавшей основные пути к важнейшим промышленным, экономическим и продовольственным центрам Германии.

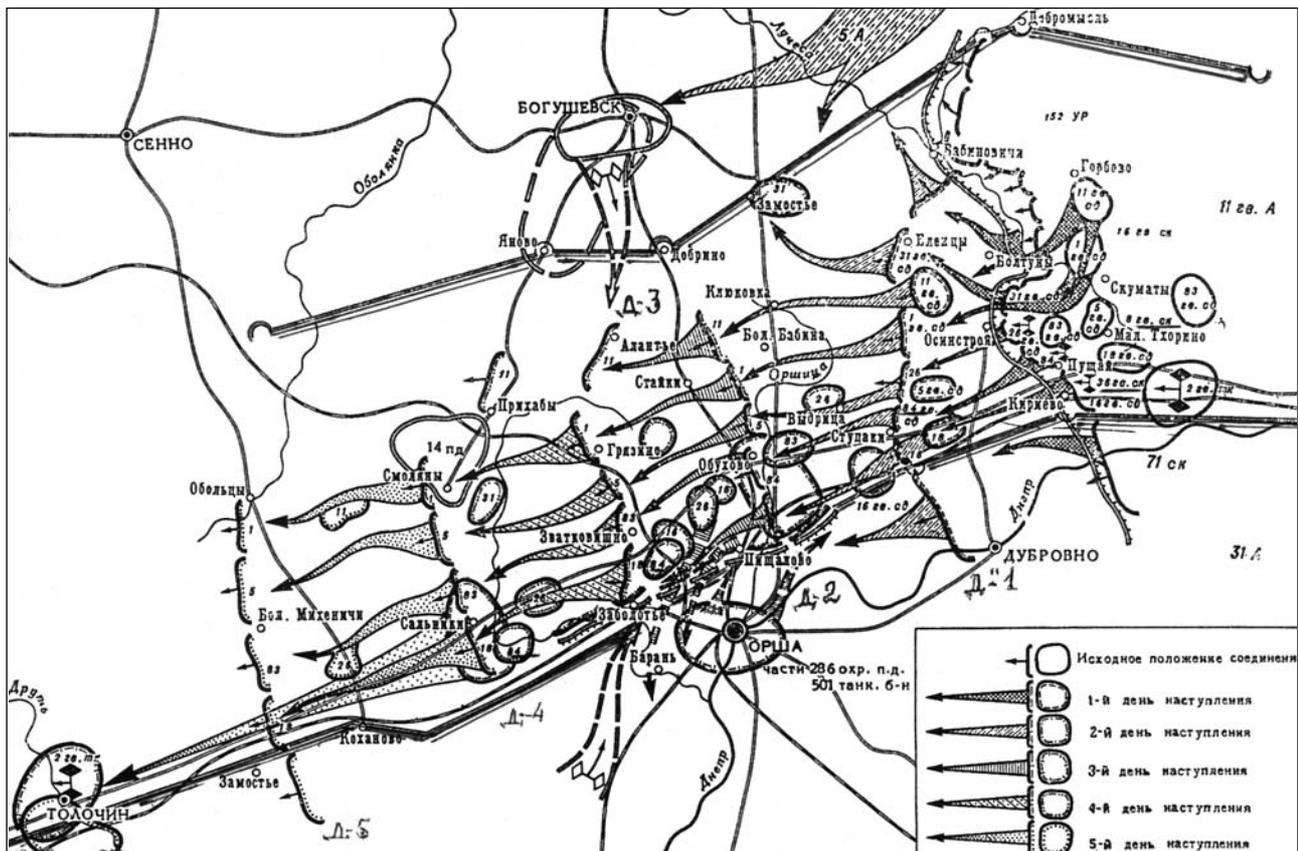
Генерал Петерс Г.П. очень доходчиво и ясно доложил, в части нас касающейся, основные положения плана наступательной операции 11-й Гвардейской армии.

Этот план приведен на схеме (стр. 156).

В частности комдив доложил, что армия должна нанести удар на своем левом фланге вдоль Минской автострады, прорвать оборону противника на участке: Остров Юрьев, Киреево и, во взаимодействии с 5-й Танковой и 31-й армиями, разгромить вражескую Богушевско-Оршанскую группировку.

Из доклада генерала стало ясно, что к исходу третьего дня наступления войска 11-й Гвардейской армии должны выйти на рубеж Грязно, Заболотье, и в дальнейшем развивать наступление вдоль автострады. А к исходу десятого дня операции они должны достичь реки Березена в районе Борисова и форсировать ее.

Комдив подчеркнул, что после прорыва тактической зоны обороны противника, для развития успеха, предусматривалось ввести в бой 2-й Гвардейский Тацинский танковый

План наступательной операции 11-й гвардейской армии в Белоруссии.

корпус. Он должен был к исходу четвертого дня наступления овладеть районом Сальники. Это хорошо просматривается на схеме сверху.

Помню, с какой радостью слушали мы генерала о том, что в ходе подготовки операции в распоряжении нашей армии прибывает значительное число частей соединений усиления, благодаря чему на участке прорыва обеспечивается плотность 180-250 орудий и минометов на один километр фронта.

Разве могли мы в прошлые годы войны мечтать о таких плотностях?

Кроме того, армия обеспечивалась мощной авиационной поддержкой.

В частности, в ночь перед наступлением, намечалось сделать более 600 самолето-вылетов на вражеские позиции.

Действия стрелковых соединений должны были поддерживать почти тысяча танков и самоходных орудий.

В дальнейшем подготовка к наступлению продолжалась интенсивно.

13 июня комдив провел с командирами полков, офицерами штабов и приданных артиллерийских, танковых частей рекогносцировку своих участков прорыва.

Отработанные таким образом детали взаимодействия войск, в дальнейшем оформлялись штабами.

Хорошо помню, что много пришлось потрудиться и нашему штабу полка.

Очень пригодилось в этой работе знания, полученные моим ПНШ-1 Викторovým, когда он учился в Академии им. М.В. Фрунзе.

Говоря откровенно, еще и еще раз понимал я свою слабость в штабном деле. Росла моя мечта об учебе в академии.

Но это была «лирика»...

Жизнь шла своим чередом.

Наступление было назначено на утро 23 июня.

Накануне предстояло провести разведку боем.

Три года наш народ вел жесточайшую войну с ненавистным врагом.

Многие из нас принимали самое активное участие в этих событиях. Ощущали на себе всю тяжесть добытых побед. Удары Красной Армии следовали один за другим — под Смоленском, под Ленинградом и в Домбасе и на Днестре.

Война катилась на запад. Катилась неудержимо и стремительно.

Но враг был еще силен. Требовались новые и новые усилия для полной победы.

Понимали это все и все ждали нового наступления на центральном направлении.

Мы наступали.

Ну а нас, в полку, вся ночь на 23 июня прошла в выводе подразделений на исходные позиции для наступления.

За ночь батальоны полка развернулись на рубеже юго-восточнее деревни Новое Село, что северо-восточнее города Орша (см. схему на стр. 158: «Прорыв 11-й Гвардейской армии обороны противника северо-восточнее Орши»).

Тревожно прошла ночь. Все ждали с волнением, как пойдет наступление.

Совершенно неожиданно в четвертом часу утра вражеская артиллерия обрушила свой огонь на позиции наших войск.

Было ясно, что враг знал о нашем готовящемся наступлении.

Нужно сказать, что потери от огня противника в нашем полку были минимальными — немного «зацепило» роту капитана Ильиных Г.Н.

Всю ночь на 23 июня провел я на высоте юго-восточнее деревни Новое Село. Здесь, практически в боевых порядках правофлангового батальона, саперы оборудовали наш наблюдательный пункт.

Мне же со своими помощниками еще и еще раз пришлось уточнять десятки вопросов с приданными артиллеристами и танкистами.

Уточнялись и отдельные вопросы с корпусными саперами.

Окончательно согласовали подвоз боеприпасов и материально-технических средств.

К утру позвонил командир полка гвардии полковник Лохматов Н.Ф. и дал указания, о том чтобы я оставался на наблюдательном пункте, он будет — на командном пункте.

Было немного странно, так как ранее было несколько иначе. Командир чаще руководил с наблюдательного пункта, а начальник штаба работал на командном.

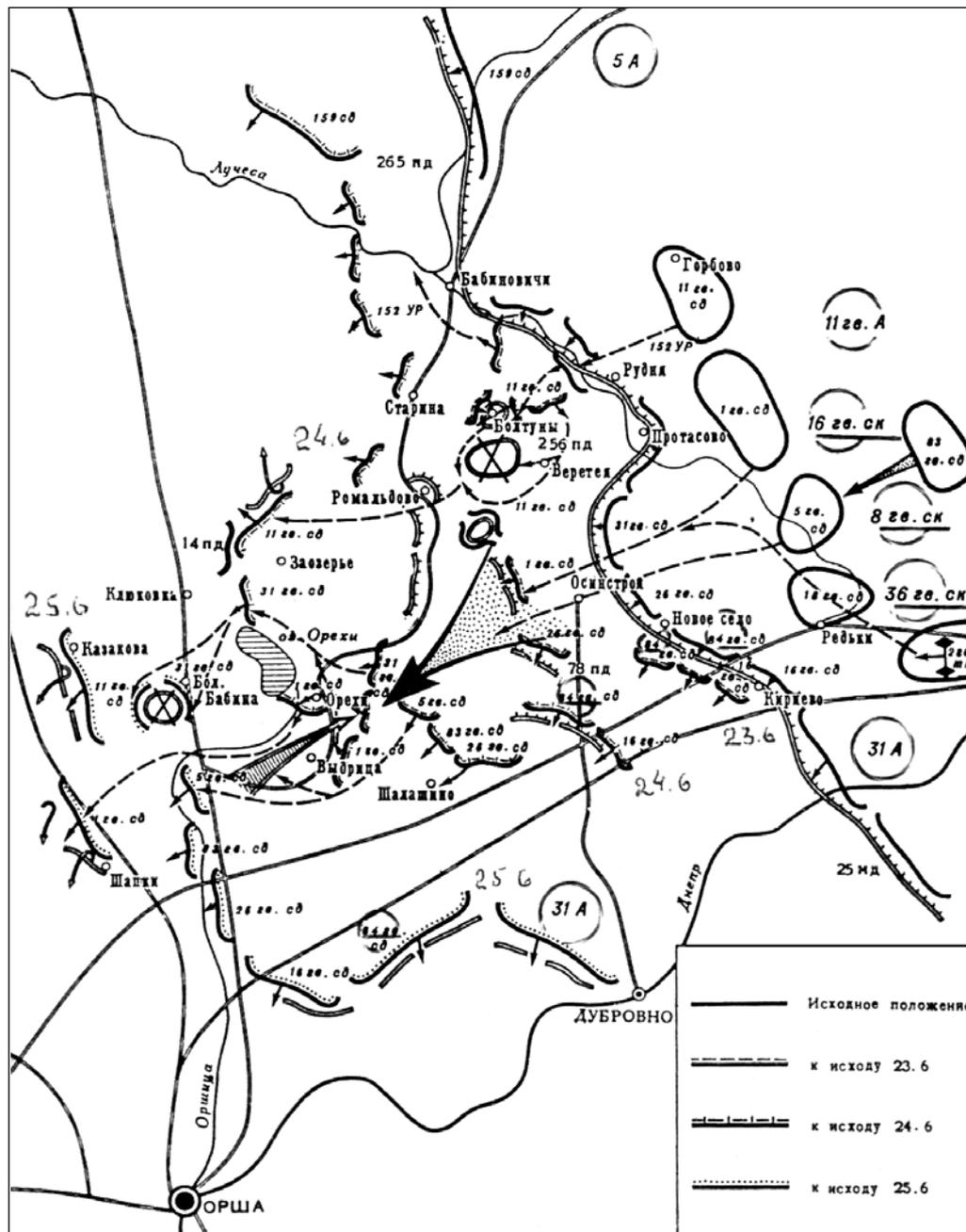
Но заниматься разборкой — что и почему, просто не было времени.

Да и обстановка поджимала.

Позже ко мне на НП подъехал Саша Богач, с ним гвардии майор Фурман А.Л. и кто-то из начальников служб.

Утро 23 июня выдалось пасмурным, видимость с наблюдательного пункта была плохая. Просматривалась лишь передний край обороны противника, глубина же скрывалась в дымке тумана.

Ровно в 6 часов утра прогремел залп «Катюши» — сигнал к началу артиллерийской подготовки.

Прорыв 11-й гвардейской армией обороны противника северо-восточнее Орши.

Земля загудела, застонала от грохота орудий.

Было видно, как над вражескими позициями взметнулась и повисла сплошная стена разрывов.

Разглядеть, что было там, стало невозможно.

К величайшей радости пехоты, активно действовала наша авиация.

Но вот в небо полыхнули ракеты – сигнал к атаке.

Самая сложная, да что там говорить – пожалуй, самая страшная минута.

Тот, что это пережил хотя бы один раз, он, наверное, помнит как трудно заставить себя оторваться от земли, встать и броситься в неизвестность.

В начале атака развивалась успешно.

Хорошо было видно, как в течении первого часа атакующие 1-й и 3-й стрелковые батальоны вместе с танками «непосредственной поддержки пехоты» заняли первые траншеи вражеской обороны.

Начали подумывать уже о переносе вперед наблюдательного пункта вслед за наступающими подразделениями.

Однако, обстановка быстро менялась. Дальше батальонам продвигаться стало труднее.

На подступах ко второй линии траншей подразделения встретили упорное сопротивление противника.

С болью в сердце видел, как вот остановился и задымился один наш танк, затем другой...

Следовавшие за танками стрелковые взводы тоже остановились, затем – залегли.

Увидел, как отдельные группы бойцов 2-го стрелкового батальона, не ожидая команды, стали отходить...

Пришлось, тем кто был на наблюдательном пункте, вмешиваться и выправлять обстановку.

Но атака наша все же захлебнулась.

В этой обстановке не оставался в стороне и штаб дивизии.

В пелене разрывов и тумана можно было рассмотреть, как на большой скорости на прямую наводку пошли орудия из дивизионной артиллерийской группы.

Артиллерия и минометы повторили новую подголовку атаки.

Но и повторная атака все же успеха не имела.

Ожесточенные бои продолжались несколько часов.

По указанию генерала Петерса Г.П. был введен в бой второй эшелон нашего полка.

Затем ввели в бой и второй эшелон дивизии. Но надо сказать, что несмотря на принятые меры, успех боя был минимальный.

Боевую задачу, поставленную на первую половину дня, мы так и не выполнили.

Но как говорит русская пословица: «Пришла беда – открывай ворота».

И действительно, так и получилось.

В конце дня мой помощник по строевой части гвардии капитан *Болдарев С.З.* позвонил по телефону и доложил, что на командном пункте вышел из строя и эвакуирован в госпиталь командир пока гвардии полковник *Лохматов Н.Ф.*

Должность командира полка стал исполнять подполковник *Шариян П.Е.*

Уход в госпиталь *Лохматова* я воспринял с искренним сожалением. С ним мы работали. Он хорошо знал свои права и обязанности. Не мешал штабу, а по мере сил и возможностей, помогал.

Штаб отвечал ему тем же.

Позвонил о случившемся начальнику штаба полка. Доложил...

Гвардии полковник *А.П. Виноградов* почему-то с раздражением сказал: «Да знаю, знаю», и добавил – «разбирайтесь там сами». В чем нам надо было разбираться, я так и не понял.

К вечеру бой стих.

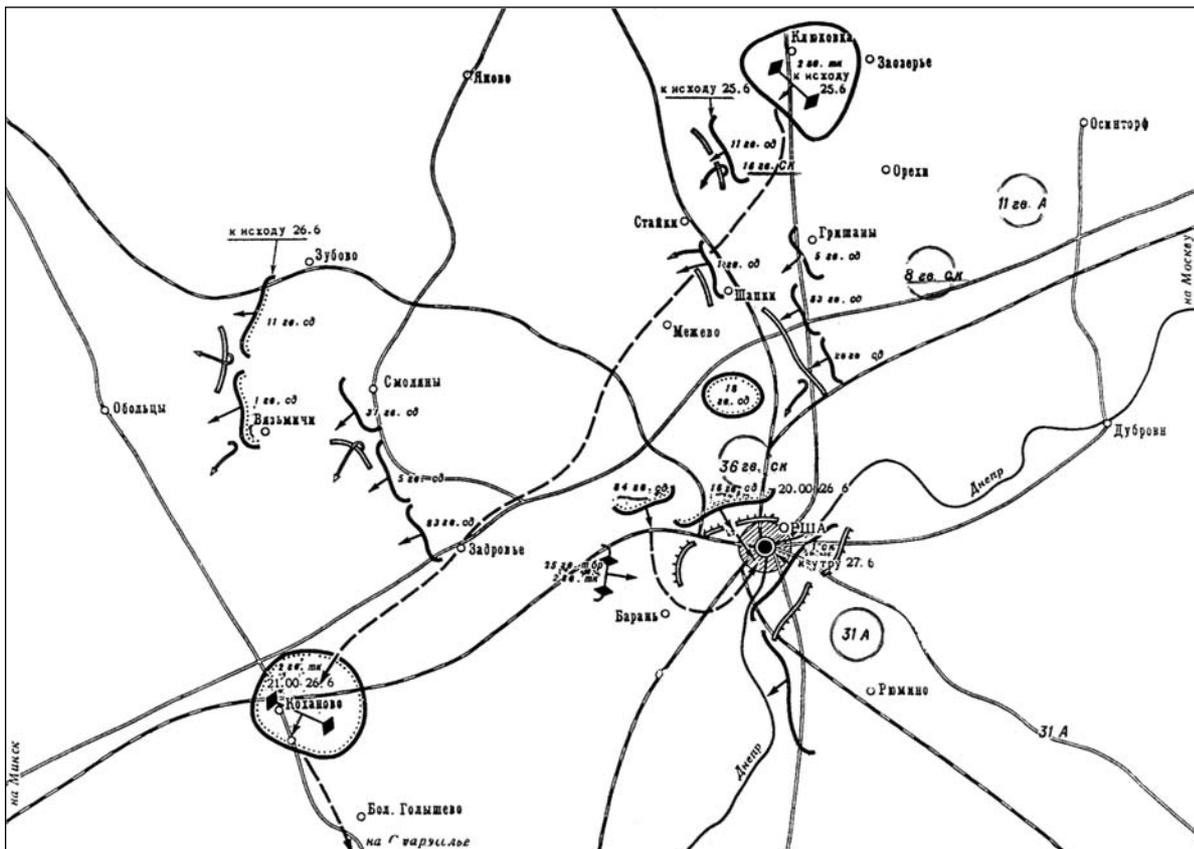
Батальоны полка закрепились на достигнутом рубеже. Приводили себя в порядок.

В это время штаб полка организовал подвоз боеприпасов в подразделения, проверял готовность к завтрашнему наступлению.

Утром 24 июня вновь загрелась артиллерия. Батальоны 247-го стрелкового полка, вместе с танками приданной бригады, пошли вперед.

К исходу дня полк вышел на шоссе Осинстрой–Дубровно, прикрывая левый фланг дивизии.

В ночь на 25 июня, подразделения полка, сбивая и уничтожая вражеские арьергарды, продвинулись вместе с соседними полками на 15 км. 25 июня дивизия была выведена во второй эшелон 36-го гвардейского стрелкового корпуса. 25 июня по информации штаба дивизии, во второй половине дня, 11-я, 1-я, а также 31-я гвардейские стрелковые дивизии прорвали тыловой рубеж обороны противника.

План наступательной операции 11-й гвардейской армии в Белоруссии.

Преследуя отходящего противника, наши части наносила по нему непрерывные удары, расчленили его боевые порядки и уничтожали по частям.

84-я гвардейская стрелковая дивизия успешно развивала наступление в направлении Забровье. Ее же 247-й гвардейский стрелковый полк продвигался во втором эшелоне дивизии.

Обстановка 25 и 26 июня показана на схеме сверху.

В первой половине 26 июня подразделения полка вышли к поселку Погост. Это в 15 км северо-западнее Орши.

В этот район несколькими часами позже вышел 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус.

Сбивая на своем пути вражеские подразделения, танковый корпус продолжал наступление по Минскому шоссе на Коханово.

Группа штаба нашего полка заняла наблюдательный пункт на западной окраине Погоста. С НП хорошо просматривалось Минское шоссе.

Страшную картину представляло это шоссе — десятки, а может быть и сотни трупов, разбитых, искореженных танков врага, его орудий и минометов, повозок, автомашин устлали дорогу.

Тогда у меня мелькнуло какое-то странное чувство: да вполне понятно, что это был поверженный враг — немцы.

Да, это они первые напали на нас.

Мы только защищаем свою Родину.

Но все же это были люди, а не вытоптанная трава.

Надо сказать, что эта мысль только мелькнула у меня. Мелькнула на миг. И сразу же пропала.

Я вспомнил, теперь уже очень далекий день, середину октября 1941 года

Окраину города Вязьмы. Смоленское шоссе.

Вспомнил атаку немецких танков.

Об этом я уже писал в первых главах «Воспоминаний».

Но вот что странно — я во всех деталях помню те минуты и часы. Вспомнил чью-то команду: «Отходить у лесу!»

До сих пор звучит у меня в ушах: «А, гады! А, суки! Не нравится!»

И тогда, там под Оршей, до меня окончательно дошло — все идет своим чередом. Все правильно.

Так и должно быть.

Вспоминались слова, сказанные нашим Верховным Главнокомандующим Иосифом Виссарионовичем Сталиным на параде 7 ноября 1941 года: *«Немцы хотели иметь войну на уничтожение. Ну что же, они ее получат».*

Только так, а не иначе.

Ну а полк продолжал движение вперед — на запад.

Как я писал выше, временно полком командовал заместитель командира полка — гвардии подполковник Шариян П.Е.

Надо сказать, что еще с утра 26 июня Шариян П.Е. уехал на рекогносцировку один.

Куда уехал — не сказал.

Радиостанцию с собой не взял и где он находится мы не знали.

Во главе колонны полка, вместе с спецподразделениями, шел штаб полка.

Чуть позже, где-то часов 11-12, на Минском шоссе, неподалеку от деревни Слобода (что севернее Орши), полк остановил командир дивизии генерал Петерс Г.Н.

Он был в крайне возбужденном состоянии.

Сразу же посыпались вопросы: где командир полка, почему он уехал без разрешения, почему не взял средств связи, и прочее и прочее.

Все эти вопросы сопровождались очень громкими весьма резкими выражениями.

Комдив высказал много нелестных выражений в адрес нашего полка.

Не осталась без внимания и моя персона.

Что же мог я ответить?

Да ничего!

«Ты начальник — я дурак. Я начальник — ты дурак».

Золотая армейская истина.

Но надо сказать откровенно: во многом по содержанию, упреки комдива были справедливые, справедливые.

В общем встреча была очень и очень бурная.

Скоро генерал «остыл», успокоился и в нормальном тоне, продолжил очень разумный разговор.

В этом был весь Георгий Петрович Петерс.

Прежде всего, комдив утончил нашу новую задачу, в силу которой полк должен был изменить направление своего движения к северо-западу с целью последующего ввода в бой за Оршу.

Нам предстояло развернуться почти на 45 градусов и нанести удар практически на восток.

Эти изменения направления нашего наступления очень четко просматриваются на схеме, что помещена на стр. 160.

Полк должен был овладеть товарной станцией Орши, а в дальнейшем наступать на северо-западную часть города. Генерал уточнил, что главным силам дивизии предписывалось наступать вслед за нашим полком.

Так 243-й полк получил задачу пробиваться к Днепру, а 245-й полк прикрывал действия дивизии со стороны Заболотье.

Мы не знаем, кто автор такого решения. На мой взгляд, это было исключительно смелое, вместе с тем и обоснованное решение.

Сложный маневр 247-го полка обеспечивал быстрый разгром противостоящего противника и овладением таким мощным узлом, каким являлся город Орша.

По-моему, заслуживает похвалы и смелое использование танков при бое за населенный пункт.

Получив новую задачу, штабу полка пришлось много потрудиться и прежде всего опять произвести рекогносцировку местности и довести до подразделений их задачи, согласовать свои действия с приданными и поддерживающими частями, уточнить вопросы боевого и материально-технического обеспечения предстоящих боевых действий.

Здесь я не вижу какие-то особые задачи. Просто нам всем предстояла большая, но обычная черновая работа штаба полка, начальников родов войск и служб, а также кропотливая работа с подразделениями полка.

И как всегда — объем работы большой, а времени мало.

Штурму Орши предшествовал мощный удар с воздуха. Почти два с половиной часа наша авиация группами по 7-9 самолетов разрушала оборонительные сооружения противника.

Затем последовала 30-минутная артиллерийская подготовка. И как только артиллерия перенесла огонь в глубину, начался штурм.

С севера на город наступала 16-я гвардейская дивизия.

Одновременно с северо-запада и запада из района Слободки наносила удар 25-я гвардейская танковая бригада, действующая совместно с 84-й гвардейской стрелковой дивизией. В первом эшелоне дивизии наступал наш 247-й гвардейский стрелковый полк.

Враг заметался. Попытался сдержать удар наших войск, противник бросал в бой все новые и новые силы.

Однако, с большими потерями, враг вынужден был отступить.

Вскоре наш полк выбил противника со станции Орша–Товарная.

Здесь меня к радиостанции вызвал начальник штаба дивизии гвардии полковник Виноградов А.П.

Полковник, довольно резко, упрекнул в том, что мы своевременно не докладываем обстановку. Вот и сейчас, штаб дивизии имеет данные о том, что полк захватил на станции Орша–Товарная эшелон с советскими деньгами. А доклад от нас нет

Виноградов приказал разобраться, «прекратить бардак» и доложить.

Приказ, есть приказ. Бросил дела и с рудом разыскал тот злополучный эшелон.

Выяснил, что это был вовсе не железно-дорожный эшелон, а всего два вагона, нагруженные имуществом какого-то немецкого штаба.

В вагонах действительно были ящики и с советскими деньгами.

Как я увидел, вокруг этих вагонов собралось довольно большая толпа наших военнослужащих.

Интересно то, что большинство это были женщины: военнослужащие из недалеко расположенных медицинских учреждений, подразделения связи, из штабов.

Мои попытки навести порядок успеха не имела. Толпа не расходилась.

Пришлось вызвать наше роту автоматчиков. С трудом был наведен нужный порядок. Установлен караул у вагонов с деньгами.

Скоро прибыли офицеры штаба 36-го гвардейского корпуса. С облегчением передал им содержимое ящиков.

Инцидент был исчерпан.

Ну, в 22 часа, батальоны полка во взаимодействии с 25-й гвардейской танковой бригадой ворвались на северную и северо-западную окраину города. Начался уличный бой.

Противник обрушил на наступающие подразделения полка мощный артиллерийско-минометный огонь. Ожили отдельные огневые точки. Засевшие в подвалах домов и на чердаках группы автоматчиков непрерывно обстреливали боевые порядки батальонов.

Но несмотря ни на что, полк успешно продвигался вперед.

Горячий бой продолжался целую ночь.

К рассвету все было кончено — Орша была полностью очищена от врага.

27 июня Оршанский гарнизон противника во главе с командиром 78-й штурмовой дивизии генерал-лейтенант Траут сложил оружие и сдался.

Приказом Верховного Главнокомандующего в этот день в числе других войск принимавших участие в боях за Оршу, нашей дивизии была объявлена благодарность. В тот же вечер столица нашей Родины — Москва салютовала войскам, освободившим Оршу.

Но не легко досталась нам эта победа.

Немало poleglo гвардейцев на подступах и на улицах Орши.

В склад на железно-дорожной станции Орша–Товарная, где временно разместился штаб полка, попала ракета «скрипуна» шестиствольного немецкого миномета.

Было ранено несколько человек и, в том числе командир стрелковой роты старший лейтенант Дрянных П.Г.

Как и зачем ротный попал в распоряжение штаба полка, просто не помню.

Должен сказать, что Павел Григорьевич сейчас жив и здоров. Живет он в Подмосковье.

Мы с ним встречаемся на заседаниях совета ветеранов нашей дивизии.

Иногда встречаемся и за праздничным столом.

Вспоминаю, как в тот июньский день 1944 года на этой железно-дорожной станции досталось и мне.

Помню — «скрип» летящей ракеты, взрыв...

Стена склада, у которой я так искал защиту, завалилась. Вместе со стеной заваляло и меня.

«Легкая контузия» — заключение полкового врача. Как результат — несколько дней чувствовал себя неважно: мутило, головокружение и главное плохо слышал, глух.

Но был тогда молод и очень любил жизнь. Все шло как должно быть.

Утром 28 июня 84-я гвардейская стрелковая дивизия получила приказ на преследование отступающего противника в направлении населенного пункта Коханово.

В соответствии с задачами дивизии, 247-й гвардейский стрелковый полк, находясь в первом эшелоне, участвовал в преследовании противника вдоль шоссе Минск–Москва.

28 июня полк прошел населенный пункт Высокое (на Минском шоссе между Забровье–Конаково).

К колонне полка подъехал начальник штаба дивизии гвардии полковник Виноградов и представил нового командира полка гвардии подполковника Демченко Я.М.

*Июнь 1944 года. На шоссе
Москва–Минск.*

*Справа налево:
гвардии-майор Штрик С.В. –
начальник штаба полка, гвардии
подполковник Демченко Я.М. –
командир полка, гвардии
подполковник Шариян П.Е. –
зам.начальника полка, гвардии
подполковник Богач А.М. –
замполит полка.*

Надо сказать, что с Демченко Я.М. мы ранее уже немного знали друг друга.

Он, по-моему был заместителем командира полка в 18-й гвардейской дивизии.

Провоевали мы с Яковом Михайловичем вместе недолго.

Но у меня сложилось о нем самые добрые впечатления.

Во-первых, был он тогда молодым, энергичным командиром. Быстро схватывал и разбирался в обстановке.

Во-вторых, никогда ни при каких условиях не прятался за спины подчиненных.

Больше того, не боялся отвечать за ошибки подчиненных и их упущения брать на свои плечи.

Штабную службу знал. Уважал штабников, помогал им.

Большим достоинством Якова Михайловича было то, что он никогда не был пристрастен к спиртному.

Что там грешить, в прошлые времена, натерпелся я много неприятностей от этой «любви к спиртному» некоторых своих начальников.

Вместе с тем преследование отходящего противника продолжалось и в последующие дни.

Лишенные дорог, остатки разбитых немецких дивизий, бросая технику, теряя людей, в беспорядке отходили к реке Березина.

Параллельно, по Минскому шоссе двигались наши войска.

Вскоре части и подразделения дивизии успешно переправились через реку Березина южнее города Борисов.

Вперед, только вперед...

5 июля передовые части дивизии во взаимодействии с 25-й танковой бригадой ворвались на южную и восточную окраины города Молодечное.

Бои на улицах Молодечного носили скоротечный характер. Поддержанные артиллерией наши части очищали от противника улицу за улицей, и к исходу дня полностью заняли город.

10 июня подразделения 247-го гвардейского полка участвовали в освобождении города Ошмяны.

Белоруссия осталась позади, наш полк вступил на земли Литовской ССР.

Послышалась литовская речь. Повстречались первые крестьянские семьи, прятаясь от немцев, а теперь возвращающиеся в родные места.

Впереди — река Неман, до которой 50 км.

На последних переходах к Неману шли непрерывные дожди.

На каждом шагу виднелись свежие следы войны: черные пепелища пожарищ, разрушенные бомбардировкой здания, порванные провода и вывороченные столбы, воронки от снарядов и бомб.

На дорогах, в кюветах, стояли брошенные, обгоревшие автомашины, орудия, разбитые повозки, а рядом с ними валялись убитые лошади.

Сеет и сеет мелкий холодный дождь.

И не дождь даже, а сырая промозглая мгла, каплями оседающая на землю.

Хуже нет такой погоды.

Набухает обмундирование, вещмешок становится тяжелым.

Сырость проникает за ворот. Из грязи не вытянешь ног. Ноют старые раны.

Как выходили войска 11-й гвардейской армии к реке Неман показано на схеме на стр. 166.

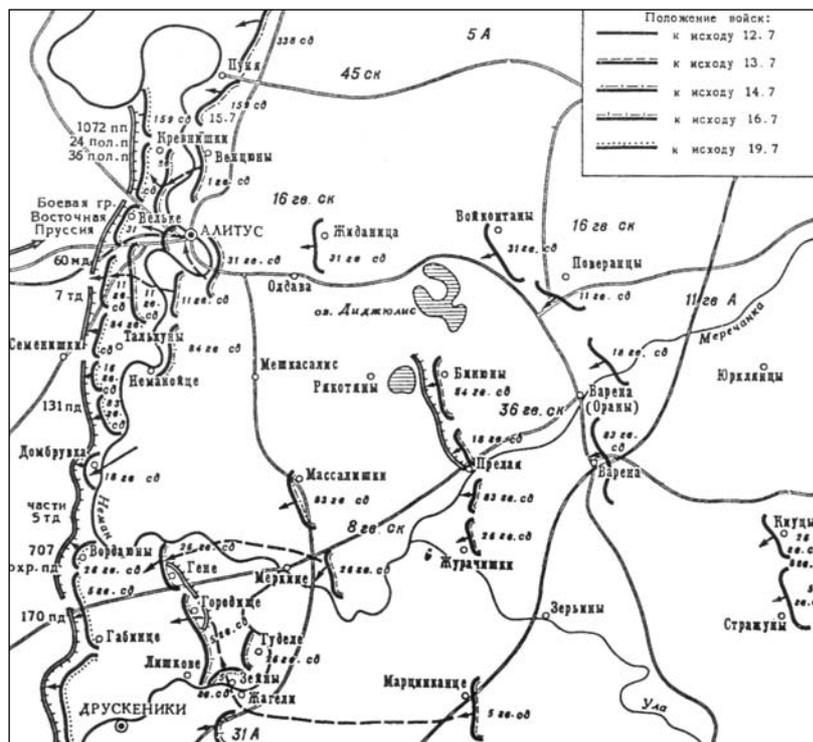
Из схемы на стр.166 видно, что к исходу 12 июля 1944 года части 31-й гвардейской дивизии, действующей на правом фланге армии (Жибаница), находилась в 3-5 км от реки Неман.

Соединения же, наступавшие на левом фланге, несколько отстали. Некоторым из них предстояло пройти до реки еще 30-50 км.

Не укладывались в график движения и подразделения 84-й дивизии.

Ночью 12 июля подполковник Демченко Я.М. объявил, что нашей дивизии приказано развивать наступление в направлении Варны (Орана), Бинюны, Немановце (южнее Алитуса).

Яков Иванович передал, что в целях обеспечения быстрейшего выполнения боевой задачи, нам приказано сформировать передовой отряд.

Выход войск 11-й гвардейской армии к реке Неман и форсирование её.

Отрядному приказано захватить переправу в районе населенного пункта Неманицы, овладеть плацдармом на западном берегу реки и удерживать его до подхода главных сил дивизии.

В соответствии с приказом дивизии подполковник Демченко Я.М. сформировал отряд на базе 3-го стрелкового батальона (комбат-3 — гвардии майор Дружинин).

Далее подполковник Демченко Я.М. определил порядок движения главных сил полка.

Вслед за передовым отрядом двигалось походное охранение, в его состав выделялся 2-й стрелковый батальон. Батальон в своем составе имел только две стрелковые роты, да и то каждая неполного состава.

С походным охранением было приказано находиться мне. Батальоном командовал капитан Бердников И.И.

С колонной главных сил (стрелковый батальон, штаб полка, артиллерия и приданные части) следовал сам командир полка.

Начальник тыла возглавлял колонну тыла.

Пользоваться радиосвязью было разрешено только на прием.

В назначенное время полк начал движение к реке. Исключение составляла колонна главных сил, которая задержалась из-за неготовности к движению материальной части полковой артиллерийской группы.

В ходе марша передовой отряд столкнулся с арьергардом противника, ввязался в бой и был вынужден отклониться от намеченного маршрута.

Затем майор Дружинин изменил район десантирования и вывел отряд не к Неманицам, а в 2 км северо-восточнее.

Об этих изменениях нам было неизвестно.

Колонна главных сил продолжала движение в направлении Неманиц.

После обильных дождей резко наступило потепление. На землю опустился сплошной туман. Видимость была практически нулевая.

В начале марша перед нами долго маячил хвост какой-то колонны. Я был уверен, что это идет передовой отряд майора Дружинина.

Позже колонна пропала. В воздухе чувствовался запах реки. Утром 15 июля дорога вывела нас к самой реке.

В тумане с трудом были видны контуры понтонного моста.

В начале мелькнула мысль: как передовой отряд Дружинина мог так быстро навести мост? Но факт был на лицо, перед нами был реальный мост.

Уверенные в том, что передовой отряд все же шел по указанному маршруту, и что он захватил или навел мост, мы спокойно перешли по нему.

Хорошо помню, что в некоторых понтонах моста увидел спящих людей, укрытых пятнистыми плащ-палатками.

Так в сплошном густом тумане две роты походного охранения спокойно перешли на западный берег реки Неман.

Перейдя реку, вместе с капитаном *Бердниковым И.И.*, начали разбираться с обстановкой.

В первую очередь ориентировались на местности.

На ближайшем перекрестке дорог увидели немецкую указку — «Неманицы» и «Моргушки». Значит вышли в тот район, куда было приказано.

Приказал комбату Берникову И.И. по дороге на Моргушки выслать разведку.

Разведчики в этом районе батальона Дружинина не нашли.

Вдоль берега обнаружили открытые траншеи и убежища. Роты заняли их. Правда бойницы были обращены на восток.

Начался, как-то очень робко, рассвет.

Туман медленно опускался на землю.

Прошло немного времени, вдруг на реке началась стрельба, слышались взрывы, раздались крики.

На берегу, слышу, кто-то кричал: «Смотрите! Смотрите! Немцы плывут».

Выбежал на берег и увидел, как по реке плыли понтоны. Это были части моста.

Того самого, по которому час назад мы спокойно переходили на западный берег реки.

Было видно, как с понтонов стреляли немецкие солдаты.

С противоположного берега по плывущим понтонам стреляли наши.

В книге генерала Н.К. Галицкого «Годы суровых испытаний» на стр. 563 сказано, что 15 июля немцы взорвали свой понтонный мост у деревни Неманицы.

Видимо разговор шел об одном и том же событии, об одном и том же мосте.

Вернулись высланные по дороге на Неманицы разведчики. Капитан Бортников доложил, что к реке движется немецкая колонна. Примерно более батальона. А также слева от нас немцы заняли траншеи по берегу реки и ведут интенсивный огонь по его зеркалу.

Правее нас тоже на западном берегу был слышан огневой бой.

Было видно, что все попытки подразделений дивизии форсировать реку и переправиться к нам на плацдарм успеха не имели. Видимо мешал плотный огонь противника, да и переправочные средства не подошли.

Скоро нам пришлось отражать атаки противника, подошедшего к реке.

Обстрел наших позиций усилился.

Появилась немецкая авиация.

В завершении всего загорелся сушняк кустов, росших вдоль берега. Мы оказались в огненном кольце.

Далее произошли события, правда местного масштаба. Но дело в том, что освещались они в разных источниках по разному.

Выше уже отмечалось, что зеркало реки противник обстреливал очень интенсивно. И вдруг, часам к 14-15 15 июля у нас на плацдарме появился не кто иной, как командир дивизии гвардии генерал-майор Петерс Г.Б.

До сих пор не могу понять, как он благополучно переправился через Неман. Причем сумел комдив это осуществить на небольшой лодочке-распошонке.

Но факт остается фактом. Генерал был здесь. Начал сразу же давать указания, требовать от нас активных действий, обвинял в бездействии, ругался.

А что в столь тяжелых условиях можно было сделать? Здесь не до жиру, быть бы живу. Конец этого дня был печален.

Где-то во второй половине дня, 15 июля 1944 года, огонь немцев еще больше усилился. Мы с генералом стояли в траншее на моем наблюдательном пункте.

В какой-то момент раздался сильный взрыв – снаряд разорвался рядом, прямо на бруствере окопа.

Инстинктивно я присел в траншею и зажмурился. Через пару минут пришел в себя, стряхнул песок, протер глаза.

И первое, что я увидел, это на дне окопа — генеральские штаны с лампасами, сапоги со шпорами. Дальше валялась генеральская фуражка с большой дырой. Верхняя часть тела была засыпана песком. Сразу же, вместе с капитаном Бердниковым И.И., подняли Георгия Петровича. Весь он был забрызган кровью. Особенно пострадала его голова.

Меня просто передернуло всего — в затылочной части головы торчал осколок.

Но был Петерс бодр, энергичен. Не стонал и не охал. А ругался.

Первое, что он потребовал, — «Врача!»

А где его взять?

Нашелся ротный санитар. Девчонка с санитарной сумкой, в которой были только индивидуальные пакеты и, почему-то, пинцет.

Генерал приказал — «Тяни осколок!!»

Санитарка пыталась возражать. Даже всплакнула немножко. Боялась. Все же генерал.

Но все же генерал был непреклонен.

Выпил он добрую половину фляжки водки, лег на дно окопа. «Операция» началась.

Надо сказать, Георгий Петрович не издал ни одного звука. Только стучал шпорой о шпору.

Осколок благополучно вытянули. Сделали перевязку. Комдив сказал: «Спасибо». Санитарку поцеловал в губы и вручил медаль «За боевые заслуги».

Нас же комдив предупредил, чтобы об его ранении никому не сообщали.

Так эти события запечатлела моя память. Однако, вместе с тем, имеется и другое их толкование и несколько другие детали события.

Так в книге «По призыву Родины» на стр. 342 авторы отмечают, что комдив был ранен 20 июля.

Но как известно, к этому времени 20 июля части дивизии вели бои уже далеко западнее берега реки.

Далее, в ходе работы над «Воспоминаниями», мы встретились с сыном генерала Петерса Г.П. – Петерсом Б.Г.

Он сказал, что в записях отца есть слова о том, что ранен он был в голову прямо на берегу Неман, непосредственно при форсировании реки.

Таким образом имеются три варианта.

Какой же реальный? Более правдивый?

Как бы там не было, война катилась своим чередом. События не стояли на месте.

Вслед за батальоном 247-го полка пошли на переправу главные силы этого полка.

Затем, здесь и на участке, где высадился передовой отряд дивизии, стали переправляться 243-й и 245-й гвардейские стрелковые полки.

Преодолевая упорное сопротивление противника, наступающие полки овладели Неманицами и Толькунами (см. схему на стр. 166).

К исходу 16 июля плацдарм был закреплен, но противник не оставлял попыток сбросить переправляющиеся подразделения в реку и по-прежнему контратаковал их, вводя в бой все новые и новые части.

Так в ночь на 16 июля и в первой половине дня части дивизии отбили девять контратак противника.

Обстановка на плацдарме была крайне тяжелая. Подразделения несли потери.

16 июля 1944 года во второй половине я был ранен. Ранение оказалось легким — касательное, пулевое. Но в госпиталь меня все же отправили.

Совсем недавно нашлась моя старая престарая медицинская книжка. В ней было сказано: *«16.07.44 г. госпитализирован в армейский госпиталь. Диагноз и локализация не указаны».*

Имеется также запись из выписки 21-го отделения 3 ЦВКГ им. А.А. Вишневого (14.01.87 г.) о наличии у обследуемого (Штрик С.В.) окрепших кожаных рубцов обеих подлопаточных областей правого плеча».

Это как раз: одно ранение у Вереи, а второе — на реке Неман.

В госпитале я пробыл до 28 июля 1944 года.

За это время 84-я гвардейская стрелковая дивизия и ее славный 247-й стрелковый полк вели ожесточенные бои по расширению плацдарма.

С овладением нашими войсками деревней Толькуны, противник утратил возможность артиллерийского воздействия на переправу у Неманиц.

В ночь на 18 июля и весь последующий день бой продолжался с прежней ожесточенностью.

Вместе с тем, все больше становилось ясным, что подразделения дивизии очень остро ощущают недостачу боеприпасов, горючего. Дает знать неуккомплектованность частей и подразделений.

Командование же армии и корпуса настоятельно продолжало требовать одного — вперед, только вперед!

19 июля части дивизии смогли продвинуться вперед лишь на 200-400 метров.

К концу же дня дивизия перешла к обороне.

Мы видим, что 20 июля противник предпринял последнюю попытку прорваться к переправе. Он яростно атаковал боевые порядки 247-го полка. И надо сказать, что батальоны полка начали медленно отходить к реке.

Только в результате мер, предпринятых генералом Петерсом Г.П. и помощи со стороны армии, атака врага захлебнулась.

Вскоре дивизию вывели в резерв 11-й Гвардейской армии, где сразу же был организован прием пополнения.

Совершив марш, наш полк 28 июля вышел в район Попадзе. В этот же район вернулся и я из госпиталя.

Вернулся и сразу же приступил к исполнению своих обязанностей.

Что касается двенадцати дней, проведенных в госпитале, то они, конечно, не шли ни в какое сравнение с днями после ранения в Верее.

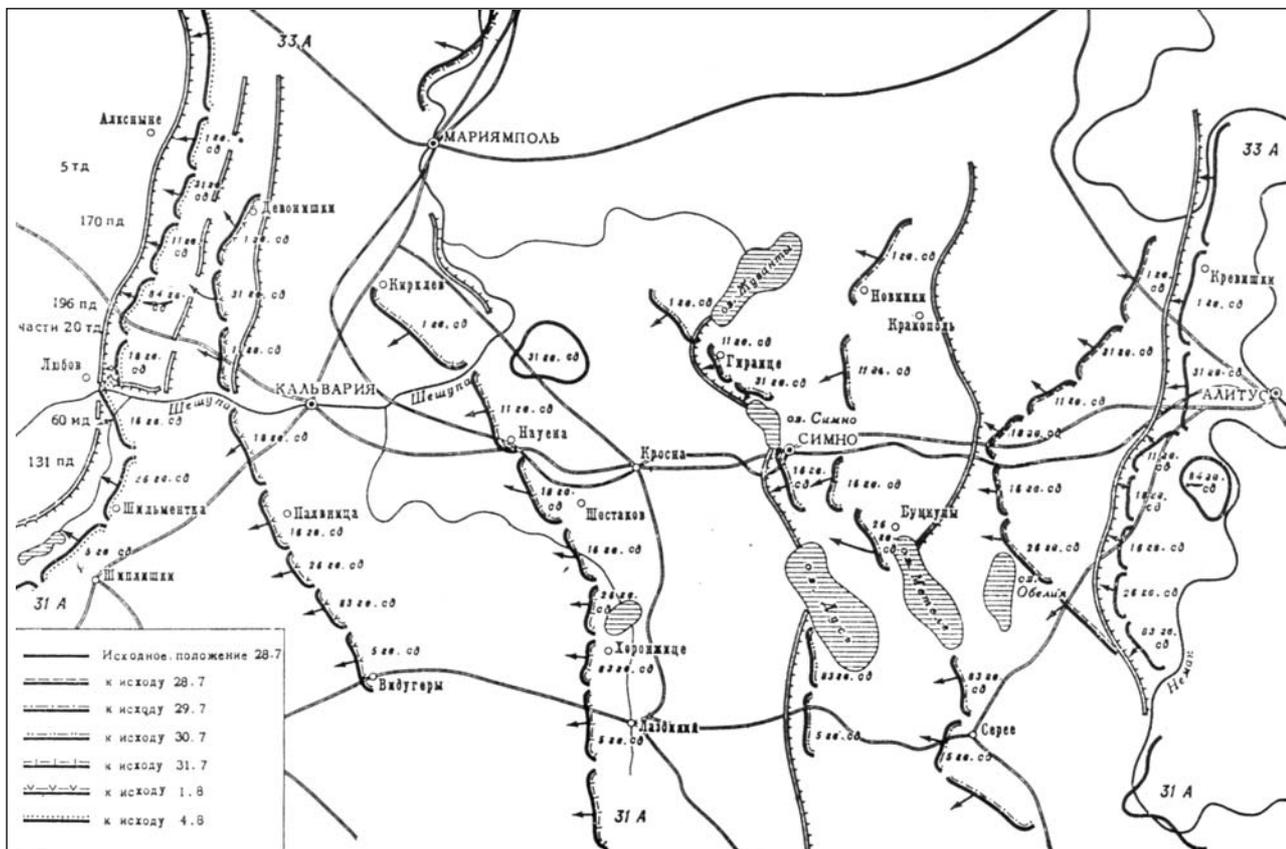
Ранее, пулевое, было касательным и особых хирургических вмешательств не потребовались.

Приятное впечатление осталось от встречи после возвращения с гвардии подполковником Демченко Я.М. и офицерами штаба полка.

С ходу пришлось окунуться в дело. Было ясно, что в самое ближайшее время нам предстояло решать сложные задачи.

Комдив на совещании 31 июля ориентировал нас о том, что соединения предстоит в августе участвовать в наступательной операции с целью выхода к приграничному укрепленному рубежу врага, западнее небольшого городка Кальвария.

О том как шло наступление показано на схеме снизу.

Наступление войск 11 гвардейской армии с неманского направления.

На этом же совещании гвардии генерал-майор Петерс Г.П. подчеркнул, что противник оказывает ожесточенное сопротивление. Это объясняет, прежде всего тем, что за его спиной — Восточная Пруссия.

Бросая в бой все новые и новые силы, маневрируя своими резервами, фашистское командование стремиться не допустить выхода наших войск к последней цитадели своего государства.

События развивались стремительно.

В результате последующих боев, войска 11-й Гвардейской армии, прорвали промежуточный оборонительный рубеж противника восточнее города Симно, что западнее Алистуса.

В конце июля наши войска вышли к занятому врагом рубежу обороны по линии озер: Жуванты, Симно, Дус (см схему на стр. 170).

Враг упорно сопротивлялся. Опираясь на укрепления, он пытался остановить наши части массированными ударами артиллерии, авиационными налетами и контратаками пехоты и танков.

Но все же, несмотря на столь ожесточенное сопротивление, войска армии прорвали очередной рубеж обороны противника и 31 июля овладели городом Кальвария.

В этот же день наш 247-й полк сосредоточился восточнее этого города в ожидании приказа о дальнейших действиях.

И действительно, вскоре дивизия получила приказ о передислокации в новый район. Полк к исходу 2 августа сосредоточился в лесу южнее Кумеце.

Рубеж, к которому мы подошли, строился противником длительное время. Бои предстояли тяжелые.

В течении ночи два полка дивизии провели разведку боем.

А утром 3 августа, после 20-минутной артподготовки, части дивизии перешли в наступление.

С целью развития наступления наш 247-й стрелковый полк был введен в бой, но Серьезных успехов добиться мы не смогли.

Вскоре противник подтянул свежие силы и предпринял сильную контратаку.

Упорные бои продолжались целый день.

В ходе боев командир 36-го гвардейского стрелкового корпуса приказал приостановить наступление и произвести перегруппировку.

Настало некоторое затишье.

Но надо сказать, что затишье продолжалось недолго.

Уже 5 августа, как помнится, бои возобновились с прежней силой.

В ходе боя 247-й гвардейский полк сумел овладеть рубежом западнее Александрово.

На следующий день противник постарался выбить нас с этого рубежа.

Как помню, полковой наблюдательный пункт был развернут на западной окраине поселка Александрово. К высоте шла широкая лощина.

После артиллерийской подготовки и сильного авиационного удара, немцы пошли в атаку. По лощине наступало свыше батальона и 5-6 танков.

Было хорошо видно, что наш батальон развернутый в центре боевого порядка полка, дрогнул и начал медленно пятиться назад.

Оценив обстановку я предложил командиру полка: «Михайлыч! Как ты думаешь, а не пора ли нам сменить наш НП?»

Демченко Я.М. усмехнулся и сказал: «Сергей! Ты ту чудесную кинокартину помнишь? Командир тогда сказал: Чапаев никогда не отступал! Так что ты сиди пока здесь и командуй. А я пойду и разберусь там в лощине».

И пошел. Не помню сейчас, как он там разобрался. Могу сказать, что наш батальон остановился, залег. А потом противника мы отбросили в исходное положение.

Хорошо и интересно было воевать на пару с таким командиром.

День 6 августа был последним днем активных боевых действий для 84-й стрелковой дивизии на литовской земле 1944 года.

Окончательно перейдя к обороне, полки незамедлительно приступили к строительству оборонительных соединений на рубеже Алексадрово-южное – Погружье-2.

Но не долго находилась здесь дивизия. 11 августа была выведена во второй эшелон 36-го гвардейского корпуса.

247-й полк был сосредоточен в Юризиорах в готовности к отражению атак противника.

Дивизия сразу же начала получать пополнение. Необходимо подчеркнуть, что это пополнение в боевом отношении подготовлено было плохо. Лишь треть прибывших ранее участвовала в боях, многие проживали на территории временно оккупированной врагом.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1944 года за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками при прорыве обороны немцев на реке Неман 84-я Гвардейская Карачевская, ордена Суворова стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Награды получили многие бойцы, сержанты и офицеры нашего полка.

Все мы прекрасно понимали, что логово врага уже близко. Чувствовали и четко верили в то, что близок час окончательной расплаты с немецко-фашистскими захватчиками.

9. Перед тобой логово фашистского зверя

1944 год был на исходе

Грозные силы войны подошли непосредственно к воротам Восточной Пруссии. Час расплаты был близок.

Восточная Пруссия, вот то место, где годами вынашивались идеи войны на истребление народов, их порабощение и господство фашистской Германии.

В начале октября 1944 года войска 3-го Белорусского фронта и в их составе 11-я гвардейская армия, находилась в 15–30 км от границ Восточной Пруссии.

В общем-то километров не много. Но какие это были километры!..

Что ждало нас там — в Восточной Пруссии? Знали мы, что на ее территории имеется большое количество озер, рек, болот и каналов. Восточная Пруссия изобилует густой сетью населенных пунктов с крепкими каменными постройками.

Все это, естественно, облегчало противнику создание устойчивой обороны.

В течении десятилетий гитлеровцам удалось заблаговременно создать несколько современных укрепленных районов, связав их системой полевых позиций.

Одновременно не были забыты и старые крепости, значительно модернизированные и усовершенствованные.

Вдоль государственной границы, по берегам рек Шешупе, Шервинте, Шеймена был оборудован передний край приграничной зоны обороны.

Таким образом, вся территория Восточной Пруссии, начиная с государственной границы, была превращена в мощный укрепленный район.

Необходимо было учитывать и погодные особенности театра военных действий.

Погода же, особенно в январе, феврале и марте была для нас чрезвычайно неблагоприятной. Большинство дней были облачными. Часто выпадали осадки в виде снега и дождя. Морозы сменялись оттепелями с довольно устойчивыми туманами.

Эти погодные особенности приводили к тому, что наши войска вынуждены были нередко наступать без поддержки авиации. Артиллерия не могла работать на полной эффективности.

Все эти и другие особенности данного театра военных действий широко использовались противником при создании сильной обороны всей территории Восточной Пруссии.

Вместе с тем, эти особенности театра, естественно, вызвали большую тревогу за успех предстоящих боев советских войск.

Но несгибаемый лозунг: «Наше дело правое. Победа будет за нами» вселял в сердца добрые надежды.

Всегда был у меня в памяти тот пример, когда еще в 1941 году под Боровском (70 км западнее Москвы) на немецкой указке дорог было отмечено: «До Берлина ... км.», наш солдат куском штукатурки написал: «Ни хрена. Дойдем».

Вот и дошли.

Ко времени получения задачи на наступление, 11-я гвардейская армия оборонялась на рубеже Держенске (12 км юго-западнее Вилкавишиса), Круглево–Кмесло, Россь (см. схему на стр. 177).

84-я гвардейская дивизия была во втором эшелоне армии.

Полки дивизии размещались в районе местечка Юргизиоры (северо-восточнее Круглево–Кшесло).

Наш полк пополнялся личным составом, вооружением и техникой.

Здесь же штаб полка организовал на учебном полигоне боевую подготовку подразделений, совершенствовались науку войны.

Припоминаю, что основное внимание уделялось занятию исходного положения для атаки, преодолению минных и проволочных заграждений врага.

Отрабатывалась на местности, также, стремительная атака противника, блокирование его дзотов и дотов, уничтожение их гарнизонов.

Мы предложили командиру полка уделить особое внимание отработке действий мелких групп ночью, ведению рукопашного боя в траншеях, закреплению на захваченных рубежах и отражению контратак пехоты и танков противника.

Яков Михайлович полностью нас поддержал и внес много целесообразных предложений.

О тех временах у меня осталось одно довольно странное воспоминание занятия, как в ротах, так и в батальонах вызывали искренний интерес у рядовых солдат и младших командиров.

В моей многолетней практике организации боевой подготовки это встречалось не часто.

Мы постарались в каждом батальоне создать по две-три штурмовые группы. Чаще всего, в их состав включали: стрелковый взвод, отделения станковых пулеметов, сапер, огнеметчиков, химиков.

Эта группа усиливалась двумя 45 мм орудиями, взводом батальонных минометов, одним-двумя танками и самоходными орудиями.

В руках командира полка такая группа была довольно ощутимой силой в бою. Надо сказать, что штабу полка работы хватало с лихвой.

Трудились мы вместе с начальниками родов войск и служб. Особенно продуктивной была работа с начальником артиллерии полка гвардии-майором Фурманом А.Л.

Под руководством штаба дивизии разработали план ротных и батальонных тактических учений с боевыми стрельбами.

Штабом полка проводилась также большая работа по организации контроля подготовки к боям материальной части. Была организована проверка оружия, его пристрелка. Тщательно подгонялось снаряжение, ремонтировался транспорт, создавались запасы боеприпасов, продовольствия, фуража.

Задачи, которые приходилось решать нашему штабу в эти дни, ничем не отличались от тех, какие решались нами ранее.

Казалось бы — задачи, как задачи.

Но это так — внешне. Как бы в теоретическом плане.

А на деле было иначе, сложнее.

Например, видимо не полностью веря в наши (штаба) силы, штаб дивизии, а то даже и штаб 11-й гвардейской армии, иногда брали планирование боевых действий подразделений полка на себя.

Это подчас приводило к нестыковке, дублированию, созданию ненужных сложностей. А исправлять-то нужно было конечно нам.

Или взять организацию взаимодействия частей полка с частями приданных танковых и артиллерийских войск.

Новое заключалось в том, что нужно было согласовать наши действия с 77-м тяжелым танковым, 348-м тяжело-самоходным артиллерийским полком, двумя дивизионами 186-го гвардейского артиллерийского полка. Одно количество частей говорит само о себе.

Прежде всего, это громадный объем работы. Кроме того, раньше мы никогда не работали вместе с такими частями. Мы просто не знали, какова их организация, каковы возможности, что они могут. Как им помочь, что от нас требуется, какие документы мы должны отработать и т.д.

Или еще — в полку появились авиационные наводчики. Раньше мы с ними не встречались.

При этом возникало много вопросов: как с ними работать, что от нас требуется, где их размещать и прочее.

В общем, сложностей в работе штаба было немало.

Хочется подчеркнуть, что подготовка к решающим действиям по разгрому врага проводилось целеустремленно и планомерно.

Утром 12 октября командир дивизии гвардии генерал-майор Петерс Г.Б. собрал командиров частей и их начальников штабов.

Генерал доложил, что 11 октября дивизия получила боевой приказ 11-й гвардейской армии о подготовке к прорыву обороны противника. Определены конкретные задачи войскам.

Как мне удалось запомнить, существо приказа сводилось к следующему.

Обороняясь частью сил на флангах, армия своей ударной группировкой прорывает оборону противника на участке Ольвита (юго-западнее Вилкавишкиса) - Крулево - Кшесло (по фронту 10 км), наносит главный удар в направлении Шапкина, Кулигишки, Вальтеркемен и во взаимодействии с соседом справа (5-й армией) уничтожает сначала шталлупенскую группировку противника, а затем, выйдя на рубеж реки Роминте, овладевает рубежом Сумбинен, Гольдап.

Эти задачи хорошо можно рассмотреть на схеме на стр. 177.

Помнится, генерал доложил о том, что наша 84-я гвардейская дивизия переходит в наступление на участке Сталоеки-Кулево-Кшесло (2,5 км), нанося главный удар в направлении Куличишки.

Правее нас в направлении севернее Куличишки должна была наступать 31-я гвардейская стрелковая дивизия.

Левее — 11-я гвардейская стрелковая дивизия получила задачу обороняться на фронте 11 км.

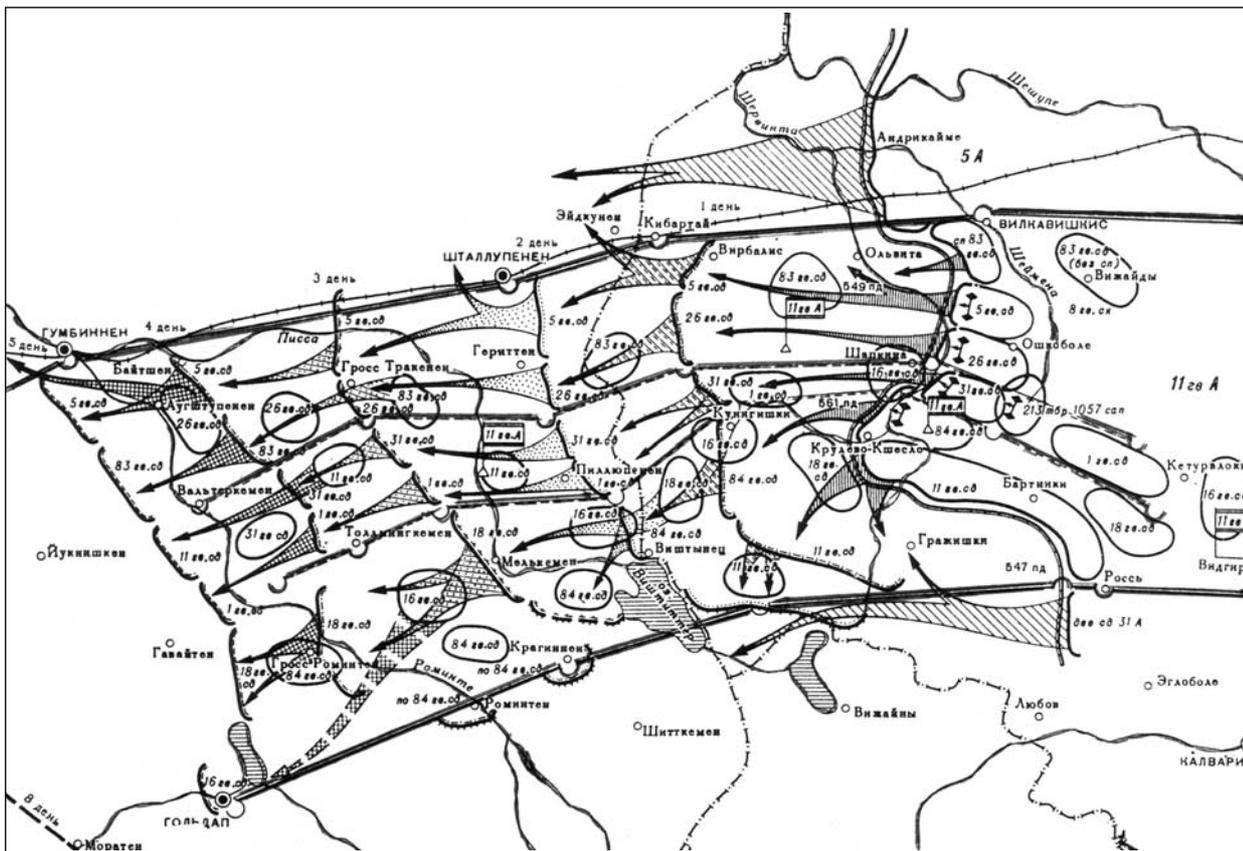
Комдив подчеркнул, что он поставил все три стрелковые полки в одну линию.

Главный удар дивизии намечалось нанести своим правым флангом.

Наступающему здесь нашему 247-му полку поручалось прорвать оборону врага на рубеже: брод, сад маслозавода, а затем наступать в направлении церкви в Куличишки.

Подготовка к наступлению завершалась...

12 октября командование и штаб полка заняли наблюдательный и командный пункты.

План наступательной операции 11-й гвардейской армии.

В ночь на 15 октября, совершив марш, два стрелковых батальона нашего полка, сменили подразделения 11-й дивизии, заняли исходное положение для атаки в 200 метрах от переднего края немцев.

Наступала последняя ночь перед наступлением...

Сколько раз приходилось переживать эти часы, минуты.

Думалось: как завтра сложится обстановка, как там противник, как наши войска, какова погода и т.д. Разве все упомянешь, все предусмотреть.

Утром 16 октября штаб дивизии проинформировал, что перед соседом справа ночью была проведена разведка боем.

Разведка показала, что противник не отвел свои войска и по-прежнему занимает главную полосу обороны.

Помню, погода в то утро была пасмурная. Облака цеплялись за верхушки деревьев. Густой туман стелился по лощинам. Видимость крайне ограниченная.

Но не смотря на это, в 9 часов 30 минут 16 октября 1944 года раздался залп гвардейских минометов — знаменитых «Катюш».

Над нашими головами в сторону вражеских позиций с шелестом понеслись огненные стрелы. Воздух сотрясали мощные взрывы.

Вслед за этим началась артиллерийская подготовка.

На полковом наблюдательном пункте нам хорошо было видно, как оборону врага накрыла сплошная полоса разрывов. Мы видели как в воздух взлетали обломки блиндажей, техники, тела вражеских солдат.

После короткого перерыва вновь загремели орудия. Это артиллерия вела огонь на разрушение сооружений врага, а затем внезапно перенесла его вглубь вражеской обороны.

Прорвав в своей полосе оборону врага, полк к концу дня вышел к местечку Кунчишки. Этот населенный пункт противник заранее подготовил к обороне. Здесь сходились четыре шоссе. С востока его прикрывала река Занила.

С наблюдательного пункта было хорошо видно, что господствующие над местностью высоты, были опоясаны противником траншеями с проволочными заграждениями.

По информации начальника разведки подполковника Андреева, в этот район противник подбросил новые подразделения пехоты и группу самоходной артиллерии.

Встреченные сильным пулеметным огнем противника на подступах к Куничишкам, наши наступающие батальоны были вынуждены залечь.

Где-то 21.00–22.00 позвонил командир дивизии.

Трубку телефона взял я.

Как ни странно, но разговор состоялся в весьма мирных тонах, спокойно.

Генерал приказал направить наш гвардейский полк в обход Куничишек с севера. Одновременно он сказал, что 243-й гвардейский полк, совместно с одним дивизионом и одним самоходно-артиллерийским полками обходят Куничишки с юга, создавая угрозу окружения противника.

Вскоре, благодаря этому умелому маневру и местному взаимодействию танков, мотострелков и артиллерии, эти Куличишки были взяты.

Помнится, что в бою отличился адъютант 1-го стрелкового батальона полка гвардии старший лейтенант *М.А. Ломанов*.

Хорошо помню, как он умело обеспечивал управление подразделениями батальона в бою, а в самый ответственный момент принял на себя командование батальоном.

Дело в том, что Миша Ломанов был моим «крестником». Кажется, месяц тому назад, рекомендовал я командира взвода Ломанова М.А. на должность адъютанта батальона.

И видимо не ошибся тогда.

Во время боя за Кулиничишки авиация противника нанесла сильный удар по тылам нашего полка.

Начальник тыла полка доложил, что в тыловых подразделениях есть убитые и раненые.

Судя по тому тону, как докладывал начальник тыла, положение там у них было непростое.

Командир полка приказал мне отправиться в расположение тыла и разобраться в обстановке.

На месте понял, что тыловик видимо немного переволновался и помощи им не требуется.

Но в тылу я был свидетелем мужественного поступка простого рядового красноармейца.

Как выяснилось, от взрыва одной из вражеских бомб загорелась повозка, в которой находились документы и знамя нашего полка.

Охранявший знамя гвардии рядовой А.Л. Панькин, несмотря на полученную контузию и сильный ожог, невзирая на продолжавшуюся бомбардировку и пулеметный обстрел, бросился к повозке, выхватил из огня знамя и большую часть документов, спас их.

Разгоревшийся 17 октября бой за третьей траншеей, был скоротечен.

Решающую роль здесь сыграли действующие с нами два тяжелых танковых полка.

После часовой артиллерийской подготовки наш полк возобновил наступление в направлении города Выштынец. Через город проходили пути отхода войск противника.

Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. Контратаки врага следовали непрерывно. И все же под натиском наших частей, противник вынужден был отходить.

Постепенно, бои подступали вплотную к Государственной границе Пруссии.

Теперь уже простым глазом была видна земля Восточной Пруссии.

Все вокруг горело.

В дымовой гуще сверкали пушечные залпы, воздух содрогался от гула авиационных моторов.

Хорошо было видно как снаряды и бомбы сметали с лица земли вражеские блиндажи и дома, уничтожали наблюдательные пункты, градом осколков засыпали траншеи противника.

Непосредственно на участке наступления полка, границу Восточной Пруссии гряды сильно укрепленных высот.

Каждую высотку приходилось брать с боями.

Утром 18 октября после короткого, но мощного артиллерийского налета, батальоны устремились в атаку.

До сих пор помню этот по истине знаменитый факт: в 14 часов первым перешел границу наш 247-й гвардейский стрелковый полк, за ним в 14 часов 30 минут — 243-й полк, а спустя 10 минут — 245-й полк.

В числе отличившихся в тот день, как мне запомнилось, был гвардии лейтенант Студзинский А.Н.

Командуя минометной ротой полка, он обеспечил уничтожение в короткий срок более 20 огневых точек врага и подавление огня трех минометных батарей, четырех противотанковых орудий.

В этом бою смело действовал гвардии старший сержант минометной батареи Старостенков Н.Я.

При бое на границе также отличились: командир 1-й стрелковой роты гвардии капитан Худонин, комсорг той же роты Демкин, гвардии сержант Самойлов и многие другие.

Еще до переноса боевых действий на территорию Восточной Пруссии, командир нашего полка гвардии майор Демченко Я.М. неоднократно обсуждал с заместителями, командирами подразделений, политработниками возможный характер предстоящих событий.

Запомнилось — как он настойчиво требовал разъяснить личному составу подразделений нормы поведения воинов на новой для нас территории.

Помню как Яков Михайлович подчеркивал, что мы приходим в Германию не жечь, грабить и убивать мирных жителей.

Наша цель — уничтожить фашизм, покарать фашистских преступников.

Жизнь шла своим чередом.

18 октября во второй половине дня, подтянув артиллерию, дивизия возобновила наступление.

Сбивая арьергарды противника и отражая его контратаки, наши батальоны к исходу дня вышли южнее населенного пункта Пиллюценей.

Это достаточно ясно можно увидеть на схеме на стр.177.

Подразделения полка 19 октября подошли к реке Писса.

К концу того же дня командир 3-го батальона гвардии капитан Соколов В.И. доложил, что батальон форсировал реку в районе Жеманткем (севернее Мелькемена). Надо сказать, что в этом месте река имеет ширину всего 10 метров и глубину 1,5 метра.

Казалось бы: речушка не представляет особой преграды для ее форсирования.

Однако, значительным препятствием для наступающих подразделений являлись крутые обрывистые берега реки высотой 10–12 метров.

Как ни мала Писса и конечно не шла в сравнение с Березиной, ни с Неманом, все же переправа через нее оказалась для нас достаточно тяжелой.

Враг хорошо укрепил все подступы к реке, держал их под усиленным артиллерийским и минометно-пулеметным огнем, непрерывно предпринимал резкие контратаки.

И все же к концу дня наши подразделения продвинулись вперед на 5–10 км.

В ночь на 20 октября штаб обеспечил закрепление подразделениями полка тех рубежей, которые они достигли накануне.

Срочно нужно было организовывать переправу на западный берег реки Писса артиллерии, а также обеспечивать подвоз боеприпасов и осуществить разведку противника.

Погода ухудшилась. После ночного дождя весь гарнизон был затянут дымкой. Поэтому, видимо, наша авиация в полную силу действовать не могла.

Воспользовавшись этим враг усилил контратаки против наших подразделений, занимавших плацдарм на западном берегу реки Писса.

Достаточно четко помню, как весь день шел ожесточенный бой. Несколько раз пришлось побывать в первом и третьем батальонах полка.

Общими усилиями сумели добиться того, что батальоны все же перешли к более активным действиям и к исходу 20 октября продвинулись еще на 10–15 км вперед.

Наш 247-й полк, наступая на левом фланге дивизии, завязал бой на северной окраине Клмингена (этот пункт хорошо просматривается опять таки на схеме на стр.177).

Клминген — небольшой городок. В нем сосредоточен узел шоссейной и железнодорожной дорог. Отсюда противник мог контратаковать наши войска в направлении Шталлупенена.

Для овладения Клмингена был выделен усиленный стрелковый батальон нашего полка. Батальону придавались две батареи 348-го гвардейского тяжелого самоходно-артиллерийского полка.

Руководить этим подразделениями было приказано мне.

Основные же силы полка во главе с подполковником А.Я. Демченко продолжали наступление на запад.

Главные силы полка к 18–19 часам 21 октября переправились на западной берег реки Роминте, а к исходу дня перекрыли шоссе Гумбинен–Гольдал.

Времени для подготовки атаки на Клминген у нас не было явно недостаточно.

Атака сразу же захлебнулась.

Приезд к нам гвардии генерал-майора Петерса Г.П. заметных результатов не принес.

Комдив в пух и прах разнес наше решение о выполнении задачи. Он весьма нелестно отозвался о моих способностях. Пообещал «кары небесные» в случае не овладения нами этого населенного пункта, он собрался уезжать.

Но совершенно неожиданно подъехал командир 36-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Шафранов П.Г.

Он спокойно разобрался в обстановке, уточнил наше решение. По его указанию соседняя 18-я гвардейская дивизия выделила часть сил для совместного овладения Клмингеном.

В 15-16 часов 21 октября этот населенный пункт был полностью очищен от противника. Выполнив задачу усиленный батальон отправился догонять свой полк.

Через реку Роимнте мы перешли по наведенному понтонному мосту и вечером были уже «дома».

Ночью 22 октября на командный пункт полка пришел начальник разведки 84-й гвардейской стрелковой дивизии подполковник Андреев А.Н. С большим знанием дела он доложил обстановку в районе южнее Гумбинен.

На стр. 182 достаточно четко показаны боевые действия 11-й гвардейской армии 22 октября 1944.

Андреев А.Н. доложил, что по имеющимся у них данным противник к исходу 21 октября сосредоточился на флангах армии свои ударные группировки и может нанести сильный контрудар по нашим войскам.

Андреев А.Н. подчеркнул, что цель этого контрудара противника может заключаться в том, чтобы выйти к реке Роминте у Вальтеркемена, окружить войска армии, а затем разгромить их и тем самым ликвидировать прорыв на Гумбинен.

По мнению Андреева А.Н. удар противника вероятен в первой половине дня 22 октября.

Стало ясно, что по оценки командования дивизии нам следовало ожидать следующие действия группировки немцев.

Из района северо-восточнее Гумбинена (район Задвайтена) возможен удар 2-й парашутно-десантной дивизии «Герман-Геринг» и 61-й пехотной дивизии в направлении Вальтеркамена.

Из района Маттишкемена, Гросс-Тракенена вероятно будет наступать 1-я парашутно-танковая дивизия «Герман-Геринг» и 102-я танковая бригада противника.

Направление их удара, наверное, будет Вальтеркемен.

Подполковник Андреев А.Н. подчеркнул, что из района Гольдап следует ожидать удар моторизованной гренадерской бригады «Фюрер». Направление удара бригады следует ожидать на Вальтеркемен.

Для поддержки сухопутных войск противник сосредоточил на ближних к Гумбинену аэродромах значительные силы авиации.

Далее Андреев А.Н. уточнил приказ командира дивизии о наших задачах на дальнейшие действия.

Штаб полка, его подразделения, приступили к подготовке отражения ударов врага и решению поставленных задач.

Но как сейчас помню, что какое-то чувство неудовлетворенности осталось у меня лично.

Прежде всего, слишком поздно мы были информированы об ожидаемых действиях немцев. Складывалось впечатление, что наше командование не ожидало информации о сосредоточении противником столь крупных сил в такие короткие сроки.

Видимо сказывалась предвзятая оценка о возможных намерениях врага.

Решающую роль в отражении атак противника сыграла наша артиллерия.

Сил у нас было много: 44-й артиллерийский полк, 545-й танковый полк, 2-й дивизион 67-го гвардейского минометного полка и 348-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк, а также свои полковые и дивизионные средства.

Сил действительно было достаточно. Нужна была стойкость войск и хорошая организаторская работа командиров и штаба.

И надо сказать, такую организованность проявил наш наш начальник артиллерии полка гвардии майор Фурман А.Л.

Он очень умело и своевременно обеспечил перегруппировку орудий полковой артиллерийской группа на более опасные участки.

Это давало возможность стрелковым батальонам надежно удерживать занимаемые позиции.

Но все же, нужно заметить, что делали это батальоны с большим трудом, неся чувствительные потери.

Не могу не сказать о смелых действиях гвардии капитана *Панина Н.Т.* Его батарея 766 мм орудий оказывалась своевременно именно там, где создавалась наиболее критическая обстановка.

Неожиданно позвонил начальник продовольственной службы полка гвардии капитан *Никольский С.А.* и доложил обстановку в тылу.

Странно как-то писать о том, что складывающуюся обстановку докладывают часто кто-то из тыловых офицеров.

Но что же делать, если это было реально в складывающихся условиях.

Никольский А.С. доложил, что еще вчера ночью тыл полка без всяких помех перебазировался на западный берег реки Роминте.

Однако же на следующий день отдельные машины тыла пытались проехать назад к переправе на реке Роминте. По словам капитана Никольского сделать это они не могли, так как были обстреляны танками противника.

Доложивший сообщил, что вот уже час назад, практически в район тыла полка, отошли и ведет бой подразделения 243-го стрелкового полка — нашего левого соседа.

Почему в тылу нашего полка оказались эти подразделения — было неясно.

Командир полка решил, что он останется руководить подразделениями, отражающих атаки врага со стороны Гольдап.

Мне же он приказал отправиться в тыл полка: на берег реки Роминте и там разобраться с обстановкой. В распоряжении тыловых подразделений полка мы столкнулись с довольно запутанной ситуацией.

На удалении 3-4 км от уреза воды с трудом отражали удары противника подразделения 243-го гвардейского стрелкового полка (сосед слева). Там же рядом с ним оборонялась стрелковая рота нашего 3-го стрелкового батальона.

Наконец, в этом же районе мы увидели подразделения 77-го стрелкового полка — 26-й гвардейский стрелковой дивизии. Было совершенно неясно, как эти подразделения совершенно «чужой» дивизии, оказались там.

По имеющимся у нас данным эта 26-я дивизия должна была наступать западнее — в направлении Гросс-Кельпаков.

Мне удалось выяснить, что против наших войск в этом районе, кроме подразделений противника, прорвавшихся из-под Климингена, действовали еще и его свежие подразделения из гренадерской бригады «Фюрер».

Таким образом стало ясно, что немцы прорвались вдоль западного берега Ромите, сумели окружить подразделения 243-го и 247-го стрелковых полков.

С большим трудом организовали круговую оборону подразделений, которые отражали бешеный натиск противника.

Трудно было узнать немцев. Атаки следовали одна за другой.

Ожесточенные бои возрастали с каждой минутой.

В воздухе стоял сплошной гул артиллерийского огня.

Батальонная, полковая и дивизионная артиллерия вела ураганный огонь, расстреливая вражеские танки прямой наводкой.

Прямо перед нашим наблюдательным пунктом, то там, то тут вспыхивали рукопашные схватки, разгорался гранатный бой.

Давно мы не переживали такого ожесточенного боя.

В памяти, как-то полыхнули воспоминания боев под Духовщиной, под Вязьмой, в лесах восточнее Серпухова.

Смешалось понятие где там тыл, а где — «передок». Давно такого не было, чтобы штабники дрались вместе с ротами. Шел бой в окружении.

Медленно батальоны все же пробивались к реке.

Большие потери нес и противник. Но и у нас потери были тоже большие.

Под ударами врага, батальоны полка, действующие на Гольдапском направлении, отошли на 3-4 км. Части же наших подразделений, оборонявшиеся на южном участке, прорвались из окружения, переправились на восточный берег Ромите, где и заняли рубеж обороны.

Надо сказать, что обстановка на реке Ромине в те времена была весьма и весьма сложной, противоречивой.

Поэтому рассказывать о ней в наше время, более чем через полвека, оказалось делом весьма трудным.

Вполне понятно, что чувства притупились, события поистерлись. Поэтому хотелось еще раз проверить себя, правдиво восстановить в памяти те прожитые события.

Во-первых, еще и еще раз взяться за свою память (самое ненадежное доказательство). Заставил себя разложить все события тогдашних лет по полочкам, что-то уточнить, что-то отбросить.

Надо сказать — результат оказался положительным.

Во-вторых, подвернулся случай. В декабре 2001 года участники обороны Москва собрались в Мэрии города. Там я встретился с Петром Григорьевичем Яновским.

Яновский П.Г. — генерал-майор в отставке. С ним мы долгие годы вместе работали в Академии Генерального штаба на кафедре Оперативного искусства. Хорошо знали друг друга. Беседуя в здании мэрии, я в разговоре посетовал на трудности в завершении моих воспоминаний.

Выяснилось, что в боях за Восточную Пруссию Петр Григорьевич, в частности в ходе боев на реке Ромите, воевал в составе 11-й гвардейской стрелковой дивизии.

Был он тогда начальником штаба дивизии.

П.Г. Яновский хорошо помнил бои на реке Ромине. У него даже сохранились записи о тогдашних боях. Эти записи Петр Григорьевич любезно позволил мне использовать в работе.

Забегая несколько вперед (есть у меня такой недостаток — каюсь), необходимо сказать, что на исходе боев за город Кинесберг, Петр Григорьевич Яновский по приказу командования армии ходил парламентером в логово врага на командный пункт генерала Лаша.

Генерал Лаш был комендантом крепости Кинесберг. И в капитуляции гарнизона города-крепости была большая заслуга генерал-майора Яновского П.Г.

В-третьих, внимательно изучил и проанализировал содержание книги генерал-полковника К.Н. Галицкого «В боях за Восточную Пруссию» и книги Ю.В. Виноградова и С.М. Широкова «По призыву Родины».

Все это помогло, как мне кажется, правильно достаточно объективно дать оценку боям в районе реки Роминте в октябре 1944 года.

Однако, события развивались дальше.

С большим опозданием нам стало известно, что к концу 21 октября решением командующего армией на Гольдапском направлении были задействованы 5-я и 18-я гвардейские дивизии.

К 18 часам 22 октября, перегруппировав свои силы, 84-я дивизия вновь атаковала противника и после тяжелого боя к исходу дня восстановила положение.

Наш 247-й полк получил приказ занять населенный пункт Иоджи и перерезать дорогу юго-западнее Гросс-Гуделина (см. схему на стр. 182).

Очень тяжелые, упорные бои продолжались весь день 23 октября. В ходе этих боев батальоны полка продвинулись на юго-запад на 4 км и овладели участком шоссе на Деканен.

И все же, несмотря на столь безрадостную обстановку, надо сказать, что в результате своевременных принятых мер нашим командованием и отличных смелых действий войск, противник не достиг своих целей.

Его ударные группировки не соединялись. Вольтеркемен остался в руках гвардейцев. Лишь на флангах ударных группировок врагу удалось продвинуться на 5-6 км.

Вместе с тем в следствии серьезных наших потерь, из-за отсутствия резервов для наступления и недостойного обеспечения боеприпасами, мы получили приказ о переходе к обороне.

Во второй половине дня 23 октября на всех участках фронта начался организованный отход войск армии на оборонительные рубежи.

Наши усилия, наши потери не прошли даром. Боевые действия войск 11-й гвардейской армии в Восточной Прусской операции были высоко оценены Верховным Главнокомандованием.

За образцовое выполнение приказа по прорыву долговременной обороны противника в приграничной полосе и вторжении в Восточную Пруссию, 2 октября 1944 года Москва салютовала войскам 3-го Белорусского фронта 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

*Генерал-майор
Яновский П.Г.
Начальник штаба
11-й Гвардейской
дивизии.*

В числе отличившихся частей и соединений упоминалась и наша 84-я Гвардейская стрелковая дивизия.

Многие из ее воинов получили высокие государственные награды. Среди награжденных была и моя фамилия.

К исходу первой недели боев на подступах к Восточной Пруссии и на ее территории части дивизии нанесли противнику большие потери.

По имеющимся у меня данным и наши потери тоже были немалыми. Смертью храбрых пало на бое 455 бойцов и командиров, более 2300 человек было ранено.

В ночь на 24 октября, сдав полосу наступления частям 26-й Гвардейской стрелковой дивизии, 84-я Гвардейская вышла из боя и сосредоточилась в районе Макушиткен, а следующей ночью — 25 октября — сменила на боевых позициях 58-й Гвардейский стрелковый полк 19-й гвардейской дивизии в районе озера Голдапер (схема на стр. 182).

Наш 247-й полк занял оборону в 2 км западнее города Гольдап.

Как всегда штаб полка принял срочные меры по организации пулеметного и артиллерийского огня, созданию на переднем крае обороны минных полей. Организовали командный и наблюдательный пункты.

В последующие дни на этом участке фронта шли бои местного значения.

К вечеру 27 октября командир 84-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майор Петерс Георгий Борисович был отозван в распоряжение штаба 11-й Гвардейской армии, а вместо него назначен гвардии генерал-майора Щербина И.К.

Истинные причины «вывода» Георгия Борисовича в распоряжение штаба армии нам известны.

Я был случайным свидетелем происшествия, которое произошло несколько месяцев тому назад.

**Гвардии
генерал-майор
Щербин
Иван Кузьмич.
Командир
84-й гвардейской
стрелковой дивизии.**

Как я уже писал выше, у меня было и осталось весьма положительное мнение о комдиве Петерсе Г.Б.. Поэтому не мне давать оценку гвардии генерал-майору, человеку смелому, решительному.

Что же касается Ивана Кузьмича Щербина, то до назначения в нашу дивизию, его я не знал совершенно.

Нужно сказать, что те месяцы, в течении которых он командовал дивизией, оставили у всех нас самые благоприятные впечатления. Это был спокойный, безусловно знающий свое дело генерал-майор. Смелый человек.

На фронте установилось некоторое затишье, отмечались вылазки разведчиков и действия небольших подразделений.

Однако 31 октября боевые действия снова активизировались. Утром позвонил гвардии капитан Евменов В.М. и доложил, что их атакует до батальона пехоты противника.

Попытки Евмено В.М. своими силами отразить атаку врага успеха не имели. Более того с наблюдательного пункта было видно хорошо как противник обошел фланги батальона, вышел на линию шоссеиной дороги Тракишкен–Флицекруг и отрезал пути отхода нашему подразделению.

На выручку попавшему в окружение батальону, пришлось задействовать два других батальона полка.

Кроме того приказом командира дивизии дополнительно был введен 2-й батальон 243-го полка.

Противник, понеся потери, отошел на запад.

И вновь наступило затишье. Лишь редкие артиллерийский огонь периодически нарушал тишину.

Однако 2 ноября снова разгорелся ожесточенный бой.

В этот день немцы понесли новый удар, на этот раз по позициям 2-го батальона нашего полка капитана *Смирнова*.

По докладу комбата, действия противника поддерживались сильным артиллерийско-минометным огнем.

Нам было хорошо видно как до батальона пехоты противника, при поддержке 50 танков, контратаковали наше подразделение.

Силы явно были неравны и батальон отошел на восточную опушку леса. Надо сказать, что вместе с батальоном сменил свое местоположение и наш наблюдательный пункт полка.

Почувствовали мы себя очень «неуютно».

Отходить, пятиться под нажимом противника, всегда неприятно.

Но здесь на наши настойчивые просьбы очень быстро откликнулись авиаторы.

Пришло звено или эскадрилья «ИЛОВ». Фрицы под ударами наших штурмовиков угомонились и дальше продвинуться не смогли.

Но все же, в тот же вечер, противник повторил атаку еще раз. Полк отбил и эту попытку врага.

В последующие два-три дня против наших соседей — 243-го и 245-го гвардейских стрелковых полков немцы тоже предприняли яростные атаки.

Здесь успех был на стороне врага.

В результате понесенных потерь, боевые возможности полка значительно поубавилось. По приказу комдива полк перешел к обороне участка Флиценкруг, станция Тракишкен.

И снова все затихло...

Пользуясь этим подразделения наскоро приводили себя в порядок: ремонтировали снаряжение, пополняли запасы.

Совершенно неожиданно произошло «чрезвычайное происшествие».

7 ноября меня по какому-то вопросу вызвали в штаб дивизии.

Во время разговора с офицером штаба дивизии позвонили из нашего штаба полка и передали, что только что во время налета авиации противника был тяжело ранен Демченко Яков Михайлович.

Его срочно эвакуировали в госпиталь.

Не скрою, это сообщение было для меня крайне тяжелым.

Мы с Яковом Михайловичем сработались, «притерлись». Хорошо понимали и дополняли друг друга.

Но получилось так как-то немного странно — в дальнейшем я потерял с ним связь и ничего не знал о его судьбе.

Искренне жаль. Он был и остался для меня хорошим и, главное, очень умным и порядочным человеком.

Дня через 3-4 к нам прибыл новый командир полка — гвардии подполковник *Комаров Николай Дмитриевич*.

Насколько помню, у Николая Дмитриевича была нелегкая жизнь, непростая служба в армии.

Под его командованием мы с ним вместе воевали до конца Великой Отечественной войны.

Надо сказать — никаких шероховатостей, недомолвок в нашей совместной службе не было.

События же на фронте шли своим чередом.

1944 год подходил к победному концу войны.

Как писали тогда: на фронте продолжались поиски разведчиков, шли бои местного значения.

Подчас удивительно обманчиво звучат эти слова. Как будто, если «местного значения», то это без потерь, без большого напряжения сил.

Просто «так себе». На самом же деле — в жизни это далеко не так. Бой есть бой.

Насколько я помню, 27 декабря погода у нас была типичная для Прибалтики — дождь, иногда снеговой заряд, резкий ветер.

Наступавший на правом фланге дивизии 247-й полк, обеспечивал продвижение других частей. В течении ночи на 27 декабря полк завязал, помнится, бой за населенный пункт Малые Романята.

Командир полка для знакомства с начальниками родов войск и служб собрал их на командном пункте.

Среди собранных был и полковой врач. В своем докладе он сказал о том, что за последние дни на полковой медицинский пункт поступило более десятка человек с типовым ранением от снайперов противника.

Командир полка обратил внимание всех присутствующих на эту активизацию снайперов врага и потребовал от командиров повышенной бдительности.

Но как всегда сработала надежда — «авось».

Начальник артиллерии полка майор *Фурман А.Л.* приказал командиру батареи 76 мм орудий капитану *Панину Н.Т.* сменить огневую позицию на новый район.

Не смотря на указания командира полка, смену огневых позиций произвели без соблюдения мер безопасности.

В 16.00 27 декабря выводя батарею в новый район снайпером был тяжело ранен гвардии капитан Панин Николай Тимофеевич.

Так дорого обошлось наша беспечность.

О Панине Н.Т. я писал уже выше. Он сначала командовал батареей 45 мм орудий, а с августа 1944 года — батареей 76 мм пушек полковой артиллерии.

Воевал Николай Тимофеевич хорошо. Был награжден орденом «Красной Звезды».

После ранения наши пути разошлись. Только через много лет в 1994 году мы встречались снова.

Уже будучи генералами в отставке совместно трудились в совете ветеранов 84-й гвардейской дивизии.

За года совместной работы мы узнали друг друга. Много было у нас общего, о многом спорили.

Николай Тимофеевич помог мне в написании этих «Воспоминаний».

К глубокому сожалению, после длительной болезни Николай Тимофеевич в июле 2001 года скончался.

Пусть земля будет ему пухом.

На всю оставшуюся жизнь у меня сохраняются самые теплые воспоминания о Коле Панине.

Во второй половине декабря 1944 года 11-я Гвардейская армия в полном составе была выведена во второй эшелон фронта в район юго-западнее Шталлупенена (см. схему на стр. 190).

Что касается нашего полка, то он, совершив марш, к утру 13 января 1945 года сосредоточился в 15 км северо-западнее Витинеца.

Витинец — это небольшой городок, расположенный на западной границе Литовской республике на берегу чудесного по красоте озера Виштитар.

Здесь подразделения полка продолжали подготовку к предстоящим боям.

Хорошо, весело встречали новый 1945 год.

В январе состоялся партийный актив дивизии.

Выступал командующий 11-й Гвардейской армии.

Надо сказать, что доклад генерала Галицкого К.Н. по вполне обстоятельным причинам был весьма неконкретным с большими недомолвками.

Докладчик сказал, что Главное командование приняло решение на проведение Восточно-Прусской наступательной операции. Цель операции заключалась в разгроме крупнейшей группировки врага и овладении территорией Восточной Пруссии с ее важнейшими военно-морскими портами Кенигсберг и Пиллау.

Командующий отметил, что наша армия будет составлять второй эшелон фронта и использоваться на главном направлении для наращивания удара первого эшелона.

В своем заключении докладчик подчеркнул, что с вводом в сражение армия должна получить значительное усиление танками, артиллерией и инженерными частями.

На конференции партийного актива в числе делегатов был и я.

Помню, что с интересом послушал выступление Кузьмы Никитича Галицкого.

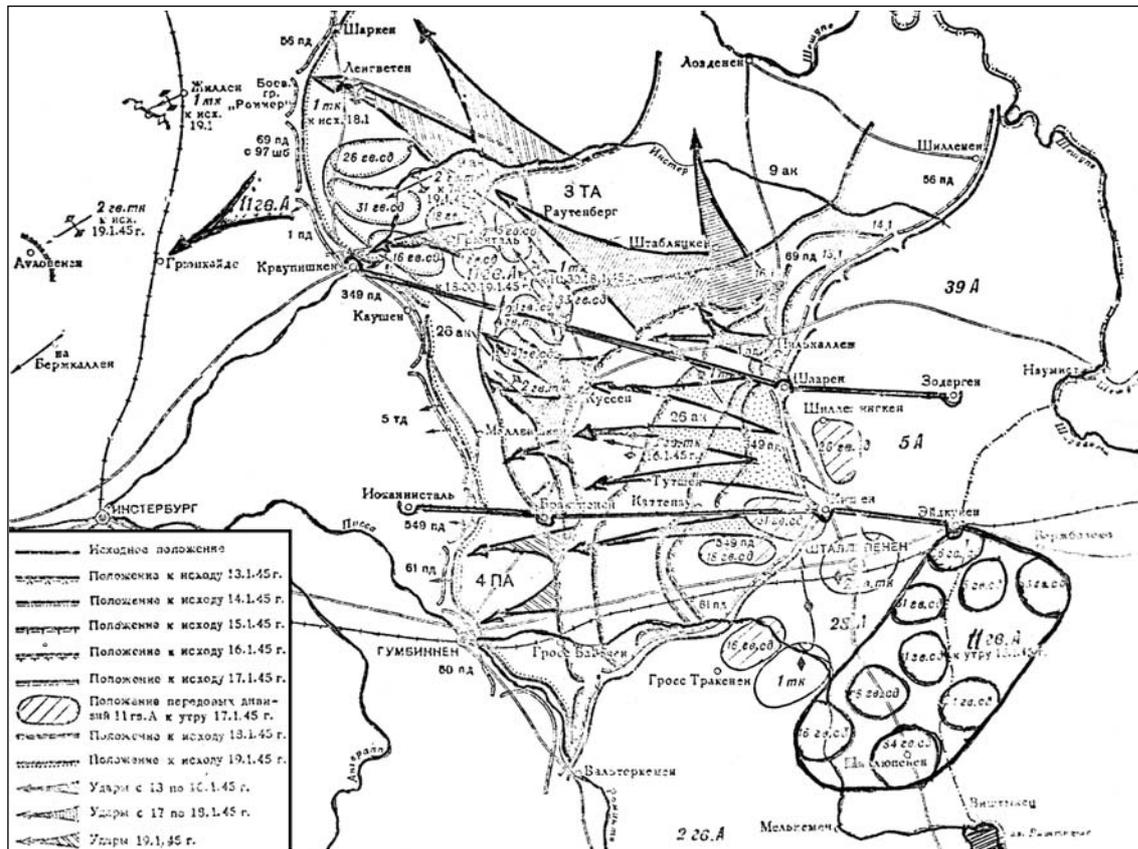
После командарма были и другие выступления. Особенно мне запомнилось выступление заместителя начальника разведки армии.

Разведчик подробно рассказал о той группировке противника, с которой мы можем встретиться в ближайшем будущем.

Надо сказать, коснулся разведчик и характеристики противника не только в полосе нашей дивизии, но и охватил более широкую полосу.

Он уточнил, что на середину января 1945 года противник обороняется на рубеже Тильзит, Авнустов, Ломжа, Вышкув (см. схему на стр. 191).

Видимо, приводя эту схему, мы несколько опережаем события, но зато в дальнейшем по мере освещения хода боевых действий, это облегчит нам понять складывающуюся обстановку.

Положение сторон на правом крыле 3-го Белорусского фронта 13–14 января 1945 года.

Разведчик доложил о Земландской группировке врага. Далее характеризовал с кем мы можем встретиться непосредственно при бое за город–крепость Кенигсберг.

Наконец весьма подробным было доложено о группировке противника развернутой южнее города Кенигсберг.

Было подчеркнуто, что с юга Кенигсберга прикрывается укрепленным районом «Хайлигенбаль».

Хайлигенбаль — это типичный средний немецкий город Восточной Пруссии, расположенный на реке Алле южнее Кенигсберга. Он и является центром «Хайлигенбальской группировки» противника.

Это хорошо видно на схеме на стр. 192.

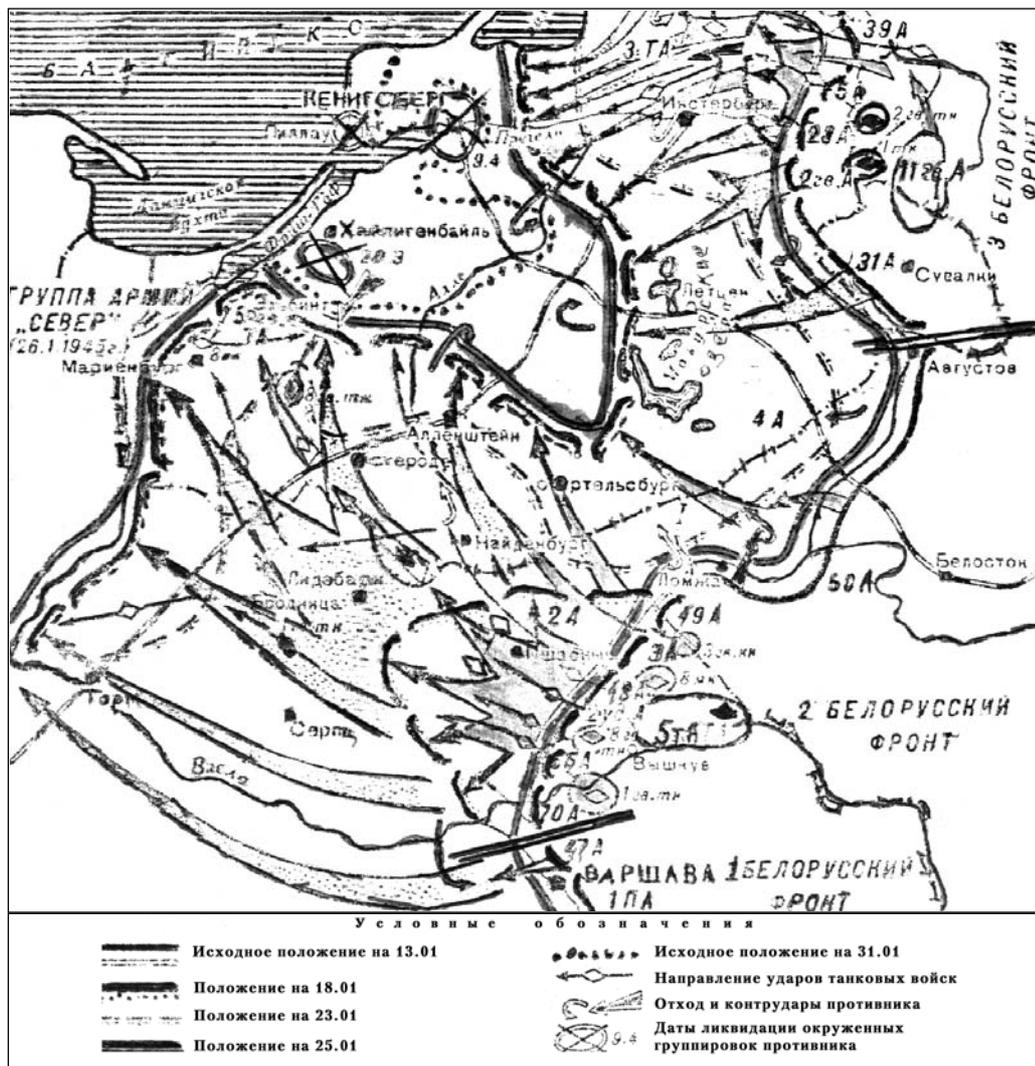
Как доложил разведчик Хайлигенбальская группировка в своем составе имела до двадцати дивизий. В укрепленном районе было большое количество железобетонных и дерево-земляных оборонительных сооружений, усиленных противопехотными и противотанковыми заграждениями.

Из тех времен у меня сохранился в памяти один весьма характерный эпизод.

Помню, сидел я на партактиве и думал: ну зачем мне знать, что-то о какой-то «Хайлигенбальской группировке»?

Ну где эта группировка (а была она немного немало, аж в полосе соседнего фронта), а где я и где мой полк.

Вспоминая сейчас эти мысли и удивляюсь своей тогдашней слабости и отсутствия элементарного предвидения развития обстановки.

*Ход боевых действий в восточно-Прусской операции
с 13.01 по 9.04.*

Дело в том, что прошло очень немного времени как стал кусать себе локотки, вспоминая полученную информацию о Хайлигенбальской группировке врага.

Практически мог ли я предвидеть, что события в самое ближайшее время измениться так, что нам придется вести жесточайшие бои именно с частью этой группировки врага?

Наверное, несколько – мог, сколько – должен был предвидеть. Но «мог» и «должен» – разные стороны одного события.

Нужно сказать, что подготовку к участию в предстоящей операции танковых войск мы начали еще в декабре 1944 года и закончили ее перед самым вводом дивизии и полков в бой.

С большим удовольствием вспоминаю о том, как в полк прибыло ощутимое пополнение личного состава.

До этого штаб полка уже очень много натерпелся забот и неприятностей от большого недокомплекта подразделений.

Вновь прибывающих людей мы направляли прежде всего в стрелковые и минометные роты.

Особенно тщательно отбирали пополнение для саперов и артиллеристов.

С радостью вспоминаю, что численность стрелковых рот была доведена до 70-80 человек.

Хотелось бы подчеркнуть то, что хотя мы и радовались пополнению рот и батальонов людьми, но штабу прибавилось забот и сложностей.

Дело в том, что среди новобранцев было много людей освобожденных из фашистского плена, а также тех, кто прибыл к нам из тыловых частей и учреждений.

Много было освобожденных из наших тюрем — амнистированных.

Разные это были люди. С каждым надо было разобраться.

Командиры, политработники, офицеры органов безопасности и конечно штабники делали все для того, чтобы сплотить их, обучить военному ремеслу, привить высокие боевые качества.

Вспоминаю, что штабу полка пришлось заняться вплотную боевой подготовкой подразделений. При этом подробно отрабатывались вопросы ввода в бой и ведение непрерывных боевых действий днем и ночью.

Специально для действий в ночных условиях был создан и обучался по особой программе усиленный стрелковый батальон.

Запомнилось мне, как с командирами штаба дивизии и штабов полков командир 36-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант Кошевой П.К. интересно проводил командно-штабные учения.

Штабники хорошо пополнили свой теоретический багаж.

Вполне естественно командиры штаба совместно с тыловиками занялись пополнением войск вооружением, боеприпасами, продовольствием, фуражом и техническим имуществом.

Так в работе, заботах, вечной спешке промелькнула половина января 1945 года.

13 января позвонил начальник штаба дивизии полковник Виноградов А.П. и проинформировал о том, что сегодня ударная группировка фронта начала наступление.

Полковник Виноградов А.П. предупредил, что скоро двинемся и мы.

Поздно вечером 16 января получили приказ дивизии о совершении марша в район севернее Краупишке. Этот район хорошо виден на схеме на стр. 193.

Доложил командиру предложения штаба о порядке перегруппировки полка.

Гвардии подполковник Комаров Н.Д. дал «добро».

Штаб занялся своим обычным делом по организации марша.

В ночь с 18 на 19 января пошел густой снег и началась наша сибирская зима. Прямо как в Томске.

Прогноз же погоды предсказывал — туман.

Белесая, непроглядная тьма лежала повсюду. Погода была отвратительная.

То валил мокрый снег, то мороз вдруг скует землю, а то вдруг начнет сыпать промозглый дождь.

19 января стало известно, что войска 2-го Белорусского фронта 18 января вели бои на рубеже западнее Ломжей, северо-западнее Пшасных, восточнее Серпца. Группировка фронта наступает на Хайлигенбаль (необходимо вернуться назад к схеме на стр. 190).

Подразделения полка начали новый марш и к исходу 19 января сосредоточились на северном берегу реки Инстер, южнее населенного пункта Крупишкен. Это типичный немецкий городок, расположенный северо-восточнее Инстербурга.

Надо сказать, город был совершенно пустым. Видимо его жители ушли с отходящими немецкими войсками.

Ненастная погода благоприятствовала передвижению в светлое время, но вместе с тем сложно было управлять подразделениями и поддерживать связь со штабом дивизии. Радиосвязью пользовались только на прием.

Из информации штаба дивизии нам стало ясно, что в первой половине ночи на 20 января, сначала были введены в бой передовые отряды дивизии первого эшелона 36-го стрелкового корпуса.

Сотни орудий ударили по долговременным вражеским укреплениям. Дым артиллерийской стрельбы и черные султаны артиллерийских разрывов полыхали во всей полосе прорыва.

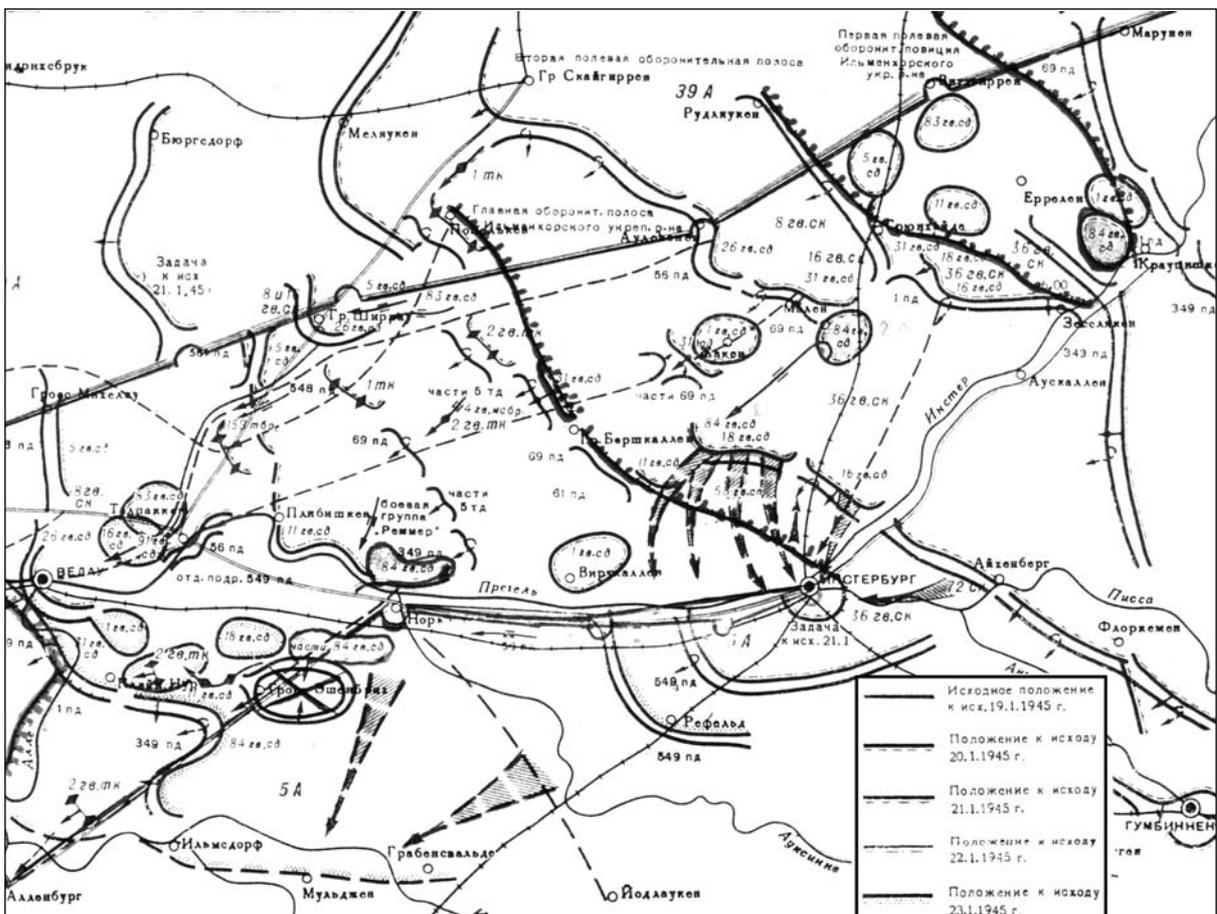
В бой пошли дивизии первого эшелона корпуса.

Наша 84-я гвардейская — второй эшелон. В течении ночи дивизия была выведена в район Пляуцен в готовности к вводу в бой на направлении Инстербурга.

На следующие сутки, к исходу 20 января, полк продолжал марш и сосредоточился в районе Шталлен в лесу, что юго-восточнее Малена (этот пункт есть на схеме снизу).

Комбат-2 гвардии капитан Евменов В.Н. доложил, что его батальон перерезал железную дорогу Инмтербург–Тельзит, что восточнее Малена.

С утра 21 января наступила оттепель и пошел дождь, сопровождаемый сильными порывами ветра.

Ход боевых действий 19–23 января 1945 года.

Снег быстро начал таять. Суглинистая почва раскисла. Проселочные дороги стали непроходимыми.

Заболоченные и низменные места оказались залиты водой.

Видимость сократилась до 200-300 метров.

Двигаться пехоте, а особенно артиллерии и обозам, с каждым часом становилось все труднее.

Но все же 21 января войска 11-й Гвардейской армии вели ожесточенные бои на всех направлениях и успешно продвигались вперед.

Так главные силы армии продолжали наступать на Велау, частью же сил на левом фланге вели упорные бои на Инстербургском направлении.

Вечером на командный пункт полка приехал начальник разведки дивизии гвардии подполковник Андреев А.Н.

Я уже писал, что Сашей Андреевым мы были давно хорошими друзьями.

Он подробно доложил обстановку на нашем направлении, рассказал о городе Инстербурге, о его сооружениях, созданных противником.

Рассказал Андреев А.Н. и о том, что предстоит нам преодолеть.

Инстербург — один из крупнейших городов Восточной Пруссии, важнейший узел железнодорожных и шоссейных дорог. Еще до войны город был превращен немцами в мощный узел обороны.

Наступление на город началось в 22.00 21 января. Надо отметить, что информация штабом корпуса была на этот раз осуществлялась хорошо. Мы были в курсе всех событий. В частности о том, что 18-я и 16-я гвардейские дивизии наносили удары по северной окраине города.

Наша же 84-я гвардейская была все еще во втором эшелоне корпуса.

Противник оказывал упорное сопротивление наступающим войскам. Поэтому атаки обеих дивизий захлебнулись.

Только в 18-й дивизии ее 58-й полк глубоко обошел левый фланг противника.

В сложившейся обстановке было принято совершенно правильное решение — ввести 84-ю дивизию именно на направление действий 58-го стрелкового полка с тем, чтобы использовать наш успех и обойти Инстербург с запада. Штаб дивизии совместно со штабом 247-го и 243-го полков провел короткую рекогносцировку и уточнил маршруты выдвижения и рубежи развертывания подразделений, уточнил их задачи, а также задачи поддерживающих частей.

В этих условиях я был живым свидетелем энергичных действий генерал-майора *Щербина Н.К.* и подполковника *Комарова Н.Д.*

Как помнится, по-моему, в 0 часов 30 минут части нашей дивизии, развернувшись на рубеже юго-восточнее Бершаллена, из-за правого фланга перешли в наступление.

Наступали мы в направлении Виркалина.

Однако помню и то как действия батальонов полка начались с того, что пришлось отбивать яростные контратаки немцев.

Контратаку вражеской пехоты поддерживали до 40 танков. Но все же в последующие дни части дивизии успешно развивали наступление.

К исходу 21 января войска достигли реки Пречело что северо–восточнее Веллау, а 22 января овладели городом Инстербург.

Тогда же 84-я дивизия временно вошла в состав 16-го стрелкового корпуса. Хотя, говоря откровенно, мы это на себе совершенно не почувствовали.

Преодолевая сопротивление группа «Реммер» и других отходящих частей врага соединения 16-го стрелкового корпуса вышли на широком фронте к реке Пречель.

Мы хорошо чувствовали, что немцы бросают в бой все что есть под рукой.

247-й гвардейский стрелковый полк захватил с ходу переправу на реке Пречель в районе города Норкитен, обеспечивая тем самым успешное форсирование реки остальными частями дивизии.

23 января гвардейцы сломали сопротивление противника в районе южнее Ноткиттена и двумя полками вышли севернее небольшого городка Гросс-Эшенбух.

Подполковник Комаров Н.Д., не дав противнику опомниться, приказал капитану Евменову А.Н. (Комбат-2) атаковать населенный пункт.

Батальон выполнил приказ и закрепился на северной окраине этого пункта.

Но из-за несогласованности действий подразделений, произошла путаница. Батальон Евменова открыл огонь по 245-му полку.

К счастью — пострадавших не было.

Выполняя распоряжение Николая Дмитриевича на командном пункте нашего левого соседа (245-й гвардейский полк) я увязал дальнейшие совместные действия.

Инцидент был исчерпан.

245-й полк наступал на юг, но по нашей рекомендации повернул на юго-запад и ударил на Гросс-Эшенбух — в тыл немцам, навстречу 247-му полку.

В это же время части 2-го гвардейского танкового корпуса, обойдя Гросс-Эшенбух с севера, продолжали наступление на Клайн-Нур, отрезая пути отхода врага.

В результате такого маневра противник в Гросс-Эшенбухе был окружен и полностью уничтожен (см. схему на стр. 194).

В дальнейшем 247-й полк, действуя на правом фланге дивизии, продолжал продвижение в направлении Клайн-Нур, Алленбург. К исходу 23 января полк овладел северной частью окраины Алленбурга и вышел на западный берег реки Алле на рубеже Иэгердорф–Шаллен.

Информация полученная из штаба армии была весьма приятная: войска 2-го Белорусского фронта (сосед слева 3-го Белорусского фронта) 23 января вели успешные бои на рубеже Ортельсбург, Аллентейн, Бродница, Торн (эти пункты были показаны ранее на стр. 191).

В результате боевых действий наши войска нанесли поражение Тользистко—Инстербургской группировке врага. Таким образом стремительное наступление советских войск сломало яростное наступление противника.

В итоге жестоких боев русские вышли на ближайшие подступы к главному узлу сопротивления немцев в Восточной Пруссии — городу и крепости Кинигсберг.

Мы выполнили поставленную задачу.

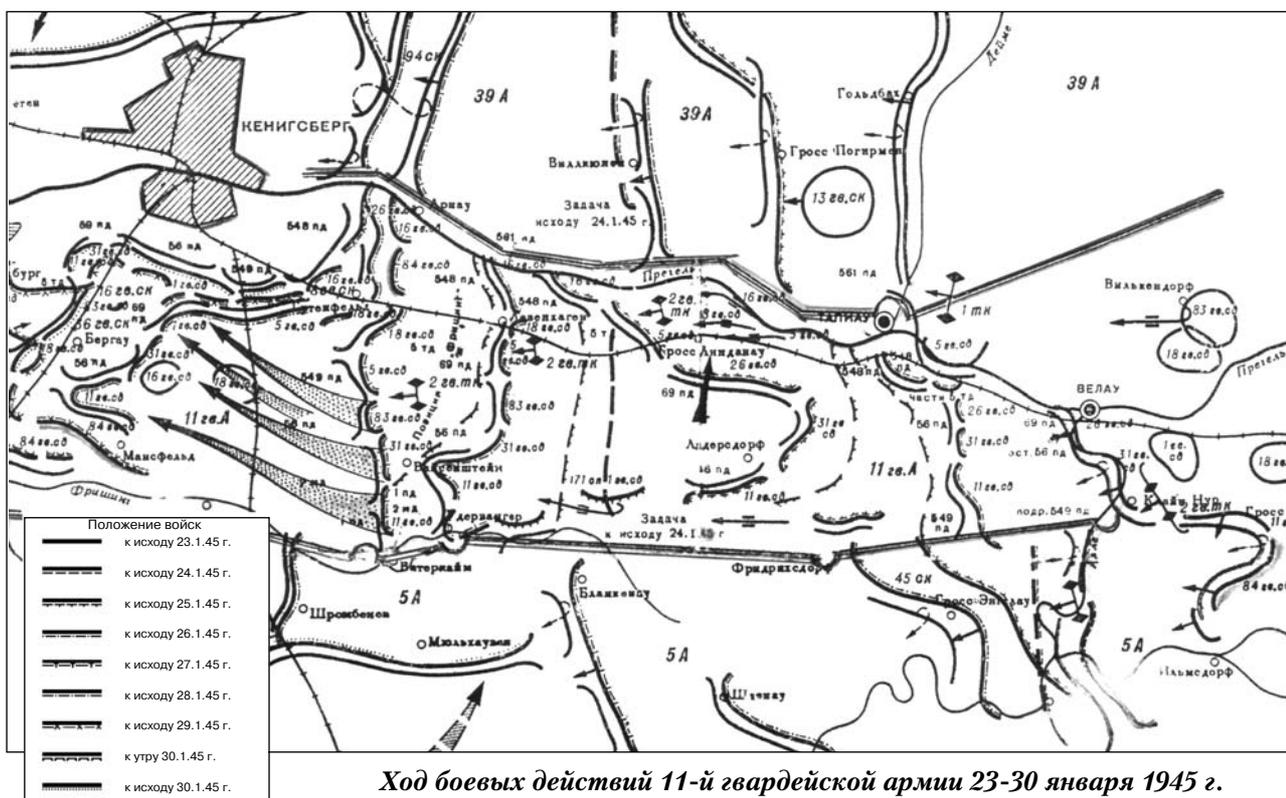
До полной победы было недалеко.

10. С войной покончили мы счеты

И так, в результате наступления 23 января 1945 года, наши войска вышли на ближайšie подступы к главному узлу сопротивления немцев в Восточной Пруссии, к городу и крепости Кенигсберг.

Стало чувствоваться дыхание Балтийского моря — сырое и холодное. Правда, к концу месяца погода немного улучшилась. Почти прекратились дожди, и значительно реже на землю спускались туманы.

С падением Инстербурга рухнула система обороны противника на дальних подступах к Кенигсбергу.

Таким образом, наши войска со второй половины января получили возможность развить наступление вдоль Восточной Пруссии. Они вышли на рубеж Велац, Ильмсдорф (см. схема сверху) и начали преследовать противника по всему фронту.

Наступили решающие дни борьбы за столицу Восточной Пруссии.

В бинокль, на далеком гарнизоне, уже были видны трубы заводов, высокие здания, шпиль кирх.

26 января гвардии подполковник *Комаров Н. Д.* вернулся из штаба дивизии, где его ознакомили с обстановкой в полосе 11-й гвардейской армии и в общих чертах уточнили задачу 84-й гвардейской дивизии.

Из сообщения командира полка следовало, что 36-й гвардейский стрелковый корпус (16-я и 18-я стрелковые дивизии), продолжая наступать в полосе — железная дорога Велац—Кенигсберг, южный берег реки Прегель, вышли в район Лавенхаген.

Для наращивания удара и развития наступления, было принято решение — в разрез между 16-й и 18-й дивизий, ввести в бой 84-ю дивизию в направлении Гутенфельд—Кенигсберг.

Дивизию намечалось ввести в бой 28 января.

Откровенно говоря, нам сразу бросилась в глаза какая-то поспешность ввода дивизии.

Противник в подразделениях не был достаточно изучен.

Взаимодействие между родами войск полностью не было организовано.

Командиры частей и подразделений не имели возможности подробно изучить участок ввода.

Во второй половине 27 января 247-й гвардейский полк совершил марш по маршруту Клайн Нур–Гросс Линденау — Лавенхаген и вышел в район Штайнбек (южнее Ариау).

Выйдя в заданный район, полк вступил в бой сходу, хотя с обстановкой разобрались мы недостаточно.

Засевшие в каменных домах фашисты оказывали отчаянное сопротивление.

Борьба шла за каждый дом.

Помню, как встреченные огнем врага, подразделения полка залегли и пролежали в снегу несколько часов, пока штаб полка не организовал реальное взаимодействие с артиллерией.

Опорный пункт в Штайнбек был, как на ладони. Решение напрашивалось само-собой: опорный пункт противника целесообразно атаковать с севера, используя успех соседа — 16-ю дивизию.

Но, почему-то, гвардии генерал-майор Щербина видимо не решился на это и приказал атаковать Штайнбек с фронта 247-го и 243-го стрелковых полков.

**Восточная Пруссия.
Конец января 1945 г.
Населенный пункт: Штайнбек.**

Справа налево:

Зам. Комбата 2 – гвардии капитан Кожан А.А., Комбат 2 – гвардии майор Евменов В.М., адъютант батальона – гвардии капитан Розов Е.М., Комбат 3 – гвардии майор Сокол В.К., начальник штаба 247 г.в.с.п. – гвардии майор Штрик С.В., агитатор гвардейского полка – гвардии капитан Алиев А.Р., адъютант 3-го полка – гвардии капитан Шардаков П.В.

Конечно, атаки успеха не имели.

Тогда, вмешался командир 36-го стрелкового корпуса. Положение было исправлено.

Вслед за ударом бомбардировочной и штурмовой авиации, после совместных усилий двух дивизий, Штайнбек был очищен от гитлеровцев.

Память хорошо сохранила эпизод, как в этом бою отважно действовал 3-й батальон нашего полка и его командир гвардии майор *Соколов В.К.*

В помощь Соколову заранее выслали ПНШ-1 — гвардии капитана *Витязева А.Н.* Они хорошо сработались и успешно решили поставленную задачу.

После тяжелейшего боя за Штайнбек, подразделения полка привели себя в порядок. Штаб организовал эвакуацию раненых. Подвезли боеприпасы. Был уточнен порядок наступления вдоль железной дороги Велац - Кенигсберг (то есть на северо-запад).

Но, как говорят: «Человек предполагает, а начальство располагает».

Ночью на 28 января генерал Щербина И.К. собрал на нашем командном пункте командиров полков дивизии, доложил складывающуюся обстановку и уточнил совершенно новые задачи.

А задачи действительно были новые.

Комдив подчеркнул, что по оценке разведотдела армии, противник вероятнее всего ставит две задачи: во что бы то ни стало удержать Кенигсберг и, вместе с тем, не допустить выхода наших войск к заливу Фришес–Хафф.

Выход наших войск к заливу Фришес–Хафф означал для противника расчленение его главной группировки и изоляцию Кенигсберга.

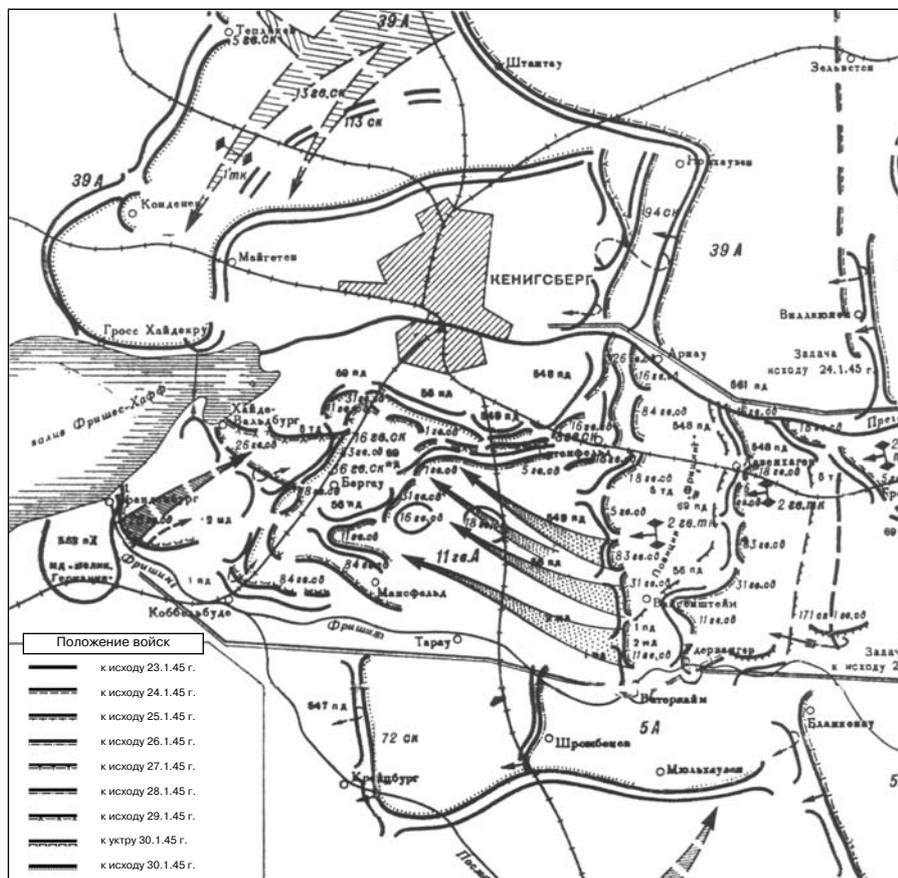
Поэтому сейчас становилось понятно, что, не разгромив Хайлигенбайскую группировку противника, нельзя было решать проблему с Кенигсбергом.

И именно только сейчас вспомнил тот партийный актив и понял, почему тогда столько внимания уделялось разгрому, казалось, так далекой от нас Хайлигенбайской группировке врага.

Комдив подчеркнул, что сейчас решающее значение приобретает выход к заливу Фришес–Хафф.

Но резервных сил в 11-й гвардейской армии нет. Усилить же южное направление можно было только за счет некоторой перегруппировки войск.

Генерал отметил, что этим и объясняется новое решение: продолжать наступление на Кенигсберг только силами 18-го и 16-го гвардейских корпусов.

Ход боевых действий 11-й гвардейской армии 23-30 января 1945 г.

Что же касается 18-й и 84-й дивизии (они входили в состав 36-го корпуса), то их следует рокировать на юг для усиления южного направления. Задача этих двух дивизий — наступление к заливу Фришес-Хафф и выход в район Хайде-Вальбург (смотри схему на стр. 198).

Как нас ориентировали, в состав этого корпуса передавалась 26-я гвардейская стрелковая дивизия, которая к утру 29 января должна подойти в район 2 км севернее Мансфельда.

Получив задачу, штаб полка в темпе провел мероприятия, необходимые для совершения марша.

Надо сказать, что хотя марш предстоял небольшой, но проходил он в крайне неясной, противоречивой обстановке - где были наши войска, где был противник, сколько его.

Не задерживаясь подразделения полка прошли Гутефельд, пересекли железную дорогу, на Кенигсберг и к исходу 29 января вышли в район севернее Мансфельд, где и перешли к обороне.

В этом районе никаких признаков 26-й гвардейской дивизии не обнаружили.

В середине дня позвонил начальник штаба нашей 84-й дивизии и приказал лично мне установить контакт с одним из полков 26-й дивизии.

Не теряя времени, на двух машинах выехал искать соседа — штаб 26-й гвардейской дивизии.

По имеющимся у меня данным, командный пункт 26-й дивизии должен был располагаться в районе восточнее Хайде–Вальбург.

Искали соседей несколько часов, практически всю ночь.

Только утром 30 января, чисто случайно, наткнулись на штаб 77-го гвардейского полка 26-й дивизии. Как выяснилось, это был левофланговый полк 26-й дивизии.

Пока искали соседа, не раз вспыхивали стычки с мелкими группами противника. Видимо немцы тоже что-то, или кого-то искали в этих местах.

Встречались, обстреливали друг друга и «мирно» расходились.

В 77-м полку уточнили обстановку, доложили о положении подразделений нашей 84-й гвардейской и обменялись радио-данными.

Начальник штаба соседа сообщил, что их 26-я гвардейская стрелковая дивизия вошла на станцию Зеепошен и, не дав немцам опомниться, захватила важный опорный пункт противника - городок Хайде-Вальбург (схема на стр. 199).

Таким образом, дивизия перерезала шоссе Бранденбург–Кенигсберг.

Начальник штаба 77-го полка разъяснил, что 26-я дивизия рассекла часть восточно-пруссской группировки врага, изолировав войска Кенигсбергского укрепленного района от его Брагенбургского–Хайлигенбайской группировки.

Пообедав у соседей, и, поблагодарив их, мы в хорошем настроении поехали «домой».

Доложил начальнику штаба 84-й дивизии гвардии полковнику Виноградову о выполнении его приказа, особенно обратил его внимание на имеющийся у нас разрыв между флангами и соседями.

Полковник дал распоряжение ускорить продвижение нашего полка к реке Фришинг.

По возвращении в полк гвардии подполковник Комаров Н.Ю. рассказал, нам что в моем отсутствии полк получил задачу — к утру 30 января захватить железнодорожную станцию в городе Коббельбуде (схема на стр. 198).

Николай Дмитриевич также рассказал, что наш 247-й полк развернулся фронтом на юг и начал теснить противника к реке Фришинг.

В ночь на 30-е января полк успешно вышел на ближайшие подступы к северному берегу Фришинг.

Разведывательный взвод полка ворвался на железнодорожный вокзал станции Коббельбуде.

Казалось, что все идет хорошо.

Однако дальнейшие события развернулись для нас не совсем удачно.

Случилось так, что противник выбил из железнодорожной станции наших разведчиков, а 247-й и 245-й полки не смогли сходу завладеть городом Коббельбуде.

Коббельбуде — небольшой курортный городок, расположенный на северном берегу реки Фришинг. Вспоминается мне красное кирпичное здание вокзала, ухоженный цветник, в центре которого оборудована огневая точка немцев.

Для нас этот населенный пункт прикрывал наступающие войска с юга, противник же имел удобный плацдарм на северном берегу реки. Надо сказать, что тогда произошли непонятные события. Вместо того чтобы ночью на 30 января очистить от противника плацдарм, полк занялся почему-то ликвидацией окруженной небольшой группировки врага в 4–5 км севернее Коббельбуде. Батальоны полка потеряли много времени.

Немцы же воспользовались нашей оплошностью, укрепили плацдарм и сосредоточили на нем значительное количество бронетехники.

Ночью из штаба дивизии передали ориентировку 11-й гвардейской армии, о возможной активизации, в ближайшее время, группировки противника в районе Кенигсберга.

И действительно, противник не заставил себя долго ждать.

В середине дня 30 января с севера до нас долетел гул артиллерийских и авиационных ударов врага.

Как выяснилось, противник перешел в наступление против 8-го и 16-го стрелковых корпусов со стороны Кенигсберга и против 6-го корпуса с юга.

В это время (часов, видимо, в 11) на участке Бранденбург–Коббельбуде полк немецкой пехоты, поддержанный танками и огнем артиллерии, нанес удар по частям 26-й мотострелковой дивизии. Удар врага частично захватил и наш 247-й гвардейский полк.

Ночью немцы, используя сильную метель, слабую видимость, переправились по льду залива Фришес–Хафф и нанесли удар в тыл 26-й дивизии.

Дивизия начала отходить.

Погода совсем испортилась: начался буран, видимость была практически нулевой.

На рассвете 31 января позвонил начальник продовольственной службы полка гвардии капитан Никольский А.Ф. Он доложил, что мимо его склада проходит колонна 18-й гвардейской дивизии. Колонна движется на северо-запад.

Стало немного полегче, точнее поспокойнее — это шел резерв командарма. Шел на нашем направлении, видимо для ввода в бой.

Однако, все же события складывались не в нашу пользу.

Противник, сосредоточив вдоль шоссе Бранденбург–Кенигсберг до 50-ти танков, к концу дня прорвался по коридору 1.5-2 км между побережьем залива и населенным пунктом Вартен, а затем соединился и с Кенигсбергской группировкой.

18-я гвардейская дивизия сходу завязала бой с прорвавшимся противником.

84-я дивизия не смогла удержать рубеж на реке Фришинг.

В то же время 247-й полк ранее получил задачу организовать оборону восточнее железнодорожной станции Коббельбуде.

Время на подготовку было мало, средств для инженерных работ было недостаточно.

Немцы в ночь на 31 января сумели прорвать нашу оборону, и продвинулись вперед.

Батальон гвардии майора Соколова отошел на 3 км на север.

Опять и опять, как всегда, потребовалось остановить отходившие подразделения, организовать огневую поддержку.

Много было шума, крика: «*Стой, стой!*», «*Ложись!*», «*Огнеметчиков — вперед!*», «*Батарею ПТО — вперед!*» и все остальное, что делается в эти особо трудные минуты боя.

Для восстановления положения пришлось задействовать весь полк.

Да и командир дивизии не остался в стороне.

Наш удар поддержал 88-й гвардейский отдельный дивизион самоходной артиллерии.

Помнится, 4, 5 и 6 февраля враг предпринимал новые атаки на железнодорожную станцию Коббельбуде.

Атаки были отбиты.

Потеряв в боях более 1000 человек (по данным штаба армии), противник отступил.

В дальнейшем бои шли с переменным успехом.

Полк к 11 февраля закрепился на занимаемом рубеже, да так основательно, что до конца месяца обстановка не менялась.

Надо сказать, что большая заслуга в этом принадлежала командору полковой саперной роты гвардии лейтенанту *Семенову В.В.*

Рота в течение суток сумела надежно прикрыть минными заграждениями танко-опасные направления. Танковые атаки противника были сорваны.

Полк удерживал занимаемые позиции.

Еще 9-го февраля мы получили приказ о переходе к жесткой обороне и одновременно, о подготовке к решению задачи — штурму Кенигсберга.

Видимо, для полка — задач было многовато.

В то же время, когда наши войска вели затяжные бои, противник 19-го февраля нанес удар из Кенигсберга на север. На встречу этому удару, с Земландского полуострова немцы перешли в наступление в направлении Кенигсберга.

После ожесточенных боев, врагу удалось создать коридор, соединивший Кенигсбергскую группировку с Земландской группировкой.

В течение февраля месяца, шли кровопролитные бои.

Правда, эти бои велись севернее того района, где действовала наша дивизия. Но и здесь подразделения и части, в ходе боев несли серьезные потери.

Все эти обстоятельства вынудили наше командование отказаться от активных действий на нескольких направлениях.

Видимо было решено завершить сначала разгром Хайльсбергской группировки противника, а затем уже, изменив оперативное построение войск, нанести удар по его Кенигсбергской группировке.

Насколько нам стало известно, решение командования сводилось к нанесению концентрированного удара, с тем, чтобы расколоть группировку противника на две части и уничтожить их порознь.

Задача овладения городом Бранденбург по-прежнему оставалась за 36-м стрелковым корпусом.

С 13 марта 18 корпус, в состав которого по-прежнему входила и наша 84-я гвардейская стрелковая дивизия, участвовал в разгроме вражеской группировки на побережье залива Фришесс–Гафф. Корпус окончательно отрезал Кенигсбергский гарнизон от Хайлибергской группировки.

84-я дивизия 16 марта форсировала реку Фришинг, смяла противостоящего противника и начала наступать на север по западному берегу реки.

17 марта 247-й и 245-й полки, пользуясь густым туманом, обошли Першкен и после тяжелейшего боя взяли этот населенный пункт.

Першкен — это небольшой курортный городок на побережье Фришесс–Гафф.

По приказу командира полка, я шел со 2-м батальоном. После занятия Першкен батальон сходу выскочил на побережье залива.

Было еще довольно темно, но уже чувствовался рассвет. И вот солнце медленно, медленно поползло из-за горизонта, заливая светом всю местность. Залив был удивительно спокоен. Красота была неопишима.

И вдруг я подумал: «А вот если бы сейчас «заскрипит» — «Лука» ... шестиствольный миномет немцев; «запоет Катюша» и все это чудо, вся эта прелесть природы исчезнет.»

Все станет, как на войне.

Но тут позвонил гвардии подполковник Комаров Н.Д. и передал, чтобы я со своей группой перешел бы в 3-й батальон, к Дружинину И.Н.

Там что-то было не в порядке.

Пошел к Дружинину. Но оказалось, что в батальоне все было нормально: роты наступали успешно и вышли на побережье залива.

Но увидели там интересную картину.

Гвардейцы Дружинина И.Н. вышибли противника из окоп.

Еще и еще поднажали и отступать врагу было некуда - берег кончился, дальше была вода залива.

Вот и стояла группа немцев (человек 40 - 50) в воде по пояс, оружие бросили, руки подняли вверх.

Когда подошел ближе, понял, что в большинстве это были солдаты фольксшурма. Иначе — ополченческое формирование немцев.

Были это пожилые люди, грязные, очень напуганные.

Почему-то у меня от их вида особого ликования не было. Единственно радовало то, что наши потери в этом бою были весьма незначительные.

Весь день 18-го марта гвардейцы вели очень напряженный бой за населенный пункт и железнодорожную станцию Людвигсорт. Противник упорно оборонял станцию. И все же, поздно вечером, эта основная база, питавшая всю южную группировку врага боеприпасами и боевой техникой, под ударами наших войск — пала.

Оборонявшие Людвигсорт подразделения танковой дивизии «Великая Германия», в ходе боев понесла большие потери.

19 марта соединения 36-го корпуса, в состав входила и наша дивизия, овладели городом и портом Бранденбург.

Наши войска, действовавшие южнее Кенигсберга, в течение двухнедельных ожесточенных боев, к 29 марта разгромили гитлеровцев, занимавших Хайльингсбергский укрепленный район.

Как всегда работы хватало всем.

К утру 23 марта полк сосредоточился южнее города-крепости Кенигсберг, в районе поселка Бергау.

До штурма Кенигсберга оставалось две недели.

Для нас подготовка к штурму закончилась в проведении следующих мероприятий:

— требовалось всесторонне и наиболее полно уточнить группировку и систему обороны противника, точно определив места огневых точек, фортификационных сооружений и заграждений противника в полосе предстоящего наступления 247 полка;

— частными активными действиями подготовить и улучшить исходное положение полка в предстоящем бою;

— доукомплектовать подразделения полка, доведя их численность до штата;

— накопить боеприпасы и довести их до установленных норм;

— тщательно и всесторонне подготовить весь командный состав и подразделения полка к выполнению задач в предстоящем бою. Особое внимание уделить подготовке штурмовых групп;

— иметь подразделения полка в полной готовности для перехода в немедленное наступление.

Неоценима, велика и ответственна была роль штаба полка при решении этих задач. При чем, надо сказать, что всю работу мы строили на основе подробного плана подготовки штурма, разработанного штабом 84-й гвардейской дивизии.

Но план оставался бумагой, главное же для нас была практическая работа с людьми, работа на местности.

Зима в том году, помнится, стояла гнилая. Легкие морозцы сменялись оттепелями, снегопады — дождями. Землю окутывали туманы.

Подразделения полка зарывались в землю, возводили траншеи, строили жилые землянки. Штаб полка размещался в домах на западной окраине Бергау. Было оборудовано на переднем крае два наблюдательных пункта.

Восточная Пруссия. Апрель 1945 г. Поселок Бергау.

*Первый ряд: Комбат 1 – гвардии майор Евменов В.М.,
начальник штаба полка – гвардии майор Штрик С.В.,
старший лейтенант медицинской службы Шамрай А.Н.,
замполит полка – гвардии подполковник Богач
А.М., радистка – гв.рядовая Ильина Надя.*

Рядом с нашим пунктом готовили свои пункты дивизионная артиллерийская группа. Чуть позднее к нам пристроились авианаводчики.

Ни дождь, ни туман, ни непролазная грязь весенней распутицы, не снижали темпа боевой подготовки. Весь состав полка учился днем и ночью. Командный состав, кроме занятий со своими подразделениями, ежедневно по два часа уделял учебно-методической подготовке.

Через день начальник штаба полка проводил тренировку штаба в организации управления подразделениями при прорыве долговременной обороны в населенном пункте и при форсировании реки в четыре города.

Командир дивизии, начальник штаба и командующий артиллерией в свою очередь проводили показательные занятия в штурмовых отрядах полков.

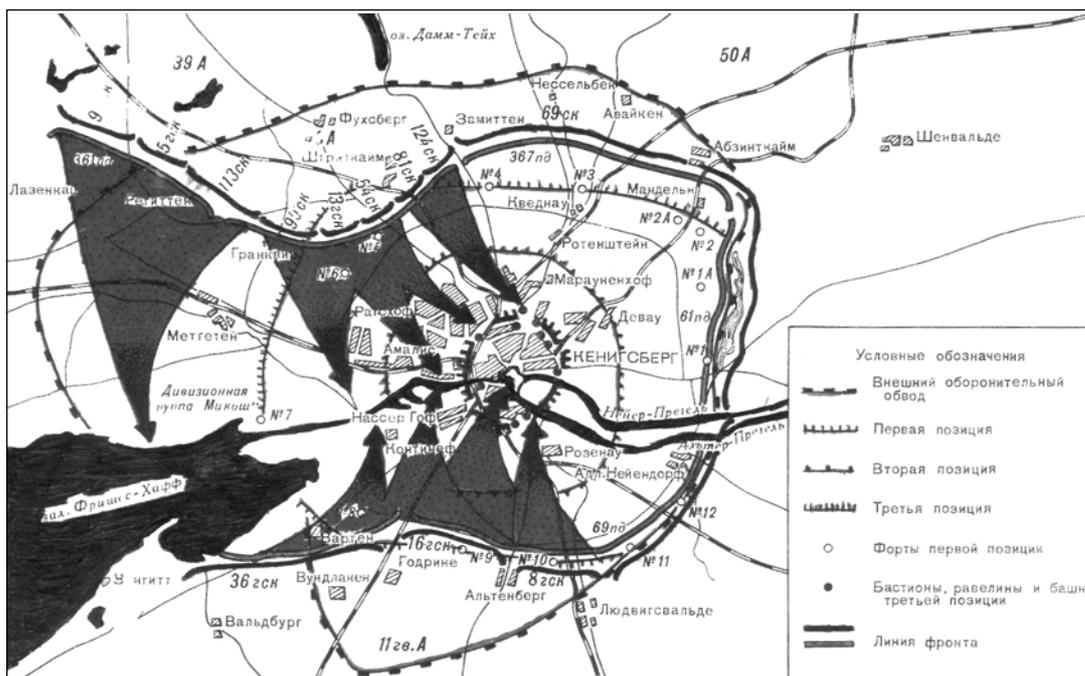
Как мне помнится, в начале апреля, начальников штабов дивизий и полков, собрали в штабе 11-й гвардейской армии.

На совещании выступили начальник штаба армии — генерал-лейтенант *Семенов Н.Н.* и начальник разведки армии полковник *Сухацкий Н.Я.*

Полковник Сухацкий Н.Я. коротко дал характеристику городу Кенигсбергу. В частности он напомнил, что город расположен на реке Прегель в 8 км от ее впадения в залив Фришес-Хафф и в 40 км от побережья Балтийского моря.

Город является крупным административным и промышленным центром Германии. Это первоклассная в недалеком прошлом крепость, приспособленная к современной войне, представляла собой внушительную труднопреодолимую преграду.

Сухацкий Н.Я. отметил, что оборона города-крепости состояла из трех обводов (позиции): смотри схему снизу. Внешний обвод, общим протяжением до 50 км, опоясывал город в 6-7 км от его центра. Остовом внешнего пояса обороны являлись 15 фортов, расположенных один от другого в 3-4 км.

План штурма города и крепости Кенигсберга 6-9 апреля 1945 г.

Полковник подчеркнул, что в полосе будущего наступления 84-й дивизии находится форт №8.

Интересно было узнать, что каждый из фортов занимает по фронту 250-300 м и обороняется гарнизоном 150-300 человек.

Укрепления каждого форта состояли из железобетонных и каменных стен, капониров, боевых казематов, земляного вала, широкого и глубокого рва, наполненного водой.

Подступы к фортам простреливаются многослойным артиллерийско-минометным огнем, огнем пулеметов.

Важно было знать, что между фортами располагались узлы сопротивления и опорные пункты полевых и долговременных сооружений.

По окраине города шла вторая позиция, состоящая из земляных сооружений и приспособленных к обороне каменных зданий.

На макете города, по которому докладывал полковник Сухацкий, можно было увидеть, что третья позиция проходила вдоль старой городской черты и включала еще 12 фортов внутреннего обвода.

Форты окружали и центральную часть города, где на всхолмленном берегу реки Прегель высился королевский замок.

В заключении, начальник разведки отметил, что городские кварталы были превращены немцами в мощные узлы обороны, каменные здания - в сильные опорные пункты.

Улицы города противник перекрыл баррикадами и заминировал, на площадях, перекрестках, в парках были построены железобетонные точки, врыты в землю танки и самоходки.

После начальника разведки выступал начальник инженерных войск армии, гвардии полковник Григоренко М.Г. и начальник химической службы армии гвардии полковник Круглов А.В.

В их докладах содержалась очень ценная для нас информация о предстоящем использовании родов войск при штурме города-крепости врага.

Сложность ждала всех нас большая.

С большим вниманием выслушали доклад начальника штаба армии гвардии генерал-лейтенанта Семенова И.И.

В своем докладе начальник штаба в общих чертах доложил замысел Кенигсбергской операции, подчеркнув при этом, что намечается нанести два удара, один с юга, другой — с севера–запада.

11-й гвардейской армии ставилась задача: развернув свои главные силы в полосе Альтенберг, Вартен (см. схему на стр. 208), атаковать укрепления Кенигсберга с юга и уже в первый день операции захватить рубеж Панарт, Кальген, а к исходу третьего дня овладеть всей южной частью города.

В дальнейшем, соединения армии должны были выйти на реку Прегель, форсировать ее и уничтожить противника на северном берегу реки.

В тот же день, гвардии генерал-майор Щербина довел до нас задачу дивизии.

84-й гвардейской стрелковой дивизии предстояло наступать на направлении главного удара 11-й гвардейской армии.

Задача дивизии заключалась в том, чтобы прорвать внешний обвод обороны противника на участке между железной дорогой и шоссе, проходящим юго-западнее Поанрт, выйти к реке Прегель в районе порта.

Ширина полосы наступления дивизии составляла 1,5 км.

Главный удар дивизия наносила на Проппельн и строила свой боевой порядок в один эшелон.

На ее правом фланге наступал наш 247 гвардейский полк. Он был построен в три эшелона. В первом эшелоне полка наступал 2-й стрелковый батальон майора *Евменова*, во втором эшелоне 1-й стрелковый батальон майора *Соколова* и, наконец, в третьем эшелоне шел 3-й батальон майора *Дружинина П.И.*

Каждый стрелковый батальон для прорыва обороны противника строил роты в линию.

Интересно отметить то, что участок наступления полка был — 0,5 км, батальоны наступали в полосе 0,4 км.

Действия 247-го полка должны были поддерживать две батареи 538-го тяжелого самоходного артиллерийского полка, три артиллерийских дивизиона, батарея корпусной артиллерии, первый дивизион 29-й тяжелой минометной бригады, третий дивизион 154-й тяжелой пушечной артиллерийской бригады, дивизион 280-мм мортир особой мощности.

Вот смотрю я на эти строчки и думаю: «Какая громадная сила выделена для поддержки только одного полка».

Вспомнил Духовщину, Вязьму, Наро–Фоминск... И сразу же приходит мысль: «Ну почему тогда, в те годы не имели мы и десятой доли того, что появилось здесь, под Кенигсбергом?»

Сколько сотен наших ребят осталось бы живыми, были бы целы и невредимы».

Думал и не находил ответа.

Огромная и кропотливая работа по подготовке штурма города-крепости была завершена.

Подготовка участия в штурме Кенигсберга потребовала от командиров и политработников полка больших усилий, неутомимого труда, полной отдачи всех знаний и опыта.

Войска были готовы к решению поставленных задач.

Боевые действия показаны на схеме на стр. 207.

За четверо суток до наступления началась артиллерийская подготовка, целью которой было разрушение долговременных оборонительных сооружений врага.

Два дня гремела артиллерийская канонада.

Помнится, недалеко от дома, где размещался штаб полка (поселок Бергау), развернулась батарея 305 миллиметровых морских мортир. С большим интересом штабники наблюдали, как эта махина вела огонь по форту врага №8.

В ночь на 5 апреля полк занял исходный рубеж для наступления.

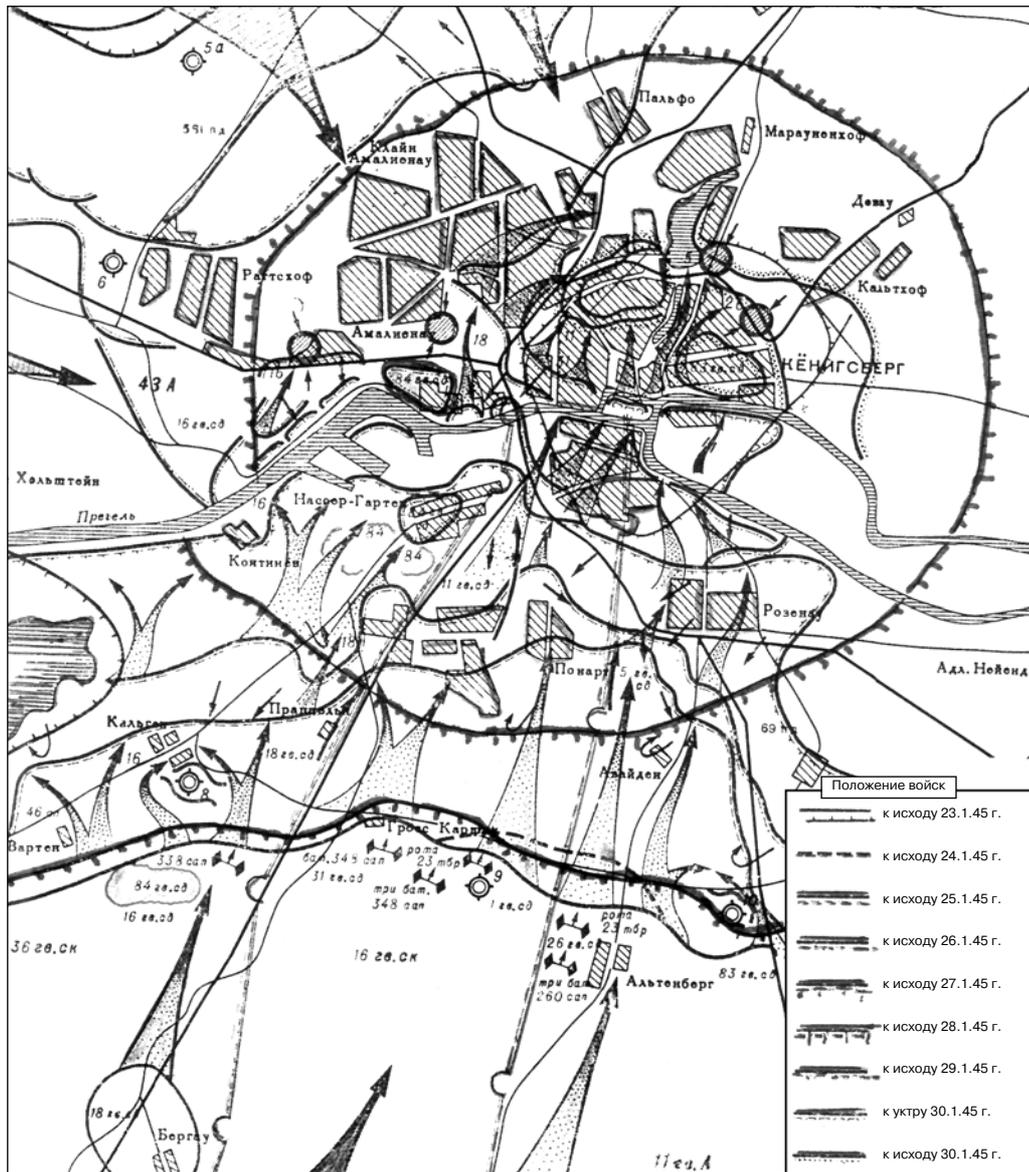
Ждали сигнала.

Из-за плохих метеорологических условий начало штурма было перенесено на 6 апреля.

Ночь на 6 апреля была тревожная.

Еще и еще раз, вместе со своими помощниками проверяли подразделения полка, занявших исходное положение на переднем крае.

Как люди, как вооружение, как обеспечение готовности и десятки вопросов «как»...

Ход боевых действий 11-й гвардейской армии 23-30 января 1945 г.

В 6 утра командир полка вышел на наблюдательный пункт, оборудованный на чердаке трехэтажного дома севернее Бергау.

Мы, то есть большая часть штаба давно находились там.

Ровно в 9 часов артиллерия армии — 1500 орудий и минометов, начала артиллерийскую подготовку.

С нашего наблюдательного пункта было хорошо видно, как вражеские позиции закрыла сплошная стена разрывов снарядов.

Насколько было видно, город заволокло густым дымом, пылью и огнем. Сквозь пелену можно было рассмотреть, как наши снаряды сносят земляные покрытия с укреплений фортов, как взлетают в воздух куски бревен и бетона, камни, исковерканные детали боевой техники.

С ревом пронеслись над нашими головами снаряды «катюш».

Из штаба дивизии передали, что нелетная погода не позволила осуществить массированное применение бомбардировочной авиации в период артиллерийской подготовки. Штурмовики не смогли поддержать атаку пехоты и танков.

За 10 минут до конца артиллерийской подготовки по сигналу генерал-майора Щербины, перешел в атаку стрелковый батальон майора Евменова и поддерживающие его самоходные установки.

В моих пометках того времени сказано, что в это время достигли траншей противника и завязали бой роты старших лейтенантов *Гладких С.Ф.* и *Шляпова А.Я.*

Батальон блокировал огневую точку ном.1 (бункер).

Используя гранатометы и ранцевые огнеметы, атакующие заставили гарнизон бункера капитулировать.

Для развития успеха подполковник Комаров Н.Д. ввел в бой второй эшелон полка - 1-й стрелковый батальон майора Соколова, который начал наступление в направлении населенного пункта Проппельн.

Вскоре полк прорвал передний край обороны противника.

Развитие дальнейших боевых действий несколько задерживалось. Атака Проппельна малыми силами успеха не имела.

Только после перегруппировки и ввода в действие армейской артиллерийской группы крупных калибров, батальоны полка к 15.00 ворвались в Проппельн с юга и завязали там уличный бой.

Гитлеровцев пришлось выбивать из каждого дома.

Бои не прекращались и ночью.

Подтянув артиллерию, в ночь на 7 апреля, полк приступил к штурму отдельных строений пригородного населенного пункта.

Подразделения обошли пивоваренный завод в Шенбуш с востока и запада, а к 9 часам утра вышли к реке Беек севернее Шенбуш. Однако, овладеть мостом и атаковать юго-западную окраину Нассер–Гартен не смогли.

Помнится, Беек - это очень небольшая речушка, но в условиях наступавшего половодья, она стала серьезным препятствием для наступающих подразделений.

Во второй половине 7 апреля облачность постепенно стала рассеиваться. Над полем боя наконец-то появились наши штурмовики.

В 14 часов правый сосед — 245-й стрелковый полк ворвался в Нассер-Гартен, чем содействовал успеху нашего полка.

247-й полк форсировал реку Беек.

После непродолжительного боя, Нессер-Гартен был нами взят.

В дальнейшем, подразделения полка вышли к реке Прегель, овладели не только предместными укреплениями противника, но и портом на западном берегу реки.

Таким образом, батальоны 84-й стрелковой дивизии полностью выполнили поставленную задачу.

Также успешно действовали наши соседи.

Во второй половине дня подполковник Комаров Н.О. поставил задачу второму и третьему батальонам форсировать реку Прегель у железнодорожной станции.

Штаб полка одновременно довел до майора Фурман Д.Л. и до начальника инженерной службы полка задачи — обеспечить батальонам успешное форсирование реки Прегель.

В последующем, полку было приказано наступать в направлении северного вокзала (Нордбангоф), где и соединиться с войсками, наступающими с севера.

Необходимо отметить исключительную находчивость командира полковой саперной роты гвардии капитана Нестрова А.И.

В порту саперы разыскали несколько надувных лодок (А-3), нашли нужное количество деревянных лодок. Этих средств хватило на обеспечение форсирования реки одновременно двумя стрелковыми батальонами.

Под огнем противника, успешно осуществили форсирование реки батальонами майора Евменова и майора Дружинина.

С первым рейсом на северный берег реки Прегель переправился и штаб полка.

К 13 часам значительно усилились удары нашей авиации.

Впервые я увидел (точнее услышал), как в небе стало тесно нашим самолетам.

Включив радиоприемник можно было услышать, как в наш район подходят волна за волной самолеты.

В приемнике непрерывно звучали команды: *«уходите из района...»*; *«сейчас подходят «пешки», освободите район...»*; *«уходите, идут...»*; *«над районом «тяжелые», освободите район...»*, и так далее, так далее...

Нам, «людям земным» трудно было понять, что же происходит в воздухе. Только значительно позже довелось узнать, что командующий 3-м Белорусским фронтом решил нанести сосредоточенный удар по оборонительным сооружениям и пунктам управления противника в центре города и в районе порта.

Тяжелые бомбардировщики 18-й воздушной армии (дальней авиации) подошли к району боев ровно в 14 часов. В течение 45 минут через Кенигсберг прошли непрерывным потоком свыше 500 бомбардировщиков, которые сбросили около 4000 бомб общим весом более 550 тонн. Почти одновременно самолеты 4-й воздушной армии и авиация Краснознаменного Балтийского флота начали бомбардировку кораблей и портов противника. Какая сила!!!

Прошло больше полувека, а вспоминая это время, чувство гордости охватывает меня за Родину, за ее силу, за мощь и непобедимость наших вооруженных сил.

К 24 часам 7 апреля весь наш полк, а за ним и дивизия переправились через реку. Подразделения полка развернули наступление на север. Вскоре батальон майора Соколова захватил газовый завод.

В районе кладбища противник оказал подразделениям полка упорное сопротивление.

Все наши попытки продвинуться вперед успеха не имели.

Потребовалось вмешательство средств дивизии и даже армейского корпуса.

Произведя перегруппировку, подразделения полка, под прикрытием артиллерийско-минометного огня, атаковали противника.

Возникла рукопашная схватка, длившаяся, правда, около 15-20 минут.

Давно, очень давно не видел я вид этого боя, опять вспомнил Духовщину, вспомнил бой в окружении под Вязьмой.

Не выдержав нашего натиска, и понеся при этом большие потери, немцы отступили.

Во второй половине 9 апреля подразделения полка овладели северным вокзалом, а 243-й и 247-й полки - фортом №20 и соединились с частями, наступавшими с севера.

Ожесточенные бои за город и крепость Кенигсберг в 16 часов 9 апреля прекратились.

К 7 часам утра 10 апреля полк прекратил боевые действия и сосредоточился на северной окраине города в казармах.

В ночь на 11 апреля 11-я гвардейская армия перешла в резерв фронта. Соединения армии были выведены из Кенигсберга и сосредоточены в районе Рудау, Нойхор, Ученен (схема на стр. снизу). Это в 12–15 км севернее города в лесах и на хуторах. Люди нуждались в отдыхе, а время, видимо не терпело.

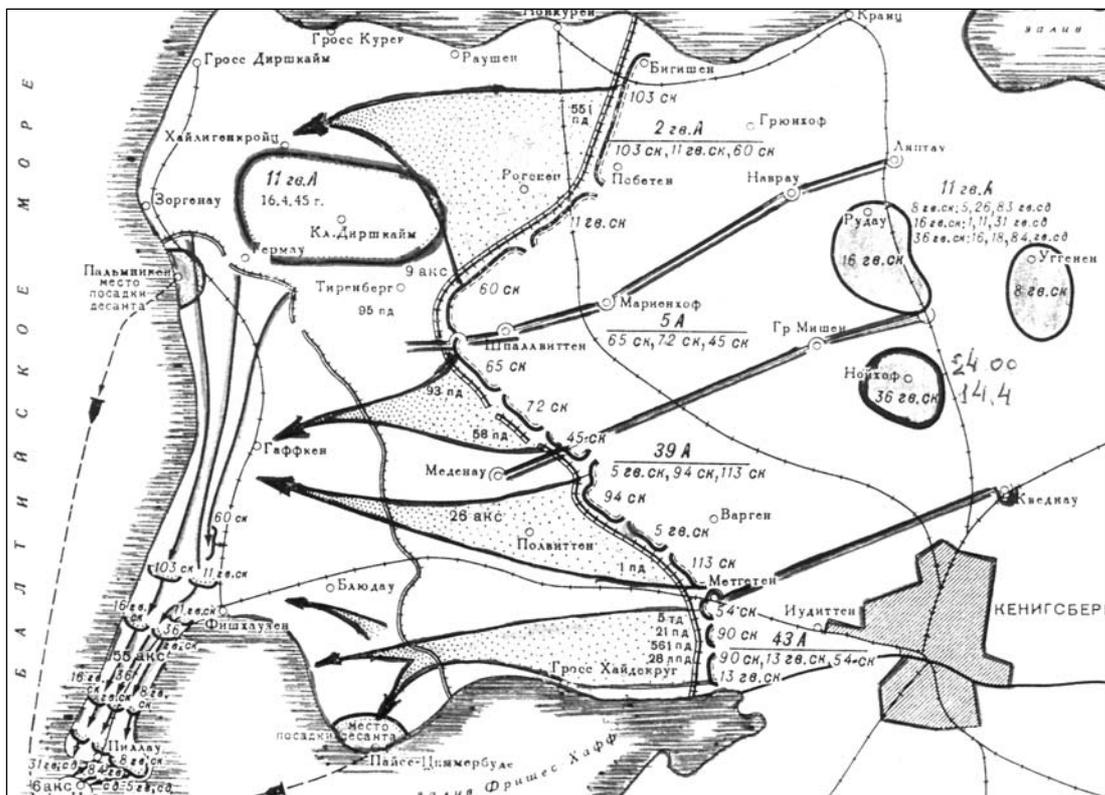
В ночь на 11 апреля, полк в составе дивизии совершил марш по маршруту Квединау, Шустеник и к 24 часам вышел в район южнее Нойхоф. Пока еще конкретная задача перед нами не стояла.

В этом районе полку предстояло усиленными темпами подготовить подразделения к новым боям; принять пополнение; привести в порядок технику, поврежденную в боях; создать необходимые запасы боеприпасов и продовольствия, а главное, дать отдохнуть людям, беспредельно измотанным в ходе четырехдневных непрерывных боев за Кенигсберг.

По информации разведывательного отдела 11-й гвардейской армии нам стало известно, что противник сумел вывести из-под угрозы окружения дислоцированные севернее Кенигсберга войска и отвести их на Земландский полуостров, где имелись заранее подготовленные сильно укрепленные позиции. Как было подчеркнуто в информации разведотдела, опираясь на эти укрепления, враг продолжал упорно сопротивляться.

Действия его сухопутных сил поддерживали корабли военно-морского флота и плавающие батареи.

В конце 16 апреля в штабе полка получили приказ командира 84-й гвардейской стрелковой дивизии.

Разгром Земландской группировки противника и взятие Пиллау.

В приказе было сказано, 11-я гвардейская армия сменяет соединения второй 2-й гвардейской армии, действующей на направление Пилау, и начинает наступление с рубежа Танкитшен, Розенталь в направлении Пиллау и на Косу Фриш Нерунг.

Приказ уточнял, что смену соединений 2-й гвардейской армии соединениями 11-й гвардейской армии осуществить в ночь на 18 апреля.

84-я дивизия на этом этапе боевой операции находилась в резерве 36-го гвардейского стрелкового корпуса.

Что касалось 247-го гвардейского стрелкового полка, то ему предстояло совершить марш: Нойхоф, Гр. Мишен, Мариенхор и к исходу 17 апреля сосредоточиться в районе севернее Тиренберг. (смотри схему на стр. 211)

В непосредственное соприкосновение с противником части дивизии вступили в ночь на 23 апреля, сменив 11-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

По прибытии в район севернее Нойхозер, к 10.00 23 апреля штаб полка разобрался с обстановкой. Оказалось, что противник закрепился в противотанковом рву.

Закрепился, надо сказать, прочно.

По решению подполковника *Н.Д. Комарова* вперед выдвинули батальон майора Соколова. В помощь к нему поехал я с группой начальников родов войск.

В 11.00 23 апреля батальон Соколова перешел в атаку. Коротким броском роты достигли противотанковый ров, но дальше продвинуться не смогли. Заградительный огонь врага приковал их на месте.

Наша повторная атака тоже не принесла успеха. Стало ясно, что сведения о противнике, добытые частями 11-й гвардейской дивизии еще во время тумана, не соответствовали истинному положению. Пришлось вновь, уже в процессе боя уточнять передний край обороны, систему огня, инженерные укрепления и заграждений противника.

Наша попытка решить проблему разгрома врага силами одного батальона не увенчалась успехом. Перед рвом роты опять залегли.

Доложил командиру полка обстановку, попросил «не жадничать» и помочь батальону.

Командир подумал, что-то прикинул и приказал обоим батальонам — Евменова и Дружинина действовать вместе с Соколовым.

После короткой артподготовки (благо, что Фурман был с нами на наблюдательном пункте), все три батальона двинулись в атаку. Сходу выбили немцев из противостоящих оборонительных сооружений.

По-моему, где-то к 12 часам дня 23 апреля, наступая вдоль дороги Фришхойзен—Пиллау, батальоны пола захватили железнодорожную станцию Нойхойзер, ворвались в город и завязали уличные бои.

К 6.00 25 апреля наш полк, совместно с 243-м и 245-м полками, вышли на северо-восточную окраину Пиллау.

Противник оказывал исключительно упорное сопротивление, бои шли за каждый дом.

Находясь вместе с командиром второго батальона, хорошо чувствовал, что особенно упорными бои были в центре города, в районе городского кладбища, а также на железнодорожной станции и на передней гавани.

Хорошо видно было, как шаг за шагом продвигались вперед штурмовые группы. Саперы помогли этим группам: успешно подрывали здания, пробивали в стенах проломы.

Пришлось организовать, подчас сходу, помощь штурмовым группам артиллерией, танками, саперами. Только хорошо организованное взаимодействие всех сил и средств обеспечивало дорогу к крепости Пиллау.

Помнится, что по приказу командования, вся артиллерия дивизии была опять поставлена на прямую наводку.

Вспоминая те жестокие бои, хотел бы все-таки выделить лучший из лучших, самый достойный гвардейский стрелковый батальон.

И не мог. Не нашел. Все были лучшие, все были самые самые. Честное слово.

Гвардейцы прорвались в крепость, завязали там ближний бой. Гранатами, огнеметами, в рукопашном бою уничтожали врага.

К 23 часам 26 апреля крепость почти полностью была взята. Над крепостными стенами с первыми лучами утренней зари взвился победоносный советский флаг.

Остались незанятыми только прибрежная часть в юго-западном районе Пиллау и часть крепости.

Обороняющихся поддерживал огонь крепостной и полевой артиллерии из северной части косы Фриш—Нарунг и артиллерии восьмидесяти боевых кораблей и морских катеров.

Еще в ходе боев за Пиллау полк был ориентирован о боевой задаче на дальнейшие действия.

В приказе было сказано, что после овладения юго-восточным районом города, полку быть готовым форсировать пролив Фриш-Нерунг и захватить плацдарм в районе дома отдыха и крепостного форта восточнее его.

Надо сказать, что штаб дивизии, да и штаб армии (особенно их инженерные отелы) совместно со штабами артиллерии, разработали для нас подробные планы инженерного и артиллерийского обеспечения форсирования Фриш-Нерунг.

Но и для нашего штаба работы хватало с лихвой.

Было принять решение форсировать пролив двумя гвардейскими стрелковыми батальонами: третий (командир — гвардии майор *Дружинин П.И.*) и первым (командир — гвардии майор *Соколов А.И.*).

Второй батальон переправлялся со вторым эшелоном полка.

С батальоном Дружинина следовала группа штаба полка во главе с гвардии капитаном Викторовым Алексеем.

Батальон Соколова под свое попечительство взял я сам.

Что касается командира полка подполковника *Комарова Н.Д.*, то он возглавил второй эшелон полка.

Ночь на 26 апреля прошла в большом напряжении.

Все ли предусмотрели, все ли согласовали, все ли учли?

Вопросы, вопросы и вопросы.

Такова доля штаба, такова штабная работа.

В ночь ан 26 апреля подразделения дивизии заняли исходное положение для форсирования пролива.

С вечера ночь была лунная, но вскоре мрачные тучи заволокли небо. Моросил холодный мелкий дождь.

Наступила крошечная тьма.

Рано утром вспыхнул в небе долгожданный сигнал: форсирование.

С уреза воды мне хорошо было видно, как под прикрытием артиллерийского заградительного огня и мощного удара нашей авиации, входили в воду амфибии первого эшелона десанта.

Вижу — справа пошел батальон Дружинина, еще правее его видны плавсредства 31-й гвардейской дивизии.

Левее нас на воду вышел 245-й гвардейский полк, а левее его замелькали знакомые лица ребят из 5-й гвардейской дивизии.

Вижу, как волнуется всегда спокойный командир полка — гвардии подполковник Комаров Н.Д.

В это время враг открыл мощный пулеметно-артиллерийский огонь с фортов и боевых кораблей.

Особо мощные всплески воды были видны от разрывов снарядов линейного крейсера противника - «Лейпциг».

Как тогда говорили, он вошел на внешний рейд Пилллау.

Благодаря четкой организации форсирования, удачному выбору мест переправы, десант пошел успешно.

Сказалось высокое мастерство водителей амфибий, их исключительное мужество и выдержка.

Эти машины с десантом под жесточайшим огнем противника сумели успешно подойти к противоположному берегу залива.

Рано утром 26 апреля на катера первым погрузился 3-й стрелковый батальон под командованием гвардии майора П.И. Дружинина.

Конкретно, как развивались события на этом участке, мы не наблюдали. Поэтому рассказываю со слов своего помощника (ПНШ-1) гвардии капитана *В.Н. Викторова*.

Преодолев водную преграду у морских ворот (выход в залив), катера с личным составом батальона подошли к бетонной набережной высотой около метра.

После высадки, роты зацепились за северный берег косы и вышли в соприкосновение с противником.

Подтянув резервы, немцы предприняли ряд контр атак.

Однако, огнем стрелкового оружия, при поддержке 120 мм минометов, атаки противника были отбиты. Батальон продолжал продвигаться вдоль косы на север.

В районе авиационного тира роты батальона вышли к вражеским укреплениям и подожгли один из бункеров.

Желая избежать излишнего кровопролития, гвардии майор Дружинин П.И. направил в расположение противника в качестве парламентеров двух военнопленных, которые должны были передать оборонявшимся ультиматум о сдаче в плен.

Предложение о капитуляции было принято.

подавляющее большинство вражеских солдат и офицеров сдались в плен. Однако некоторые из них продолжали сопротивляться.

В числе тех, кто не сложил оружие, был и находящийся в бункере немецкий генерал Хенке. Этот генерал командовал группировкой войск оборонявшей косу. В перестрелке генерал был ранен и вскоре скончался от ран.

Батальон пленил свыше 600 немцев.

Но и нам победа досталась нелегко.

Несколько человек было убито, в том числе погиб и командир батальона — П.Н Дружинин.

Он на долгие годы сохранился в памяти людей, знавших этого чудесного человека, исключительно храброго и безмерно преданного своему долгу.

Из тех, кто воевал под командованием гвардии майора Дружинина П.И., сейчас живут в Москве: *Дрянных Павел Григорьевич* — командир 7-й роты батальона и минометчик *Старостенков Николай Яковлевич*.

Они очень тепло отзываются о своем Комбате 3.

Что же касается 2-го стрелкового батальона (командир — гвардии майор Соколов), то он форсировал пролив западнее 3-го батальона.

С большим трудом батальон преодолел водную преграду и вышел к северному берегу косы Фриш–Нерунг.

Для нас оказалось совершенно неожиданно, что траншеи, ходы сообщения и огневые точки противник оборудовал на бетонной набережной. Бетонная набережная была высотой более метра.

Попытки десанта высадиться на такой набережной, и захватить ее сходу, успеха не имела.

Для того чтобы плавсредства могли причалить к берегу, саперам пришлось разрушить взрывчаткой участки дамбы.

Пока саперы делали свои дела, разрушали участки бетонной дамбы, наши катера и плоты «болтались» у берега.

С большой тревогой наблюдали, как большие столбы воды, поднятые разрывами снарядов противника, то приближались к нам, то удалялись.

Было как-то страшновато наблюдать за такими столбами воды, грязи и ила, поднятого со дна пролива. Сразу, как только саперы закончили свою тяжелую и опасную работу, вперед пошли стрелковые роты, высадились на берег, зацепились сначала за первую, а затем заняли и вторую траншеи противника.

Оказалось для нас непонятно, почему противник заранее не занял свои позиции у уреза воды.

Правда, немного позже враг активизировал свои действия и предпринял ряд довольно сильных контратак с целью сбросить наши войска с плацдарма.

Как всегда «батальон просил огня». Это было нами четко отработано, и к 10 часам роты отбили две вражеские атаки, прочно закрепились на отвоеванном рубеже.

Помню, что в бою мы захватили в плен 25-30 солдат противника.

Встал вопрос - куда девать пленных, как их охранять.

Вызвал своего помощника по строевой части (ПНШ-3) гвардии капитана *Болдырева С.З.* Дал ему в усиление нашего переводчика – рядового *Слуцкера Бориса Моисеевича* и из числа раненых автоматчиков сержанта Сергеева.

Приказал организовать охрану пленных.

С задачей они справились отлично, не считая двух недоразумений. В помощь сержанту Сергееву, Болдырев назначил, из числа пленных немцев двух человек, немного знавших русский язык.

Это назначение почему-то обидело Сергеева.

Пришел ко мне с жалобой: «Когда воевал, когда ходил в атаку — нужен был. А вот сейчас, раненый, кроме как командовать фрицем, ничего не нашлось».

Пришлось разъяснить сержанту о важности его должности. Инцидент уладили.

И второе — среди пленных оказалось два «наци» — фашиста. Все пленные категорически отказались размещаться с ними в одном бункере. Не помню, как капитан Болдырев решил эту «проблему», но выход все же был найден.

Во всех деталях помню другой пример, но уже «оперативного масштаба».

Отражая контратаки немцев, мы все с нетерпением ждали подхода второго эшелона во главе с гвардии подполковника *Комаровым Н.Д.*

Каково было мое удивление, когда увидел, как к проемам, проделанным раньше нашими саперами в бетонной набережной, стали причаливать плавсредства. Из них высаживались офицеры и солдаты.

Пошел выяснить в чем дело.

Уточнил, что это подошел один из эшелонов 17-го гвардейского стрелкового полка 5-й гвардейской стрелковой дивизии.

Но я удивился еще более, когда из причалившего катера выскочил, ни кто иной, как генерал-майор *Петерс Г.Б.* — командир 5-й дивизии, бывший наш комдив.

Встреча у нас с ним была очень эмоциональная.

Во-первых, Георгий Борисович обнял меня, похлопал по спине и удивился, почему я до сих пор живой. Не помню, он удивился этому, или просто спросил, или пожалел об этом.

Но что можно было ответить?

Я же в свою очередь заметил, что он залез не в свою полосу форсирования пролива. Ну а Г.П. Петерс ответил так, как мог ответить только Г.П. Петерс. Он показал мне кулаки из трех пальцев и скорым шагом ушел в свою полосу.

Это было вовремя, так как уже подошел к берегу и начал высаживаться 245-й гвардейский стрелковый полк, а вместе с ним подошел и второй эшелон нашего полка во главе с Н.Д. Комаровым.

В течение 26 апреля наши части полностью разгромили группировку противника на северном побережье косы Фриш–Нерунг и блокировали ее остатки в районе береговых укреплений юго-западнее Нейторф.

27 апреля наши войска продолжали наступление в юго-западном направлении, вдоль косы.

В последующие два дня 28 и 29 апреля части дивизии, выйдя на северо-западное побережье косы в районе мол Зюдмолле заняли оборону на побережье, имея задачу не допускать возможную высадку десанта врага в тыл наших наступающих войск.

Однако надобность в такой операции вскоре отпала. Дивизия получила приказ передислоцироваться в новый район сосредоточения.

Выполняя его, наш полк, совершил марш по маршруту — Нойтиф, переправа через пролив в г. Пиллау, Клай Блюменау и к 22 часам сосредоточился в районе Бервальде.

Здесь воины–гвардейцы встретили победный май.

А 2 мая дивизия совершила новый переход. Миновав Ляут, Юнгерндорф, Штейнбек, Гросс Отшенхаген, Гросс Линденау, Клайн Отштегхаген, части дивизии сосредоточились в районе к северу от Аккерау.

На этом боевой 84-й гвардейской Карачаевской краснознаменного ордена стрелковой дивизии, а, следовательно, и боевой путь ее 247-го гвардейского полка были завершены.

*« ...Война нас гнула и давила
Но и ей самой пришел конец... »*

Какие слова! Каково их содержание.

Наше дело было правое — мы победили.

В этот поистине исторический день и в моей жизни произошло событие, которое для меня имело громадное значение.

2-го мая генерал-майор Щербин, где-то на марше перехватил наш полк.

Заехал. Поговорил с личным составом, а потом вдруг (ох уж это «вдруг») отозвал меня в сторону и спросил, что я думаю об учебе в академии.

Ну что я мог ответить комдиву?

Только громадное «спасибо за доверие» и самое искреннее желание учиться.

3-го мая, я был в Кенигсберге, разыскал какой-то замок, а там попал на прием комиссии под предводительством генерал-лейтенанта Сухомлина.

Генерал Сухомлин, в те годы был заместителем начальника академии имени М.В. Фрунзе, но науке.

Он отбирал будущих слушателей для учебы в академии.

Я подчеркиваю, что он отбирал не «кандидатов на учебу», а уже «слушателей».

Дело в том, что нас сразу же там, в Кенигсберге, безо всяких экзаменов зачислили на учебу в академию.

Как стало известно значительно позже, это был приказ Верховного Главнокомандующего генералиссимуса Сталина И.В.

Якобы, как говорило «солдатское радио», кто-то из чиновников, при докладе Сталину И.В. предложил проводить вступительные экзамены для поступающих офицеров в академию в 1945 году.

Верховный, как будто бы ответил: «Они показали свои знания, сдали свой экзамен там, в бою».

И все.

Этот набор в послевоенный год долго еще называли «сталинским набором».

5-го мая я отбыл к новому месту службы: город Москва, Военная академия имени М.В. Фрунзе.

Что было в дальнейшем с дивизией, ее частями и подразделениями, я узнал позже, со слов моих боевых товарищей.

В 12 часов дня 9 мая в расположении штаба дивизии состоялся парад войск в честь Дня победы.

Парад принимал командир дивизии гвардии генерал-майор Н.К. Щербина.

Вскоре дивизия передислоцировалась в город Гумбинем (в последующем город Гусев).

Мой родной 247-й гвардейский стрелковый полк разместился в городе Этткунен.
Поступили новые штаты. Изменилась организационная структура дивизии.
Вооруженные силы СССР перестраивались на мирный лад.

11 мая 1946 года Военный совет 11-й гвардейской армии принял решение в соответствии с которым 84-я Карачаевская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия была расформирована и прекратила свое существование.

Так была поставлена точка в судьбе прославленной дивизии Русской армии.

В сете этого, видимо действительно требуется поставить тоже точку и в нашем исследовании.

Напомню, что еще в самом начале работы, автор писал о том, что он не собирается описывать операции Великой Отечественной войны, или же углублять, детализировать основы оперативного искусства.

Нет, нет и еще раз — нет.

Во-первых, по этим архиважным и сложным вопросам очень много написано.

Во-вторых, решение этих задач автору явно не под силу.

Дело в том, что я ставил перед собой весьма скромную задачу.

Хотелось ответить только на один вопрос - «Как это было».

Но здесь требуется понять, разъяснить, что значит - «это». Простая часть фразы, местоимение, или что-то другое?

Ответ на этот, в общем-то, несложный вопрос, мы найдем в чудесных стихах:

Призрачно все, в этом мире бушующем.

Есть только миг, за него и держись.

Есть только миг, между прошлым и будущим.

Именно он называется **ЖИЗНЬ**.

Вот об этом и хотел рассказать автор.

Библиография

При написании воспоминаний использована следующая литература:

- **«Краснознаменный Сибирский» (альбом)**, издание СибВО, г. Новосибирск. 1979 год.
- **«В пламени и славе»**. Очерки истории Сибирского Военного Округа. г. Новосибирск. 1969 год.
- **«Гвардейцы – москвичи»**. Кузнецов П.Г., Воениздат, МО СССР, г. Москва. 1969 год.
- **«Битва под Москвой»**, г. Москва, Военное Издательство. 1989 год.
- **«Подвигам жить в веках»**. М. Воробьев, В. Усов, Московский рабочий. 1985 год.
- **«Командарм Лукин»**. Виктор Муратов, Юлия Городетская (Лукина), Москва, Военное издательство, 1990 год.
- **«Военно – исторический архив»**. г. Москва. 1995 г.
- **«На призыв Родины»**. Виноградов Ю.В., Широков С.М. г. Москва. 1995 г.
- **«Маршрутами народной славы»**. Шамоди В.А. г. Минск. 1988 г.
- **«Великая Отчественная война 1941–1945»**. Энциклопедия.
- **«Годы суровых испытаний»**. Галицкий К.Н., Издательство «Наука». г. Москва. 1979 г.
- **«Сквозь огненные вихри»**. г. Москва. 1987 г.
- **«Боевой путь сибирских дивизий в Великой Отечественной войне»**. Мочалов Н.П. г. Новосибирск. 2000 г.
- **«Размышления о минувшем»**. г. Москва. 1963 г.
- **«Дело всей жихни»**. Василевский А.М. Политиздат. 1974 г.
- **«166-я Сибирская бессмертная»**. Газета «Красное Знамя» за 6, 10, 12, 16 и 17 февраля 1970 г. Орган Томского областного комитета КПСС и областного совета депутатов трудящихся.
- **«Эхо трагедии 1941 года»**. Газета «Вечерняя Москва»
- **«Книга памяти. Сибиряки в битве за Москву. 1941–1942»**. Статья Штрик С.В. «О чем вспомнил старший лейтенант» г. Москва. 2001 г.
- **«В боях за Восточную Пруссию»**. Галицкий К.Н. Издательство «Наука» г. Москва. 1970 г.

- *«Так шли мы к Победе»*. Багромьян И.Х. Воениздат. г. Москва. 1977 г.
- *«Воспоминания и размышления»*. Жуков Г.К. Том 1 и 2. Второе доп. издание. М.АНИ. 1974 г.

А также статьи из газет:

- *«Парламенская газета»* за 16 октября 1999 г.
Штрик С.В. *«Первый день во вражеском окружении»*.
- *«Ратник Отечества»* за 15 июля 1998 г.
Штрик С.В., Тычков М.Н. *«Берег господствующее общественное мнение»*.
- *«Ратник Отечества»* за 18 ноября 1999 г.
Штрик С.В. *«Это было под Наро–Фоминском»*.
- *«Южные горизонты»* от 26 декабря 2000 г.
Штрик С.В., Ротманский В.И. *«Комбат — это навсегда»*.
- *«Южные горизонты»* от 15 мая 2001 г.
Штрик С.В., Черняев П.А. *«Не судите о молодежи только по москвичам»*.

Содержание

От автора	5
Сибиряки	9
Дороги Смоленщины	25
На подступах к Москве	38
Там, за рекой Нара. Отступить некуда — за нами Москва	61
Жизнь продолжается	87
Снова в строю	103
Вот она, служба штабная	124
Война катилась на запад. Мы наступали	147
Перед тобой логово фашистского зверя	173
С войной покончили мы счёты	196
Библиография	218